

Содержание / Contents

2025

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Молчанов С.В., Алмазова О.В., Поскребышева Н.Н.
Кросс-культурные особенности мотивации
волонтерства молодежи08

Васильева И.В., Чумаков М.В.
Ценности личности и студенческое
волонтерство18

ПСИХОЛОГИЯ ИСКУССТВА

Борисенко Н.А.
Опыт психологического исследования ранней
читательской биографии А.С. Пушкина29

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИИ

Луныкова Е.Г., Рахимова А.Р., Белоусова М.Д.
Симуляторное расстройство в свете теории
уровневой регуляции движения:
эмпирическое исследование37

Коренева Е.В., Золотарева А.А.
Русскоязычная версия шкалы стигмы
ВИЧ-инфекции Б. Бергера51

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Михно О.С.
Особенности профессиональной «Я-концепции»
курсантов военного вуза и студентов
гражданского вуза, обучающихся
по направлению «Психология»65

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

Леонтьева А.Д., Зубарев А.С.
Тревожность и нейрофизиологические маркеры:
анализ с использованием мобильной ЭЭГ75

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Руднова Н.А., Шевелева М.С.
Особенности организационного поведения
сотрудников с феноменом самозванца86

DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY

Molchanov S.V., Almazova O.V., Poskrebisheva N.N.
Cross-cultural features of volunteering
motivation in youth08

Vasileva I.V., Chumakov M.V.
Personal values and student volunteering18

PSYCHOLOGY OF ART

Borisenko N.A.
Experience of psychological research of the early
reader's biography of A.S. Pushkin29

METHODOLOGY AND METHODS OF PSYCHOLOGY

Lunyakova E.G., Rakhimova A.R., Belousova M.D.
Simulator sickness within the framework
of the level theory of movement regulation:
empirical study37

Koreneva E.V., Zolotareva A.A.
Russian version of the Berger HIV Stigma Scale51

EDUCATIONAL PSYCHOLOGY

Mikhno O.S.
Professional "I-concept" of cadets at a military
university and students at a civil university studying
in the direction of "Psychology"65

PSYCHOPHYSIOLOGY

Leontyeva A.D., Zubarev A.S.
Anxiety and neurophysiological markers:
analysis using mobile EEG75

SOCIAL PSYCHOLOGY

Rudnova N.A., Sheveleva M.S.
Organizational behaviour in employees
with Impostor Phenomenon86

■ Кросс-культурные особенности мотивации волонтерства молодежи

С.В. Молчанов , О.В. Алмазова, Н.Н. Поскребышева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

 s-molch2001@mail.ru

РЕЗЮМЕ

Актуальность. Актуальность исследования мотивации волонтерства молодежи обусловлена высоким значением добровольческой активности как с точки зрения фактического результата — оказания помощи нуждающимся, так и в аспекте позитивного личностного развития участников добровольческого движения.

Цель. Целью исследования было изучение характера мотивации волонтерской деятельности молодежи с учетом кросс-культурной специфики на примере двух стран — Российской Федерации и Республики Азербайджан.

Выборка. Выборка участников исследования составила 156 студентов в возрасте от 19 до 25 лет ($M = 20,9$; $SD = 1,92$) из России и Азербайджана, обучающихся в вузах на дневном отделении. Российская выборка составила 81 человек, группа респондентов из Азербайджана — 75 человек.

Методы. Были использованы методики — опросник мотивации волонтерской деятельности Клери в адаптации Молчанова С.В., Алмазовой О.В., Поскребышевой Н.Н., авторская методика оценки личностных качеств типичного волонтера Молчанова С.В., Алмазовой О.В., Поскребышевой Н.Н., анкета, направленная на выявление опыта волонтерской деятельности респондентов, Молчанова С.В., Алмазовой О.В., Поскребышевой Н.Н.

Результаты. Сравнительное исследование кросс-культурных различий мотивации волонтерской деятельности молодежи России и Азербайджана обнаружило как сходство, так и различия мотивации. Сходство нашло отражение в высокой значимости мотивации волонтерства как ценности и источника компетенций и низкой значимости волонтерства как способа психологической защиты. Различия в том, что оценки «волонтерства как карьерной возможности» и «волонтерства как социальной функции» у студентов Азербайджана значимо выше, чем у молодых людей из России. Исследование мотивации волонтерства у групп молодежи, имеющих и не имеющих опыта участия в добровольческой активности, подтверждает установленную ранее связь опыта волонтерства с особенностями его мотивации.

Выводы. Полученные результаты в целом подтвердили выдвинутые гипотезы. Кросс-культурные различия в мотивации волонтерства заключаются в большей значимости мотивации карьерных возможностей и социальной функции волонтерства у азербайджанской молодежи, по сравнению с российской. Проведенное исследование обнаружило, что опыт волонтерской деятельности приводит к возрастанию сходства мотивации участия молодежи в добровольческой активности.

Ключевые слова: волонтерство, кросс-культурные различия, мотивация волонтерства, период молодости

Для цитирования: Молчанов, С.В., Алмазова, О.В., Поскребышева, Н.Н. (2024). Кросс-культурные особенности мотивации волонтерства молодежи. *Национальный психологический журнал*, 20(1), 8–17. <https://doi.org/10.11621/npj.2025.0101>

■ Cross-cultural Features of Volunteering Motivation in Youth

Sergey V. Molchanov , Olga V. Almazova, Natalya N. Poskrebisheva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 s-molch2001@mail.ru

ABSTRACT

Background. The study of the volunteering motivation in youth is relevant due to the high importance of volunteering, both in terms of the actual result (providing assistance to those in need), and in terms of positive personal development of participants in the volunteer movement.

Objective. The aim of the study was to study the nature of the motivation for volunteering among young people, taking into account cross-cultural specifics, using the example of two countries: the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan.

Study Participants. The sample consists of 156 students aged from 19 to 25 years ($M = 20.9$; $SD = 1.92$) from Russia and Azerbaijan, attending universities. The Russian group consists of 81 students, Azerbaijani group included 75 students.

Methods. Volunteering motivation questionnaire by Clary E.G., adopted by Molchanov S.V., Almazova O.V., Poskrebisheva N.N., a technique for assessing the personal qualities of a typical volunteer by Molchanov S.V., Almazova O.V., Poskrebisheva, a questionnaire aimed at identifying the experience of respondents' volunteering by Molchanov S.V., Almazova O.V., Poskrebisheva were applied.

Results. A comparative study of cross-cultural differences in the motivation for volunteering among young people in Russia and Azerbaijan revealed both similarities and differences in motivation. The similarity is reflected in the high importance of volunteering motivation as a value and source of competencies, and the low importance of volunteering as protection. The differences are that the assessments of "volunteering as a career opportunity" and "volunteering as a social function" are significantly higher among Azerbaijani students than among young people from Russia. The study of the motivation for volunteering among groups of young people with and without experience of participating in volunteer activity confirms the previously established connection between the experience of volunteering and the peculiarities of its motivation.

Conclusions. The results obtained generally confirmed the hypotheses put forward. Cross-cultural differences in the motivation for volunteering were studied and tested with the selected methods to substantiate the significance of the motivation for career opportunities and the social function of volunteering among Azerbaijani youth as compared to Russian. The conducted research led to the understanding that the experience of volunteering is associated with an increase in the similarity of motivation for young people to participate in volunteering.

Keywords: volunteering, cross-cultural differences, volunteering motivation, youth

For citation: Molchanov, S.V., Almazova, O.V., Poskrebisheva, N.N. (2024). Cross-cultural features of volunteering motivation in youth. *National Psychological Journal*, 20(1), 8–17. <https://doi.org/10.11621/npj.2025.0101>

ВВЕДЕНИЕ

Волонтерская деятельность становится все более распространенной и популярной среди молодежи в различных странах. Можно говорить о возрастании внимания к сфере бескорыстной помощи нуждающимся, созданию условий и пространства для самореализации человека в добровольческой активности в государственной политике разных стран. Важным вопросом становится вопрос об общих закономерностях и различиях волонтерской деятельности в разных странах. Кросс-культурная психология направлена на изучение сходств и различий психологических переменных в различных культурах и этнических обществах (Стефаненко, 2014). Кросс-культура как пространство пересечения культур часто рассматривается через призму особенностей общения и взаимодействия представителей различных культур. Кросс-культурный анализ особенностей мотивации волонтеров — представителей различных стран может значительно расширить понимание универсальных и культурно-специфических особенностей волонтерской деятельности. Методология кросс-культурного анализа традиционно используется для выявления общего и различного в закономерностях психического функционирования человека с учетом культурного контекста. В условиях противоречивости процессов глобализации и унификации материальной и духовной культуры и повышенного внимания к сохранению культурно-специфического наследия, кросс-культурные исследования могут быть полезны для выявления особенностей всеобщих распространенных процессов (например, волонтерства) в культурно-специфических условиях. Также отмечается, что вопрос поиска универсальных социализирующих и ценностно-значимых видов деятельности, привлекательных для молодежи в современном изменчивом, неопределенном и вариативном мире, становится важной задачей социума (Марцинковская, 2022).

Мотивация деятельности выступает как побуждение к действию, с наличием цели и плана действия. Мотивация в значительной степени определяет особенности поведения человека, в частности, стабильности поведения, направленного на достижение цели. Мотивация волонтерства оказывает значительное влияние на общий уровень вовлеченности, стабильность поведения, готовность к преодолению трудностей на пути достижения целей. Таким образом, анализ мотивации волонтерства выступает важным предиктором стабильности и эффективности деятельности в сфере бескорыстной помощи нуждающимся.

В современном обществе нарастает тенденция расширения географии добровольческого движения. Кросс-культурный анализ волонтерства позволяет углубить понимание психологических особенностей представлений молодежи о волонтерстве и мотивах добровольческой деятельности. Европейские традиции волонтерства имеют довольно обширную историю, с начала XX века были образованы ключевые добровольческие общественные организации, которые получили значительное

развитие. На сегодняшний день от 20 до 30% взрослого населения европейских стран принимают участие в различных волонтерских организациях и проектах. Международные организации и ассоциации активно развиваются с середины XX века в Европе и США, создавая различные организации помощи (например, Международная гражданская помощь, SCI; волонтер ООН, UNV; молодежная федерация международного культурного обмена, ICYE и др.), и осуществляя международное правовое регулирование волонтерских движений (например, Всеобщая декларация добровольчества, которая была принята на XVI Всемирной конференции Международной ассоциации добровольческих усилий) и др. (Данилова, 2015). В Америке и Европе волонтерское движение во многом рассматривается как один из элементов гражданского общества, посредством которого граждане берут на себя ответственность за сообщество (Тарасова, 2012). Существуют серьезные различия, как в правовом регулировании, так и в содержательных аспектах добровольческой деятельности в разных странах, что может быть связано с культурно-историческими традициями функционирования волонтерского движения. Добровольчество как часть общественной жизни прочно укоренилось в культурных нормах, образе жизни значительной части населения в таких странах как Ирландия, Великобритания, Голландия и Германия; в то же время в таких странах как Хорватия, Греция и Болгария, долговременные традиции, связанные с волонтерством, отсутствуют, а добровольческое движение развито крайне слабо (Овсий, 2019).

В российской истории добровольчество имеет давнюю историю благотворительности, взаимопомощи отдельных лиц и семей, историю добровольной военной службы, меценатства, благотворительности как формы социального служения и других форм взаимопомощи (Тарасова, 2012; Холина, 2011). Во времена СССР добровольство было тесно связано с политическими организациями и осуществлялось в основном в организованных государством формах. В постсоветском пространстве всплеск волонтерской активности наблюдается в последние годы. Исследователи связывают это, с одной стороны, с отсутствием традиции именно организованной добровольческой помощи при обширной истории взаимопомощи как таковой, а с другой стороны, с многолетним опытом принуждения к общественно полезным работам (Plagnol, Huppert, 2010). На постсоветском пространстве выделяют различные модели волонтерства, связанные с социокультурными особенностями реализации добровольческой деятельности — традиционную, советскую и демократическую. Советская модель рассматривается через призму добровольческих организаций, связанных определенной идеологией. Традиционную модель связывают с церковной благотворительностью и меценатством, в котором социальный статус благотворителя признается более значимым, чем социальный статус получающего помощь. Демократическую модель описывают как основывающуюся на западных представлениях о волонтерстве как организованной деятельности для сохранения социальной стабильности и развития общества. В историческом ракурсе развития добровольчества в России выделяют этапы семейной и родственной взаимопомощи, этап объединения церкви и государства при создании богаделен и образовательных учреждений, этап создания государственной медицинской и социальной помощи, государственной помощи с идеологическим наполнением и этап добровольческой деятельности как формы социальной взаимопомощи (Тарасова, 2012). Исследования волонтерства указывают на широкую направленность и функции волонтерства в современной России, выделяют социализирующую, экономическую, досуговую, воспитательную, образовательную функцию и функцию гражданской ответственности (Ковель, 2019). Исследователи указывают на высокий потенциал молодежи в волонтерских движениях и на ведущую роль волонтерства среди факторов социального развития общества в таких сферах, как социальное обеспечение, образование, культура, охрана окружающей среды, здравоохранение и т.д. В основе волонтерской деятельности лежит не только сама добровольность, но и отсутствие вознаграждения и польза для общества. Социальные исследования волонтерства в России показывают несистемный характер добровольчества при высокой мотивации участия в волонтерских проектах и организациях (Перминова, 2016). Среди основных видов деятельности выделяют работу с социально незащищенными слоями населения, с детьми и молодежью; участие в проектах, направленных на решение проблем местных сообществ; участие в экологических проектах; реализация проектов, направленных на предотвращение конфликтов, развитие идей терпимости в обществе; развитие проектов, направленных на пропаганду идей здорового образа жизни среди молодежи, профилактику употребления психоактивных веществ, участие в спортивных и культурных организациях и др. (Габдрахманова, 2012).

Развитие волонтерства в Азербайджане обусловлено историческими процессами и тесно связано с культурными особенностями — прежде всего, особой ролью семьи и внутрисемейной помощи. В современном Азербайджане волонтерское движение является частью молодежной политики. Азербайджанские исследователи указывают на такую исторически раннюю форму добровольчества, как меценатство, указывая, в частности, на особую роль З. Тагиева, который способствовал развитию промышленности, экономики, здравоохранения, образования (Исмаилова, 2018). Однако, по мнению азербайджанских авторов, активность молодежи в волонтерских организациях и проектах до начала XX века оставалась чрезвычайно низкой (Исмаилова, 2018; Мехдиева, 2020; Paturyan, Gevorgyan, 2014). Отмечается, что волонтерство на данный момент еще не приобрело системного характера и находит отклик у молодежи преимущественно в области культурных и спортивных событий, в которых оказывается высоко востребованным среди азербайджанской молодежи. Исследования волонтерской деятельности довольно малочисленны. Выявлено положительное влияние на личностное развитие участия в волонтерских проектах, связанных со спортивными мероприятиями: например, национальной велогонки «Тур Азербайджан» (Kouchameshki et al., 2021), а также высокая мотивация к участию в спортивных мероприятиях, например в Европейских Играх Баку-2015 и др. мероприятиях. В остальном же, отмечают авторы исследований, волонтерство носит локальный, краткосрочный и стихийный характер, поскольку оно пока не интегрировано в национальную ментальность, уклад жизни и воспитание в Азербайджане (Исмаилова, 2018). Несколько изменило ситуацию в Азербайджане распоряжение Президента страны И. Алиева об объявлении 2020 года «Годом волонтеров». В начале XXI века добровольческие организации получили свое общественное признание, основными проектами, в которых приняла участие молодежь стали Евровидение, первые Европейские игры, гонки Формулы-1, IV Игры исламской солидарности. В числе приоритетных направлений развития добровольческого движения специалисты называют расширение добровольческого пространства — поиск форм и методов совместной деятельности социозащитных учреждений, общеобразовательных школ, органов правопорядка, служб занятости, учреждений культуры, трудовых коллективов как участников добровольческого движения (Мехдиева, 2020). Однако, к настоящему моменту следует отметить ограниченность психологических исследований особенностей волонтерской деятельности в Азербайджане, мотивации включенности молодежи в добровольческое движение.

ЦЕЛЬ И ГИПОТЕЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью нашего исследования было изучение кросс-культурных различий в характере мотивации волонтерства и представлений о волонтерстве, определяющих восприятие личностных особенностей типичного волонтера на примере молодежи Российской Федерации и Республики Азербайджан.

Объект исследования — мотивация участия в волонтерском движении молодежи. Предмет исследования — кросс-культурные различия в характере мотивации волонтерства и представлений о личностных особенностях типичного волонтера.

Задачи исследования включали: 1) сравнительное исследование кросс-культурных различий мотивации волонтерской деятельности молодежи России и Азербайджана; 2) сравнительный анализ мотивации волонтерства у молодежи, имеющей и не имеющей опыт волонтерской деятельности; 3) сравнительное исследование представлений студентов из России и Азербайджана о личностных качествах типичного волонтера.

Были выдвинуты следующие **гипотезы**:

1. Существуют кросс-культурные различия мотивации волонтерства у российских и азербайджанских студентов.
2. Опыт волонтерской деятельности молодежи связан с значительным сходством мотивации участия в добровольческом движении для каждой этнокультурной группы, как российской, так и азербайджанской молодежи.
3. Существуют кросс-культурные различия в представлениях о личностных качествах типичного волонтера у азербайджанской и российской молодежи.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании были использованы методики:

— Опросник мотивации волонтерской деятельности (в оригинальном названии — Volunteer Functions Inventory), базирующийся на предложенной американскими психологами функциональной теории мотивации. Опросник был создан для оценки причин участия в добровольческой деятельности в 1998 году (Clary et al., 1998) и используется в различных странах (Oostlander et al., 2014; Niebuur et al., 2019). В российских условиях адаптация опросника была проведена в 2020 году коллективом авторов (Молчанов и др., 2020). Опросник позволяет выделить 6 основных видов мотивации участия в волонтерской деятельности — волонтерство как защита, ценность, карьерная возможность, социальная функция, источник компетенции и развития.

— Методика оценки личностных качеств типичного волонтера «глазами респондентов». Методика включает список из 20 качеств, каждое из которых предлагается оценить по 5-балльной шкале Лайкерта. Список состоит из следующих качеств: справедливый, воспитанный, смелый, правдивый, трудолюбивый, уверенный, тактичный, равнодушный, заботливый, честный, отзывчивый, ответственный, общительный, легкомысленный, добрый, скромный, старательный, совестливый, чуткий, всегда выполняет обещания. Процедура составления списка оцениваемых качеств включала в себя: выделение качеств волонтера на основе анализа предыдущих исследований различных авторов, работа группы экспертов по выделению списка из 20 качеств, предложенных с учетом социокультурной специфики молодежи.

— Анкета, направленная на определение опыта волонтерской деятельности респондентов.

— Статистические методы анализа результатов — метод дескриптивной статистики, критерий Колмогорова — Смирнова, t-критерий для независимых выборок и дисперсионный анализ были выполнены в программе SPSS 18.

ВЫБОРКА

В исследовании принимали участие респонденты — представители двух стран: Российской Федерации и Республики Азербайджан. Были предприняты меры по стандартизации процедуры проведения исследования: заполняемые опросники для обеих групп были представлены на русском языке (в Азербайджане в исследовании принимала участия русскоязычная группа), сбор данных проходил в письменной групповой форме при очном присутствии исследователя, участие осуществлялось на добровольной основе. Сбор данных проводился в течение января-февраля 2022 года. Общий размер выборки участников исследования составил 156 студентов в возрасте от 19 до 25 лет ($M = 20,9$; $SD = 1,92$) из России и Азербайджана, обучающихся в вузах на дневном отделении. Российская выборка составила 81 человек, группа респондентов из Азербайджана — 75 человек.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Рассмотрим особенности распределения участников исследования — представителей двух стран по полу и наличию опыта волонтерской деятельности. В Таблице 1 приведено распределение респондентов по полу и наличию/отсутствию опыта волонтерской деятельности в каждой из стран.

Таблица 1

Распределение респондентов по полу и наличию/отсутствию опыта волонтерской деятельности в России и Азербайджане

Страна / Группа	Пол		Опыт волонтерской деятельности	
	Юноши	Девушки	Да	Нет
Россия	56 (69,1%)	25 (30,9%)	45 (55,6%)	36 (44,4%)
Азербайджан	29 (38,7%)	46 (61,3%)	48 (64,0%)	27 (36,0%)

Table 1

Distribution of subjects according to sex and volunteering experience in Russia and Azerbaijan

Country / Group	Sex		Volunteering experience	
	Men	Women	Yes	No
Russia	56 (69.1%)	25 (30.9%)	45 (55.6%)	36 (44.4%)
Azerbaijan	29 (38.7%)	46 (61.3%)	48 (64.0%)	27 (36.0%)

Как видно из приведенных данных, распределение испытуемых по странам практически равномерно — 81 человек из России, 75 человек предоставляют Азербайджан. При этом больше половины респондентов в обеих странах имеют опыт волонтерства.

По всем шкалам было выявлено, что распределение нормально в целом по выборке и отдельно по странам (критерий Колмогорова — Смирнова). Это говорит о возможности использовать параметрические методы анализа данных.

Рассмотрим основные результаты проведенного исследования. Проанализируем кросс-культурные особенности мотивации к волонтерству у испытуемых из России и Азербайджана. В Таблице 2 приведены средние, медианы и стандартные отклонения оценок отношения к волонтерству у респондентов из разных стран.

Представители обеих стран отмечают высокое значение мотивации волонтерства как ценности и источника компетенций. Для азербайджанских респондентов характерна большая ориентация на значение волонтерства как сферы карьерных возможностей, для россиян — как источника развития. В целом мы видим, что иерархия мотивации волонтерства у представителей двух стран достаточно схожа. Вместе с тем для российской молодежи характерен больший разброс в значимости следующих видов мотивации: волонтерство как источник развития и волонтерство как защита.

Таблица 2

Описательные статистики для оценок отношения к волонтерству у участников исследования из разных стран

Страна / Функция	Россия			Азербайджан		
	M	Me	SD	M	Me	SD
Защита	2,99	3,00	1,466	2,87	2,80	1,182
Ценность	4,86	5,00	1,449	4,65	4,80	1,159
Карьерная возможность	3,30	3,00	1,519	3,78	3,80	1,687
Социальная функция	3,21	3,00	1,532	3,57	3,20	1,339
Источник компетенции	4,29	4,20	1,525	4,63	4,60	1,415
Источник развития	3,74	3,80	1,693	3,54	3,40	1,363

Table 2

**Descriptive statistics to estimate attitude to volunteering
in different countries**

Country / Function	Russia			Azerbaijan		
	M	Me	SD	M	Me	SD
Defense	2.99	3.00	1.466	2.87	2.80	1.182
Value	4.86	5.00	1.449	4.65	4.80	1.159
Carrier opportunity	3.30	3.00	1.519	3.78	3.80	1.687
Social function	3.21	3.00	1.532	3.57	3.20	1.339
Resource for competence	4.29	4.20	1.525	4.63	4.60	1.415
Resource for development	3.74	3.80	1.693	3.54	3.40	1.363

При помощи дисперсионного анализа было проверено влияние факторов «страна», «опыт волонтерства» и взаимодействия этих факторов на оценки разных функций волонтерства. Результаты анализа приведены в Таблице 3.

Можно видеть, что в результате дисперсионного анализа обнаружены статистически значимые различия в оценке значимости мотивации волонтерства как карьерной возможности и как социальной функции в зависимости от страны; мотивации волонтерства как ценности социальной функции, источника компетенции и развития в зависимости от опыта волонтерской деятельности. С учетом влияния обоих факторов (страны и опыта) выявлены значимые различия в мотивации волонтерства как карьерной возможности и как источника развития.

Таблица 3

Результаты дисперсионного анализа

Фактор / Функция	Страна		Опыт		Страна*Опыт	
	F	p	F	p	F	p
Защита	0,225	0,636	1,212	0,273	0,701	0,404
Ценность	1,319	0,253	6,215	0,014	0,018	0,894
Карьерная возможность	4,530	0,036	0,372	0,543	4,330	0,040
Социальная функция	3,942	0,048	9,578	0,002	0,379	0,539
Источник компетенции	1,358	0,246	15,312	<0,001	0,012	0,914
Источник развития	0,465	0,496	4,540	0,035	4,040	0,046

Table 3

Results of dispersion analysis

Factor / Function	Country		Experience		Country*Experience	
	F	p	F	p	F	p
Defense	0.225	0.636	1.212	0.273	0.701	0.404
Value	1.319	0.253	6.215	0.014	0.018	0.894
Carrier opportunity	4.530	0.036	0.372	0.543	4.330	0.040
Social function	3.942	0.048	9.578	0.002	0.379	0.539
Resource for competence	1.358	0.246	15.312	<0.001	0.012	0.914
Resource for development	0.465	0.496	4.540	0.035	4.040	0.046

Рассмотрим особенности представлений молодежи о личностных качествах типичного волонтера. При помощи t-критерия для независимых выборок, было установлено, что нет значимых различий в оценках личностных качеств типичного волонтера между теми, у кого есть опыт волонтерской деятельности и теми, у кого такого опыта нет ($p > 0,05$ для всех качеств).

В Таблице 4 приведены средние, медианы и стандартные отклонения оценок личностных качеств типичного волонтера респондентов из разных стран и представлен результат сравнения оценок участников исследования из России и Азербайджана (t-критерий для независимых выборок).

Таблица 4

Описательные статистики для оценок личностных качеств
волонтеров у участников исследования из разных стран

Шкала / Функция	Россия			Азербайджан			Различия	
	М	Me	SD	М	Me	SD	t	p
Справедливый	3,74	4,00	1,555	3,49	3,00	1,190	1,109	0,269
Воспитанный	3,70	4,00	1,608	4,25	4,00	0,840	–2,644	0,009
Смелый	3,48	4,00	1,509	3,37	3,00	1,239	0,487	0,627
Правдивый	3,42	4,00	1,507	3,69	4,00	1,185	–1,253	0,212
Трудолюбивый	3,68	5,00	1,627	4,49	5,00	0,964	–3,766	<0,001
Уверенный	3,42	4,00	1,524	3,75	4,00	1,001	–1,570	0,118
Тактичный	3,69	4,00	1,594	4,19	4,00	1,009	–2,298	0,023
Равнодушный	2,04	1,00	1,355	1,81	1,00	1,111	1,122	0,263
Заботливый	3,84	5,00	1,553	4,35	5,00	0,937	–2,446	0,016
Честный	3,59	4,00	1,515	3,61	4,00	1,038	–0,099	0,921
Отзывчивый	3,77	5,00	1,567	4,44	5,00	1,003	–3,173	0,002
Ответственный	3,88	5,00	1,600	4,72	5,00	0,669	–4,235	<0,001
Общительный	3,60	4,00	1,633	3,84	4,00	1,139	–1,035	0,302
Легкомысленный	2,02	1,00	1,341	1,80	2,00	0,973	1,190	0,236
Добрый	3,85	5,00	1,566	3,89	4,00	1,021	–0,194	0,846
Скромный	2,59	3,00	1,412	2,33	2,00	1,256	1,208	0,229
Старательный	3,78	5,00	1,805	4,45	5,00	0,684	–3,373	0,001
Совестливый	3,52	4,00	1,612	4,32	5,00	0,872	–3,875	<0,001
Чуткий	3,57	4,00	1,612	4,04	4,00	1,084	–2,129	0,035
Всегда выполняет обещания	3,74	4,00	1,583	3,55	3,00	1,119	0,885	0,377

Table 4

Descriptive statistics for assessing the personal qualities
of volunteers in study participants from different countries

Factor / Function	Russia			Azerbaijan			Differences	
	M	Me	SD	M	Me	SD	t	p
Just	3.74	4.00	1.555	3.49	3.00	1.190	1.109	0.269
Well-mannered	3.70	4.00	1.608	4.25	4.00	0.840	–2.644	0.009
Brave	3.48	4.00	1.509	3.37	3.00	1.239	0.487	0.627
Truthful	3.42	4.00	1.507	3.69	4.00	1.185	–1.253	0.212
Hardworking	3.68	5.00	1.627	4.49	5.00	0.964	–3.766	<0.001
Confident	3.42	4.00	1.524	3.75	4.00	1.001	–1.570	0.118
Tactful	3.69	4.00	1.594	4.19	4.00	1.009	–2.298	0.023
Indifferent	2.04	1.00	1.355	1.81	1.00	1.111	1.122	0.263
Caring	3.84	5.00	1.553	4.35	5.00	0.937	–2.446	0.016
Honest	3.59	4.00	1.515	3.61	4.00	1.038	–0.099	0.921
Sympathizing	3.77	5.00	1.567	4.44	5.00	1.003	–3.173	0.002
Responsible	3.88	5.00	1.600	4.72	5.00	0.669	–4.235	<0.001
Sociable	3.60	4.00	1.633	3.84	4.00	1.139	–1.035	0.302
Careless	2.02	1.00	1.341	1.80	2.00	0.973	1.190	0.236
Kind	3.85	5.00	1.566	3.89	4.00	1.021	–0.194	0.846
Modest	2.59	3.00	1.412	2.33	2.00	1.256	1.208	0.229
Diligent	3.78	5.00	1.805	4.45	5.00	0.684	–3.373	0.001
Conscientious	3.52	4.00	1.612	4.32	5.00	0.872	–3.875	<0.001
Sensitive	3.57	4.00	1.612	4.04	4.00	1.084	–2.129	0.035
Always keeps promises	3.74	4.00	1.583	3.55	3.00	1.119	0.885	0.377

Как видно из приведенных данных, типичный волонтер глазами азербайджанской молодежи представляется значимо более «воспитанным», «трудолюбивым», «тактичным», «заботливым», «отзывчивым», «ответственным», «старательным», «совестливым» и «чутким», чем российским юношам и девушкам. Можно говорить о том, что в целом образ волонтера оказывается более «позитивным» у азербайджанских студентов, чем у российских. Межполовых различий в представлениях о личностных качествах типичного волонтера обнаружено не было.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Сравнительное исследование кросс-культурных различий мотивации волонтерской деятельности молодежи России и Азербайджана обнаружило как сходство, так и различия мотивации. Сходство нашло отражение в высокой значимости мотивации волонтерства как ценности и источника компетенций и низкой значимости волонтерства как способа психологической защиты. Различия состояли в том, что оценки «волонтерства как карьерной возможности» и «волонтерства как социальной функции» у студентов Азербайджана оказались статистически значимо выше, чем у молодых людей из России. Таким образом, первая гипотеза о существовании кросс-культурных различий в мотивации волонтерства была подтверждена — молодежь Азербайджана более ориентирована на использование возможностей волонтерской деятельности в интересах реализации карьерных планов и установления социальных отношений, а российские — как источника развития.

Исследование мотивации волонтерства у групп молодежи, имеющих и не имеющих опыта участия в добровольческой активности, подтверждает установленную ранее связь опыта волонтерства с особенностями его мотивации (Молчанов и др., 2022). Установлено, что оценки мотивации волонтерства «как ценности», «как социальной функции», «как источника компетенции» и «как источника развития» у молодых людей, имеющих опыт волонтерской деятельности, значимо выше, чем у респондентов, не имеющих подобного опыта. Таким образом, вторая гипотеза о том, что опыт волонтерской деятельности молодежи связан со значительным сходством мотивации участия в добровольческом движении вне зависимости от этнокультурной принадлежности человека, получила частичное подтверждение на материале сравнительного анализа мотивации российских и азербайджанских студентов.

Новизна полученных результатов определена тем, что наряду со сходством была выявлена кросс-культурная специфика различий в мотивации волонтерства в зависимости от опыта участия в добровольчестве в этнокультурных группах российских и азербайджанских студентов. Интересно, что различия в оценках значимости мотивации «волонтерства как карьерной возможности» между группами, имеющими и не имеющими опыт волонтерской деятельности, разнонаправлены в этнокультурных группах: в российской выборке карьерная мотивация выше у тех, у кого есть опыт добровольчества, по сравнению с теми, у кого такого опыта нет, а в азербайджанской выборке наоборот — респонденты, имеющие опыт участия в волонтерстве, оценивают значимость такой мотивации ниже, по сравнению с теми, кто подобного опыта не имеет. Такое различие может быть интерпретировано как свидетельство открытия российскими волонтерами больших возможностей связи волонтерства с карьерными планами в профессиональной и социальной сфере в силу большего разнообразия видов добровольчества, по сравнению с их азербайджанскими коллегами, где пространство волонтерской деятельности более узкое и разворачивается преимущественно в сферах спорта и культуры.

Различия в оценках мотивации «волонтерства как источника развития» в зависимости от опыта волонтерской деятельности также различаются у молодежи России и Азербайджана: в России оценки значимо выше у тех, у кого есть опыт, а в Азербайджане — оценки в группах с опытом и без практически не различаются. Можно предположить большую значимость мотивации волонтерской деятельности открывающей возможности саморазвития и самореализации для российской выборки. Широта возможностей добровольчества для самореализации, по нашему мнению, является основой включения российской молодежи в волонтерскую активность.

Таким образом, выдвинутая гипотеза о том, что опыт волонтерской деятельности молодежи является значимым фактором, способствующим большему сходству мотивации волонтерства вне зависимости от этнокультурной принадлежности человека, получила частичное подтверждение. Новой перспективой исследования должно стать изучение социальных и этнокультурных условий, обуславливающих кросс-культурную специфику мотивации волонтерства.

Сходство представлений о личностных качествах типичного волонтера у российских и азербайджанских студентов заключается в высоких оценках таких качеств, как ответственность, старательность, заботливость, трудолюбие, отсутствие равнодушия. Вместе с тем сравнительный анализ представлений молодежи о личностных качествах типичного волонтера обнаружил тенденцию «переоценки и сгущения/усиления» всех позитивных личностных качеств типичного волонтера у азербайджанской молодежи, что может быть следствием «безупречности» социального имиджа волонтера в целях все большего вовлечения молодежи в добровольчество. Отметим, что полученные результаты близки к данным другого исследования, в котором эмоциональная оценка образа волонтера связывается с добротой, жалостью, искренностью и радостью (Васильева, Чумаков, 2023).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кросс-культурные различия в мотивации волонтерства находят отражение в большей значимости мотивации карьерных возможностей и социальной функции волонтерства у азербайджанской молодежи, по сравнению с российской. Полученные результаты подтверждают связь опыта участия молодежи в волонтерской деятельности и мотивации добровольчества. Опыт волонтерской деятельности в определенной мере нивелирует этнокультурные особенности мотивации участия в добровольческом движении. Вместе с тем обнаружена кросс-культурная специфика связи включенности студентов в волонтерскую активность и их мотивации. Изучение условий и факторов, обуславливающих кросс-культурные различия связи мотивации и опыта волонтерства составляет перспективу дальнейших исследований. Представления о личностных качествах типичного волонтера при сходстве обнаруживают и различия — в азербайджанской выборке оценки позитивных качеств волонтера более высокие, по сравнению с российской выборкой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильева, И.В., Чумаков, М.В. (2023). Эмоциональная составляющая образа волонтерства в представлениях студентов психолого-педагогических направлений. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 46(4), 248–271. <https://doi.org/10.1017/psp.2023.43>
- Габдрахманова, Р.А. (2020). Волонтерская деятельность в России и за рубежом. *Вестник КГЭУ*, 4(15), 18–23.
- Данилова, Е.В. (2015). Международный опыт волонтерской деятельности. *Вестник РМАТ*, (4), 10–14.
- Исмаилова, С.А. (2018). Краткая история зарождения волонтерской деятельности. *Восточно-европейский научный вестник*, 5(33), 67–75.
- Ковель, Т.А. (2019). Волонтерство как социальный институт. Факторы институционализации волонтерства в современной России. *Московский экономический журнал*, (7), 348–352.
- Марцинковская, Т.Д. (2022). Психология подростка в ответ на вызовы современности: сплав традиций и инноваций. *Теоретическая и экспериментальная Психология*, (3), 187–197.
- Мехдиева, Ш.Н. (2020). Международные волонтерские объединения. *Хуманитарни Балкански изследвания*, (4), 35–37.
- Молчанов, С.В., Алмазова, О.В., Поскребышева, Н.Н. (2020). Представления о волонтерской деятельности у современной молодежи. *Национальный психологический журнал*, 15(4), 125–136.
- Молчанов, С.В., Алмазова, О.В., Поскребышева, Н.Н. (2022). Особенности психологического благополучия подростков с различным опытом и мотивацией волонтерской активности. *Научно-педагогическое обозрение*, (6), 181–192.
- Овсий, В.В. (2019). Зарубежный опыт институционализации молодежного волонтерства. *Социально-гуманитарные знания*, (7), 149–157.
- Перминова, М.С. (2016). Специфика формирования социальной активности молодежи в условиях волонтерской деятельности. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология»*, (1), 22–25.
- Стефаненко, Т.Г. (2014). Этнопсихология. Москва: Изд-во «Аспект-пресс».
- Тарасова, Н.В. (2012). Волонтерская деятельность как историко-педагогический феномен. *Педагогическое образование в России*, (4), 46–52.
- Холина, О.И. (2011). Волонтерство как социальный феномен современного российского общества. *Теория и практика общественного развития*, (8), 71–73.
- Clary, E.G., Snyder, M., Ridge, R.D. (1998). Understanding and Assessing the Motivations of Volunteers: A functional approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, (74), 1516–1530.
- Kouchameshki, K., Mansour, G., Tojari, F. (2021). The Role of Personality Development on the Satisfaction of Sport Event Volunteers. *Sport Psychology Studies*, (1), 10–17.
- Niebuur, J., Liefbroer, A.C., Steverink, N. (2019). Translation and Validation of the Volunteer Functions Inventory (VFI) Among the General Dutch Older Population. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, (16), 3106.
- Oostlander, J., Guentert, S.T., Van Schie, S. (2014). Volunteer Functions Inventory (VFI): Psychometric Properties of the German Adaptation and Construct Validation. *Diagnostica*, (60), 73–85.
- Paturyan, Y., Gevorgyan, V. (2014). Trust Towards NGOs and Volunteering in South Caucasus: Civil Society Moving Away from Post-communism? *Southeast European and Black Sea Studies*, (14), 239–262.
- Plagnol, A., Huppert, F. (2010). Exploring the Factors Associated with Variations in Rates of Volunteering across Europe. *Social Indicators Research*, 2(97), 157–176.

REFERENCES

- Clary, E.G., Snyder, M., Ridge, R.D. (1998). Understanding and Assessing the Motivations of Volunteers: A Functional Approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, (74), 1516–1530.
- Danilova, E.V. (2015). International Experience of Volunteer Activities. *Vestnik RMAТ = Bulletin of RMAТ*, (4), 10–14. (In Russ.)
- Gabdrakhmanova, R.A. (2012). Volunteer Activities in Russia and Abroad. *Vestnik KGEU = KGEU Bulletin*, 4(15), 18–23. (In Russ.)
- Ismailova, S.A. (2018). A Brief History of the Emergence of Volunteer Activities. *Vostochno-Evropeiskii nauchnyi Vestnik = East European Scientific Bulletin*, 5(33), 67–75. (In Russ.)
- Kholina, O.I. (2011). Volunteering as a Social Phenomenon of Modern Russian Society. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, (8), 71–73. (In Russ.)
- Kouchameshki, K., Mansour, G., Tojari, F. (2021). The Role of Personality Development on the Satisfaction of Sport Event Volunteers. *Sport Psychology Studies*, (1), 10–17.
- Kovel', T.A. (2019). Volunteering as a Social Institution. Factors of Institutionalization of Volunteerism in Modern Russia. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal = Moscow Economic Journal*, (7), 348–352. (In Russ.)
- Mekhdieva, Sh.N. (2020). International Volunteer Associations. *Khumanitarni balkanski izsledvaniya = Humanitarian Balkan Studies*, (4), 35–37. (In Russ.)
- Molchanov, S.V., Almazova, O.V., Poskrebysheva, N.N. (2022). Features of Psychological Well-being of Adolescents with Different Experience and Motivation for Volunteer Activity. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie = Scientific and Pedagogical Review*, (6), 181–192. (In Russ.)
- Molchanov, S.V., Almazova, O.V., Poskrebysheva, N.N. (2020). Ideas About Volunteer Activity Among Modern Youth. *National Psychological Journal*, 15(4), 125–136. (In Russ.)
- Niebuur, J., Liefbroer, A.C., Steverink, N. (2019). Translation and Validation of the Volunteer Functions Inventory (VFI) Among the General Dutch Older Population. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, (16), 3106.
- Oostlander, J., Guentert, S.T., Van Schie, S. (2014). Volunteer Functions Inventory (VFI): Psychometric Properties of the German Adaptation and Construct Validation. *Diagnostica*, (60), 73–85.
- Ovsii, V.V. (2019). Foreign Experience of Institutionalizing Youth Volunteering. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Social and Humanitarian Knowledge*, (7), 149–157. (In Russ.)
- Paturyan, Y., Gevorgyan, V. (2014). Trust Towards NGOs and Volunteering in South Caucasus: Civil Society Moving Away from Post-communism? *Southeast European and Black Sea Studies*, (14), 239–262.

Perminova, M.S. (2016). Specifics of the Formation of Social Activity of Young People in the Context of Volunteer Activity. *Izvestiya saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya. Seriya "Sotsiologiya. Politologiya"* = *News of the Saratov University. New Series. Series "Sociology. Political Science"*, (1), 22–25. (In Russ.)

Plagnol, A., Huppert, F. (2010). Exploring the Factors Associated with Variations in Rates of Volunteering across Europe. *Social Indicators Research*, 2(97), 157–176.

Stefanenko, T.G. (2014). *Ethnopsychology*. Moscow: Aspekt-press Publ. (In Russ.)

Tarasova, N.V. (2012). Volunteer Activity as a Historical and Pedagogical Phenomenon. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* = *Pedagogical Education in Russia*, (4), 46–52. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

**Сергей Владимирович
Молчанов**

Sergey V. Molchanov

Кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, s-molch2001@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5147-3551>

Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Developmental Psychology, the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, s-molch2001@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5147-3551>

**Ольга Викторовна
Алмазова**

Olga V. Almazova

Кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, almaz.arg@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8852-4076>

Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Developmental Psychology, the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, almaz.arg@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8852-4076>

**Наталья Николаевна
Поскребышева**

Natalya N. Poskrebisheva

Кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, pskr@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9124-530X>

Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Developmental Psychology, the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, pskr@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9124-530X>

Поступила: 03.03.2023; получена после доработки:
16.02.2024; принята в печать: 11.09.2024.

Received: 03.03.2023; revised: 16.02.2024;
accepted: 11.09.2024.

■ Ценности личности и студенческое волонтерство

И.В. Васильева^{1,2} , М.В. Чумаков^{3,4}

¹ Тюменский государственный университет, Тюмень, Российская Федерация

² Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Тюмень, Российская Федерация

³ Курганский государственный университет, Курган, Российская Федерация

⁴ Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация

 i.v.vasileva@utmn.ru

РЕЗЮМЕ

Актуальность. На фоне трансформации гражданского самосознания в период социальной нестабильности государство обращается к активности граждан, и многие граждане готовы и стремятся проявить активность для преобразования жизненного пространства. С другой стороны, не все склонны к такого рода активности. В силу этого важным является выявление ценностей личности, способствующих просоциальной активности.

Цель. В работе изучалось различие ценностной сферы (десять базовых ценностей по Ш. Шварцу) у студентов вузов, вовлеченных в волонтерское движение и не участвующих в нем.

Выборка. Участники исследования: студенты Тюменского государственного и Курганского государственного университетов, обучающиеся по направлению «Психология»: 172 человека (32 юноши, 140 девушек) от 18 до 39 лет ($M_{\text{возраст}} = 21,25$; $SD = 3,96$).

Методы. Опросник ценностей Ш. Шварца (в адаптации В.Н. Карандашева). Скрининговый опрос: пол, возраст, наличие/отсутствие опыта занятий волонтерской деятельностью, вид волонтерской деятельности. Наличие и характер различий проверялись посредством двухвыборочного критерия Колмогорова — Смирнова.

Результаты. Студенты, участвующие в волонтерской деятельности и не участвующие в ней, обладают схожей структурой ценностей личности, как на уровне нормативных идеалов, так и на уровне индивидуальных приоритетов. На уровне нормативных идеалов наиболее значимыми выступают ценности универсализма, самостоятельности и доброты, на уровне индивидуальных приоритетов — ценность безопасности. Статистически значимые различия студентов-волонтеров от тех, кто волонтерской деятельностью не занимается, состоит в выраженности ценности доброты на уровне нормативных идеалов и ценности традиции на уровне индивидуальных приоритетов.

Выводы. Существуют различия в структуре индивидуальных предпочтений и нормативных идеалов ценностей у студентов, которые вовлечены в волонтерское движение и не участвующих в нем. Основные различия заключаются в ценностях доброты, которые более выражены у студентов, участвующих в волонтерской деятельности.

Ключевые слова: ценности, волонтерство, виды волонтерства, мотивы, студенты, динамика ценностей, концепция ценностей Ш. Шварца, индивидуальные приоритеты, нормативные идеалы

Благодарности. Проведение, как научной работы, так и процесса публикации статьи не финансировалось фондами, коммерческими, государственными организациями, частными лицами. Авторы благодарят участников исследования за неравнодушие к вопросам волонтерского движения.

Для цитирования: Васильева, И.В., Чумаков, М.В. (2025). Ценности личности и студенческое волонтерство. Национальный психологический журнал, 20(1), 18–28. <https://doi.org/10.11621/npj.2025.0102>

■ Personal Values and Student Volunteering

Inna V. Vasileva^{1,2} , Mikhail V. Chumakov^{3,4}

¹ University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

² Tyumen Advanced Training Institute of the MIA of Russia, Tyumen, Russian Federation

³ Kurgan State University, Kurgan, Russian Federation

⁴ Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation

 i.v.vasileva@utmn.ru

ABSTRACT

Background. Against the background of the transformation of civic consciousness in a period of social instability, the state turns to the activity of citizens, many of whom are ready and eager to be active in order to transform the living space. However, not everyone is prone to this kind of activity. Thus, it is important to identify the values of the individual that contribute to prosocial activity.

Objectives. The paper studies the difference in the value sphere (ten basic values according to S. Schwartz) among university students involved in the volunteer movement and not participating in it.

Study Participants. Students of the Tyumen State and Kurgan State Universities studying in the direction of “Psychology”: 172 people (32 boys, 140 girls) from 18 to 39 years old ($M_{age} = 21.25$; $SD = 3.96$).

Methods. Questionnaire of values by S. Schwartz (adapted by V.N. Karandashev). Screening survey: gender, age, presence / absence of experience in volunteering, type of volunteering. The presence and nature of differences were tested using the two-sample Kolmogorov — Smirnov test.

Results. Students participating in volunteering and not participating in it have a similar structure of personal values, both at the level of normative ideals and at the level of individual priorities. At the level of normative ideals, the values of universalism, independence and kindness are the most significant; at the level of individual priorities, the value of security prevails. Statistically significant differences between student volunteers and those who are not involved in volunteer activities consist in the expression of the value of kindness at the level of normative ideals and the value of tradition at the level of individual priorities.

Conclusions. There are differences in the structure of individual preferences and normative ideals of values among students who are involved in the volunteer movement and those who do not participate in it. The main differences are observed in the values of kindness, which are more pronounced among students participating in volunteer activities.

Keywords: values, volunteering, types of volunteering, motives, students, dynamics of values, S. Schwartz’s concept of values, individual priorities, normative ideals

Acknowledgements. Conducting both scientific work and the process of publishing the article was not funded by foundations, commercial, government organizations, or individuals. The authors thank the participants of the study for their indifference to the issues of the volunteer movement.

For citation: Vasileva, I.V., Chumakov, M.V. (2025). Personal values and student volunteering. *National Psychological Journal*, 20(1), 18–28. <https://doi.org/10.11621/npj.2025.0102>

ВВЕДЕНИЕ

Система ценностей личности влияет на эмоции (Feather, 2012), поведение (Sagiv, 2004), личные предпочтения и принимаемые решения (Adams, 2011). Можно предположить, что предпочтение тех или иных ценностей будет связано с вовлечением в волонтерскую деятельность.

В рамках функционального подхода (Clary, 1998) к мотивации и ценностям волонтеров выделяется шесть групп мотивов: защитные (от жизненных трудностей), ценностные (выражение альтруизма и гуманизма), карьерные (улучшение своих перспектив), социальные (развитие и укрепление социальных связей), когнитивные (получение и развитие новых знаний, умений, навыков), самоактуализационные (развитие и самосовершенствование).

Исследователи показывают, что волонтерская активность приносит пользу не только тем, кому помогают, но и самим волонтерам. Отмечаются позитивные эффекты, как для объективного улучшения жизни, так и для субъективного самочувствия (Huang, 2022; Lakomý, 2021).

Исследователи (Нятина, 2022; Barton, 2019; Rampasso, 2021) указывают на важность организации волонтерского движения для расширения как профессионального, так и широкого социального опыта студентов вузов. Обращается внимание на то, что участие студентов в волонтерском движении полезно не только для самих студентов, но и для социума в широком контексте.

Описываются преобладающие типы ценностей и мотивации у студентов волонтеров: индивидуалистические и коллективистические (Barton, 2019). Индивидуалистические ценности и мотивы в волонтерстве реализуются у студентов через стремление улучшить свое резюме, развить свои профессиональные и социальные навыки, повысить свою привлекательность для работодателей на рынке труда. Коллективистические ценности и мотивы реализуются через потребность помогать другим, безотносительно того, насколько это окажется полезным для самого помогающего субъекта.

Исследователи различают волонтерскую активность, организованную через государственные структуры и неформальную помощь, указывая на то, что за этими двумя видами волонтерства могут стоять разные мотивы и ценности (Hermansen, 2016).

ГИПОТЕЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Главная гипотеза исследования состоит в том, что у студентов, вовлеченных в волонтерскую деятельность и не вовлеченных в нее, имеются различия в структуре ценностной сферы. Дополнительная гипотеза исследования: студенты, вовлеченные в волонтерскую деятельность, обладают более выраженными ценностями универсализма и доброты.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оценить структуру ценностной сферы студентов, вовлеченных в волонтерское движение и не вовлеченных в него.

С теоретической точки зрения, перспектива исследования состоит в рассмотрении проблемы развития личности в специфических видах деятельности в студенческом возрасте; а также в прояснении роли ценностей личности в инициировании различных видов деятельности.

Практические перспективы исследования состоят в оптимизации воспитательной работы со студентами, развитии их личности, формировании просоциального поведения и активной гражданской позиции. Особенно важно это для студентов, осваивающих помогающие профессии.

Исследования, проведенные в данной области, нуждаются в некотором теоретическом расширении. Необходимо прояснение личностных, ценностных оснований волонтерской деятельности; а также выяснение влияния волонтерской деятельности на развитие личности студентов и их профессиональной идентичности. Потребность общества в социальных услугах постоянно возрастает. Это отмечают как зарубежные исследователи (Butt, 2017), так и отечественные (Нятина, 2022; Певная, 2019).

Достаточно динамично меняется социокультурная ситуация как на локальном уровне, так и на международном. Это значит, что необходимо с некоторой периодичностью оценивать мотивационно-ценностную сферу участников волонтерского движения, особенно в вузах, как источниках будущих наиболее активных граждан страны. Сейчас мы достаточно мало знаем об актуальных ценностях и мотивации волонтеров — студентов университетов. Это знание важно для планирования реализации государственных программ в сфере образования, культуры и социальной политики.

Таким образом, вносится некоторый вклад в решение важной социальной проблемы — вовлечение студентов помогающих профессий в социально значимые виды деятельности и формирование у них определенной ценностной структуры личности.

В исследовании, позволяющем увидеть динамику ценностей студентов в 2017, 2020, 2021 годах, наиболее выраженными ценностями выступают: доброта, устойчиво возрастающая год от года; гедонизм и власть, сохраняющие стабильными свои значения на протяжении всего периода оценивания; самостоятельность, резко выросшая в период пандемии новой коронавирусной инфекции (Волохин, 2021). Молодежь Российской Федерации в предпандемный период (Кисиленко, 2021) демонстрировала преобладание в волонтерской деятельности сочетания собственных интересов с общественными; индивидуалистических ценностей над коллективистскими, альтруистическими. Таким образом, мы видим разнонаправленные ценности, находящиеся в приоритете у российской молодежи на протяжении последних двадцати лет.

Мотивация и ценности студентов-волонтеров в предпандемный период отличались следующими особенностями (Руслякова, 2019). Большая часть студентов занимается волонтерским движением ради получения социальных выгод. Для студентов-волонтеров среди ценностей как нормативных идеалов доминируют гедонизм, безопасность, самостоятельность и доброта. Для студентов, которые не вовлечены в волонтерскую деятельность, ценности как нормативные идеалы имеют другие приоритеты — самостоятельность, стимуляция, достижения; безопасность и значимая разница наблюдается только в ценностях гедонизма и безопасности, которые выше у студентов-волонтеров. В рамках ценностей как индивидуальных приоритетов в поведении студенты-волонтеры наиболее значимыми выбирают гедонизм, доброту, достижения, самостоятельность. Тогда как студенты, не вовлеченные в волонтерскую деятельность, выбирают вместо доброты ценность стимуляции. Значимая разница наблюдается по ценности традиции, которая выше в группе студентов-волонтеров.

Пандемия новой коронавирусной инфекции изменила социальную реальность во всем мире. Студенты были включены в разные виды волонтерского движения, связанные с помощью заболевшим, людям, изолированным на момент инкубационного периода, людям с ограниченными физическими и социальными возможностями (инвалиды, пенсионеры). Кроме того, активизировались и прочие виды волонтерства — зоозащитное, организационное, педагогическое, информационное, по принципу синергетического эффекта. Мы полагаем, что изменившаяся социокультурная реальность отражается в структуре ценностей волонтеров.

ДИЗАЙН ИССЛЕДОВАНИЯ

Наш подход к решению проблемы состоит в сравнении двух групп студентов по параметрам ценностной сферы. Различающим признаком для групп является участие в волонтерской деятельности. Группы студентов, волонтеров и тех, кто не занимается волонтерской деятельностью, являются независимыми. Группирующая переменная — наличие или отсутствие опыта участия в волонтерской деятельности. Таким образом, исследование обеспечивает условие для апробации гипотезы о различии в ценностях, а также ответ на вопрос о специфике ценностной сферы у студентов, вовлеченных в волонтерскую деятельность. В понимании структуры ценностей мы опираемся на концепцию ценностей Ш. Шварца (Шварц, 2012).

Сам характер волонтерской деятельности подразумевает бескорыстную помощь незнакомым людям. В концепции ценностей Ш. Шварца (Шварц, 2012) наиболее релевантными для такого вида деятельности являются ценности универсализма и доброты. Поэтому мы полагаем, что именно эти ценности и отличают тех студентов, которые вовлечены в волонтерское движение от тех, кто не вовлечен.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для проверки гипотез использовался опросник ценностей Ш. Шварца (Portrait Value Questionnaire, в адаптации В.Н. Карандашева) (Карандашев, 2004), потому что методика позволяет оценить не только декларируемые ценности, но и те, которые являются проявляемыми в индивидуальном поведении.

Методы сбора данных: опросник ценностей Ш. Шварца (Portrait Value Questionnaire, в адаптации В.Н. Карандашева). Скрининговый опрос: пол, возраст, наличие/отсутствие опыта занятий волонтерской деятельностью, вид волонтерской деятельности. Все данные собирались посредством онлайн-сервисов. Виды волонтерской деятельности, которые фиксировались в данном исследовании: социальное волонтерство, помощь животным, помощь в организации мероприятий, комплексное волонтерство.

Методы обработки данных. Для проверки эмпирического распределения данных на соответствие закону нормального распределения проводилось посредством расчета критериев Колмогорова — Смирнова с поправкой Лиллиефорса, критерия Шапиро — Уилка.

Схема проведения исследования. Тестирование испытуемых проводилось в естественных условиях, в дистантном формате, анонимно, в удобное для испытуемого время. Для разных групп не создавалось различных условий. Участники исследования отбирались из студентов Тюменского государственного университета и Курганского государственного университета на основе принципа добровольности

ВЫБОРКА

Выборка включала в себя 172 студента вуза, обучающихся на направлении «Психология», очная форма обучения, уровень обучения бакалавриат и магистратура (32 юноши, 140 девушек), возраст от 18 до 39 лет ($M = 21,25$; $SD = 3,96$). Отбор участников исследования и само исследование проводились в течение марта 2021 года.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проверка соответствия эмпирического распределения данных закону нормального распределения показала, что распределение большей части шкал закону нормального распределения не соответствует ($p < 0,05$). Это означает, что для дальнейших расчетов результатов будут использованы методы непараметрической статистики.

Были рассчитаны описательные статистики для показателей ценностей личности у (1) студентов, вовлеченных в волонтерское движение и у (2) студентов, не имевших опыта участия в волонтерском движении (Таблица 1).

Таблица 1

Описательные статистики по группе студентов, вовлеченных в волонтерское движение (1) и по группе студентов, не имевших опыта участия в волонтерском движении (2)

Ценности личности	Среднее по группе 1	Среднее значение по группе 2
Конформность НИ	15,3	15,2
Конформность ИП	5,9	6,9
Традиции НИ	13,1	13,3
Традиции ИП	2,6	3,5
Доброта НИ	22,5	20,2
Доброта ИП	8,9	7,7
Универсализм НИ	32,9	31,7
Универсализм ИП	13,5	12,7
Самостоятельность НИ	24,3	23,0
Самостоятельность ИП	10,3	9,9
Стимуляция НИ	10,2	9,9
Стимуляция ИП	6,2	5,5
Гедонизм НИ	13,2	12,1
Гедонизм ИП	7,1	7,3
Достижения НИ	16,1	16,4
Достижения ИП	8,5	7,9
Власть НИ	11,9	12,8
Власть ИП	4,2	4,9
Безопасность НИ	9,4	9,9
Безопасность ИП	31,2	32,5

Table 1

Descriptive statistics for the group of students involved in the volunteer movement (1) and the group of students who had no experience of participating in the volunteer movement (2)

Personal Values	Mean Group 1	Mean Group 2
Conformity NI	15.3	15.2
Conformity IP	5.9	6.9
Tradition NI	13.1	13.3
Tradition IP	2.6	3.5
Benevolence NI	22.5	20.2
Benevolence IP	8.9	7.7
Universalism NI	32.9	31.7
Universalism IP	13.5	12.7
Self-Direction NI	24.3	23.0
Self-Direction IP	10.3	9.9
Stimulation NI	10.2	9.9
Stimulation IP	6.2	5.5
Hedonism NI	13.2	12.1
Hedonism IP	7.1	7.3
Achievement NI	16.1	16.4
Achievement IP	8.5	7.9
Power NI	11.9	12.8
Power IP	4.2	4.9
Security NI	9.4	9.9
Security IP	31.2	32.5

На следующем этапе обработки данных было проведено ранжирование ценностей личности на уровне индивидуальных приоритетов для обеих групп студентов (Таблица 2).

Таблица 2

Ранжирование ценностей личности на уровне индивидуальных приоритетов по группе студентов, вовлеченных в волонтерское движение (1) и по группе студентов, не имевших опыта участия в волонтерском движении (2)

Ценности личности	Ранг ценности по группе 1	Ранг ценности по группе 2
Конформность ИП	8	7
Традиции ИП	10	10
Доброта ИП	4	5
Универсализм ИП	2	2
Самостоятельность ИП	3	3
Стимуляция ИП	7	8
Гедонизм ИП	6	6
Достижения ИП	5	4
Власть ИП	9	9
Безопасность ИП	1	1

Table 2

Ranking of personal values at the level of individual priorities by the group of students involved in the volunteer movement (1) and by the group of students who had no experience of participating in the volunteer movement (2)

Personal Values	Value rank in group 1	Value rank in group 2
Conformity IP	8	7
Tradition IP	10	10
Benevolence IP	4	5
Universalism IP	2	2
Self-Direction IP	3	3
Stimulation IP	7	8
Hedonism IP	6	6
Achievement IP	5	4
Power IP	9	9
Security IP	1	1

Далее было проведено ранжирование ценностей личности на уровне нормативных идеалов для обеих групп студентов (Таблица 3).

Таблица 3

Ранжирование ценностей личности на уровне нормативных идеалов группы студентов, вовлеченных в волонтерское движение (1) и группы студентов, не имевших опыта участия в волонтерском движении (2)

Ценности личности	Ранг ценности по группе 1	Ранг ценности по группе 2
Конформность НИ	5	5
Традиции НИ	7	6
Доброта НИ	3	3
Универсализм НИ	1	1
Самостоятельность НИ	2	2
Стимуляция НИ	9	9,5
Гедонизм НИ	6	8
Достижения НИ	4	4
Власть НИ	8	7
Безопасность НИ	10	9,5

Table 3

Ranking of personal values at the level of normative ideals by the group of students involved in the volunteer movement (1) and by the group of students who had no experience of participating in the volunteer movement (2)

Personal Values	Value rank in group 1	Value rank in group 2
Conformity NI	5	5
Tradition NI	7	6
Benevolence NI	3	3
Universalism NI	1	1
Self-Direction NI	2	2
Stimulation NI	9	9.5
Hedonism IP	6	8
Achievement NI	4	4
Power NI	8	7
Security NI	10	9.5

На уровне нормативных идеалов для студентов-волонтеров и для студентов-неволонтеров наиболее важными ценностями выступают универсализм, самостоятельность и доброта. Такая же картина совпадения структуры ценностей у волонтеров и неволонтеров на уровне индивидуальных приоритетов — только ценность безопасности. Таким образом, мы наблюдаем как совпадение структуры ценностей, так и существенный разрыв между тем, что считается правильным и хорошим на уровне декларирования и что полагается значимым в реальном поведении студентов, независимо от того участвует студент в волонтерском движении или нет.

Для того чтобы понять, существуют ли различия в ценностях личности между двумя группами студентов, было проведено сравнение (Таблица 4).

Таблица 4

Сравнение ценностей личности у студентов, у группы студентов, вовлеченных в волонтерское движение (1) и группы студентов, не имевших опыта участия в волонтерском движении (2) Kolmogorov — Smirnov Test, $p < 0,05$

Ценности личности	Уровень значимости p	Среднее по группе 1	Среднее по группе 2
Традиции ИП	$p < 0,05$	2,6	3,5
Доброта НИ	$p < 0,001$	22,5	20,2

Table 4

Comparison of personality values in the group of students involved in the volunteer movement (1) and in the group of students who had no experience of participating in the volunteer movement (2) Kolmogorov — Smirnov Test, $p < 0,05$

Personal Values	p-value	Mean Group 1	Mean Group 2
Tradition IP	$p < 0.05$	2.6	3.5
Benevolence NI	$p < 0.001$	22.5	20.2

Условные обозначения в таблицах: НИ — нормативные идеалы, ИП — индивидуальные приоритеты / Symbols in the tables: NI — normative ideals, IP — individual priorities.

Студенты, имеющие опыт участия в волонтерском движении, отличаются от студентов, не имеющих такого опыта по следующим ценностям: стремление проявлять в поведении доброжелательность с близкими людьми, сохранять благополучие как базовое состояние, использовать эту ориентацию как нормативный идеал. Студенты, не имеющие опыта в волонтерском движении, демонстрируют в реальном поведении склонность придерживаться традиций, поведенческих ритуалов, демонстрировать уважение, принятие обычаев, а также принятие существующего положения вещей, не стремясь его изменить. Это не характерно для студентов, имеющих опыт волонтерства, так как они, напротив, проявляют поведение, направленное на изменение существующей действительности в лучшую сторону: действительно заботятся о тех, кто нуждается в помощи.

Среди студентов, вовлеченных в волонтерское движение, были выделены категории волонтерской деятельности: социальное волонтерство (16 человек), помощь животным (9 человек), помощь в организации мероприятий (42 человека), комплексное волонтерство (28 человек). Социальное волонтерство: помощь пожилым людям, помощь детям-инвалидам, помощь детям, находящимся на длительном лечении в клинике, поиск потерявшихся людей. Помощь животным: лечение, уход за бездомными животными, поиск нового хозяина и организация безопасного проживания. Помощь в организации мероприятий — работа в службе этикета, сопровождения, оповещения, помощи участникам мероприятия. Фактически такое волонтерство — род

профессиональной или коммуникативно-организационной практики. Комплексное волонтерство: волонтер принимал участие в проектах разной направленности: о защите животных, организации мероприятий, помощи пожилым людям и т.д. Сравнение ценностей личности у волонтеров разных категорий не показало статистически значимых различий.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Безопасность занимает 1 ранг на уровне индивидуальных приоритетов и в группе студентов, вовлеченных в волонтерское движение и в группе студентов, не имеющих опыта участия в волонтерстве. В сравнении с ранговой позицией этой ценности на уровне нормативных идеалов, наблюдается существенная разница, причем для обеих групп участников. Содержательно ценность безопасности состоит в обеспечении потребности в безопасности для себя, окружающих людей за счет стабильности в обществе, гармоничных взаимоотношений. По мнению Ш. Шварца, содержание ценности безопасности одинаково, как для индивидуального, так и для нормативного уровней. Однако наши данные скорее указывают на то, что ценность безопасности распадается на эти два уровня. Этим объясняются столь существенные различия в ранговых позициях в индивидуальной и нормативной иерархии ценностей личности студентов, вовлеченных в волонтерство и не имеющих такового опыта. Относительно ценности конформности наблюдается второе существенное отличие ранговой структуры ценностей личности на уровне индивидуальных приоритетов и нормативных идеалов. Студенты обеих групп не готовы контролировать себя и кого-то другого, при этом понимают, что общество ожидает от них такого поведения. Ценности власти и традиции не являются привлекательными для студентов обеих групп.

Таким образом, мы видим сходную структуру ценностей в группе студентов, вовлеченных в волонтерское движение и в группе студентов, не имевших опыта в волонтерской деятельности. Это сходство наблюдается как на уровне индивидуальных приоритетов, так и на уровне нормативных идеалов. Принципиальное сходство в структуре ценностей сопровождается некоторыми различиями. Ценностные структуры на уровне индивидуальных приоритетов и на уровне нормативных идеалов имеют принципиальное сходство по всем позициям кроме ценностей безопасности и конформности. Особенно велики различия по ценности безопасности. Это говорит в пользу трактовки ценности безопасности как дифференцирующей в зависимости от уровня. Эти различия лучше проанализировать не столько путем простого сравнения рангов, сколько путем применения статистического анализа.

Полученные нами результаты обнаруживают различия в ценностях личности у двух групп студентов. Основной фокус различий сосредоточен на ценностях доброты. Это проявляется в доброжелательности, стремлении обеспечить благополучие во взаимодействии с другими людьми. Глобальная цель, на которую направлена эта ценность — обеспечение потребности в сопричастности к сообществу и процветание этого сообщества. У студентов это проявляется в следующих видах волонтерства: помощь пожилым людям, детям, людям с особыми потребностями, животным. Обобщающей активностью здесь, с одной стороны, выступает поддержание жизненных функций нуждающихся в помощи, а с другой — создание условий и поддержание их психологического благополучия.

Вопреки ожиданиям, эмпирические данные не подтверждают различий между группами по ценностям универсализма, то есть волонтерство не подкрепляется стремлением обеспечивать благополучие всех людей и окружающей среды. Эта мотивация может иметь место, но не в большей степени, чем у студентов, не вовлеченных в волонтерскую деятельность. Полученные нами результаты комплементарны другим исследованиям.

На рубеже XX–XXI веков российское студенчество в целом демонстрировало преобладание ценностей достижения и самостоятельности (Лебедева, 2007). Оценка динамики ценностей российского студенчества в период 2000 и 2008 годов показала существенный сдвиг в сторону увеличения значимости ценности доброты, достижений, безопасности, гедонизма, стимуляции и самостоятельности. А вот ценности универсализма, конформности и власти остались на прежнем уровне (Лебедева, 2009). Подобное же, разнородное сочетание ценностей, студенты демонстрируют и в дальнейшие годы: студенты на уровне нормативных идеалов демонстрировали приоритет самостоятельности, безопасности и доброты, а на уровне индивидуальных приоритетов поведения — безопасность меняется на стимуляцию (Буравлева, 2011). Ценность стимуляции согласно теории Ш. Шварца понимается как потребность в разнообразии и глубоких переживаниях (Карандашев, 2004). Более поздние исследования показывают, что молодежь предпочитает ценности самостоятельности, стимуляции и универсализма, а старшее поколение — ценности традиции, доброты, конформности (Федотова, 2017); на уровне нормативных идеалов студенты предпочитают самостоятельность и достижения, а на уровне индивидуальных предпочтений — самостоятельность и гедонизм (Соловьева, 2015).

Волонтерская деятельность может послужить катализатором для развития ценностей универсализма у студентов, поскольку эти ценности наиболее релевантны для волонтерства. Волонтерская деятельность полимотивирована, ее могут поддерживать ценности достижения; однако, полагаем, что эта мотивация является дополнительной, а не основной. Ценности доброты являются промежуточным этапом на пути к полноценной вовлеченности в волонтерскую деятельность. Руководствуясь ценностями доброты, волонтер оказывает помощь бескорыстно, но достаточно близкому кругу людей, в которых он имеет личную заинтересованность, и сохраняется индивидуалистическая направленность его личности. В то же время, волонтер ориентирован на помощь, которая от самого нуждающегося не требует ответных действий, что указывает уже на коллективистическую направленность личности. Возможно, что склонность держаться за привычные формы поведения препятствует студентам, не участвующим в волонтерском движении, освоению этой деятельности.

Образовательная среда предоставляет разнообразные возможности для студентов, не только в плане обучения, но и в социальной активности: участие в патриотических, образовательных, экологических, зоозащитных акциях, которые позволяют студенту точнее определиться со спецификой своей профессиональной деятельности, занять свою «уникальную» нишу в профессиональной сфере. Особенно это относится к помогающим профессиям. Участие в таких общественных мероприятиях выступает своего рода тренингом коммуникации с людьми с разными потребностями и особенностями.

ВЫВОДЫ

Структура ценностной сферы у двух групп студентов помимо различий имеет и сходство: на уровне нормативных идеалов — убеждений о том, как себя надо вести, — студенты, независимо от вовлеченности в волонтерскую деятельность, полагают важным ориентироваться на универсализм, доброту и самостоятельность. Тогда как на уровне индивидуальных приоритетов, то есть поведения, проявляемого в реальном взаимодействии, наиболее значимой ценностью выступает безопасность. Принципиальное отличие студентов-волонтеров от тех, кто волонтерством не занимается, состоит в выраженности ценности доброты на уровне нормативных идеалов и ценности традиции на уровне индивидуальных приоритетов. Волонтеры убеждены в том, что должны проявлять доброжелательность по отношению к людям, с которыми они взаимодействуют. Студенты, не занимающиеся волонтерской деятельностью, больше склонны следовать устоявшимся нормам поведения в своем социальном кругу и не готовы менять привычный способ социального взаимодействия.

Основная гипотеза о наличии различий в структуре ценностей между студентами, вовлеченными в волонтерское движение и студентами, не вовлеченными в него, нашла подтверждение. Ценности доброты и альтруизма — это определенная ступень к формированию альтруистических ценностей в развитии волонтерского движения. Волонтерская деятельность зависит от определенных ценностей личности и в свою очередь развивает эти ценности. В настоящий момент различий по ценностям универсализма не выявлено. Можно предположить, что по мере вовлечения студентов в волонтерство, эти ценности будут формироваться. Таким образом, волонтерская деятельность оказывается существенной с точки зрения формирования личности студента.

Исследование ограничено тем, что в нем принимали участие только студенты-психологи, большая часть из которых девушки. В дальнейшей исследовательской программе планируется привлечение студентов других направлений и формирование гетерогенной по полу выборки.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

Развитие волонтерского движения в стране связано с разными аспектами социальной жизнедеятельности. Среди этих аспектов и то, с какими ценностями и мотивами приходят участники в волонтерскую деятельность. Для людей, осуществляющих организацию волонтерской деятельности, важно понимать ценностные основания продуктивных волонтеров. Это позволяет повысить успешность привлечения устойчивых участников волонтерского движения и снизить риски по появлению людей с ценностями, противоречащими идеям бескорыстной помощи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буравлева, Н.А. (2011). Ценностные ориентации студентов. *Вестник Томского государственного педагогического университета*, (6), 124–129.
- Волохин, Е.А., Юсупов, В.З., Мухаметзянова, Ф.Г. (2021). Проектирование качества образовательной среды для выпускников нефтегазовой отрасли на основе анализа ценностей Ш. Шварца и таксономии Блума. *Глобальная экономика и образование*, 1(3), 22–36.
- Карандашев, В.Н. (2004). Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. Санкт-Петербург: Изд-во «Речь».
- Кисиленко, А.В. (2021). Ценностные основания волонтерских практик российской молодежи. *Научный результат. Социология и управление*, 7(3), 82–89. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-8>
- Лебедева, Н.М., Татарко, А.Н. (2007). Ценности культуры и развитие общества. Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ.
- Лебедева, Н.М., Татарко, А.Н. (2009). Культура как фактор общественного прогресса. Москва: Изд-во ЗАО «Юстицинформ».
- Няттина, Н.В. (2022). Волонтерская деятельность в оценках студентов: преимущества и барьеры. *Общество: социология, психология, педагогика*, 95(3), 30–33. <https://doi.org/10.24158/spp.2022.3.4>
- Певная, М.В. (2019). Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики. Москва: Изд-во «Юрайт»; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.
- Руслякова, Е.Е., Разумова, Е.М., Шпаковская, Е.Ю. (2019). Социально-психологические аспекты волонтерской деятельности студентов-психологов. *Перспективы науки и образования*, 1(37), 301–315.
- Соловьева, Е.М., Заусенко, И.В. (2015). Ценности и карьерные ориентации студентов педагогического вуза. *Современные проблемы науки и образования*, (3), 503–511.
- Федотова, В.А. (2017). Ценности россиян в контексте возрастных различий. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, (1), 78–86.
- Шварц, Ш., Бутенко, Т.П., Седова, Д.С., Липатова, А.С. (2012). Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(2), 43–70.
- Adams, R.B., Licht, A.N., Sagiv, L. (2011). Shareholders and stakeholders: How do directors decide? *Strategic Management Journal*, (32), 1331–1355.
- Barton, E., Bates, E.A., O'Donovan, R. (2019). “That extra sparkle”: students' experiences of volunteering and the impact on satisfaction and employability in higher education. *Journal of Further and Higher Education*, 43(4), 453–466. <https://doi.org/10.1080/0309877X.2017.1365827>
- Butt, M.U., Hou, Y., Soomro, K.A., Maran, D.A. (2017). The ABCE Model of Volunteer Motivation. *Journal of Social Service Research*, 43(5), 593–608. <https://doi.org/10.1080/01488376.2017.1355867>

- Clary, E.G., Snyder, M., Ridge, R.D., Copeland, J., Stukas, A.A., Haugen, J., Miene, P. (1998). Understanding and assessing the motivations of volunteers: A functional approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, 74(6), 1516–1530. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.74.6.1516>
- Feather, N.T., Woodyatt, L., McKee, I.R. (2012). Predicting support for social action: How values, justice related variables, discrete emotions, and outcome expectations influence support for the Stolen Generations. *Motivation and Emotion*, (36), 516–528.
- Hermansen, J. (2016). Intangible activities — the prevalence of informal helping in Denmark. *Journal of Civil Society*, 12(4), 380–393. <https://doi.org/10.1080/17448689.2016.1235676>
- Huang, G., Wang, J.-Y.(E.), Chien, C.-H., Clinciu, D.L. (2022). Psychosocial factors influencing volunteering motivation: A pilot study in a Taiwanese healthcare volunteer program. *Journal of Human Behavior in the Social Environment*, 33(3), 382–392. <https://doi.org/10.1080/10911359.2022.2062082>
- Lakomý, M. (2021). Individual value orientation, social norms, and volunteering outcomes in later life. *International Journal of Comparative Sociology*, 62(5), 385–403. <https://doi.org/10.1177/00207152221088857>
- Rampasso, I.S., Quelhas, O.L.G., Anholon, R., Silva, L.E., Ávila, T.P., Matsutani, L., Yparraguirre, I.T.R. (2021). Preparing future professionals to act towards sustainable development: an analysis of undergraduate students' motivations towards voluntary activities. *International Journal of Sustainable Development & World Ecology*, 28(2), 157–165. <https://doi.org/10.1080/13504509.2020.1804478>
- Sagiv, L., Schwartz, S.H. (2004). Values, intelligence and client behavior in career counseling: A field study. *European Journal of Psychology of Education*, (19), 237–254.

REFERENCES

- Adams, R.B., Licht, A.N., Sagiv, L. (2011). Shareholders and stakeholders: How do directors decide? *Strategic Management Journal*, (32), 1331–1355.
- Barton, E., Bates, E.A., O'Donovan, R. (2019). “That extra sparkle”: students' experiences of volunteering and the impact on satisfaction and employability in higher education. *Journal of Further and Higher Education*, 43(4), 453–466. <https://doi.org/10.1080/0309877X.2017.1365827>
- Buravleva, N.A. (2011). Value orientations of students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*, (6), 124–129. (In Russ.)
- Butt, M.U., Hou, Y., Soomro, K.A., Maran, D.A. (2017). The ABCE Model of Volunteer Motivation. *Journal of Social Service Research*, 43(5), 593–608. <https://doi.org/10.1080/01488376.2017.1355867>
- Clary, E.G., Snyder, M., Ridge, R.D., Copeland, J., Stukas, A.A., Haugen, J., Miene, P. (1998). Understanding and assessing the motivations of volunteers: A functional approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, 74(6), 1516–1530. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.74.6.1516>
- Feather, N.T., Woodyatt, L., McKee, I.R. (2012). Predicting support for social action: How values, justice related variables, discrete emotions, and outcome expectations influence support for the Stolen Generations. *Motivation and Emotion*, (36), 516–528.
- Fedotova, V.A. (2017). The values of Russians in the context of age differences. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psichologiya. Sociologia = Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, (1), 78–86. (In Russ.)
- Hermansen, J. (2016). Intangible activities — the prevalence of informal helping in Denmark. *Journal of Civil Society*, 12(4), 380–393. <https://doi.org/10.1080/17448689.2016.1235676>
- Huang, G., Wang, J.-Y.(E.), Chien, C.-H., Clinciu, D.L. (2022). Psychosocial factors influencing volunteering motivation: A pilot study in a Taiwanese healthcare volunteer program. *Journal of Human Behavior in the Social Environment*, 33(3), 382–392. <https://doi.org/10.1080/10911359.2022.2062082>
- Karandashev, V.N. (2004). Schwartz's method for studying personal values: concept and methodological guidance. St. Petersburg: Rech Publ. (In Russ.)
- Kisilenko, A.V. (2021). Valuable Foundations of Russian Youth Volunteer Practices. *Nauchnii rezultat. Sotsiologia i upravlenie = Research Result. Sociology and Management*, 3(7), 82–89. (In Russ.). <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-8>
- Lakomý, M. (2021). Individual value orientation, social norms, and volunteering outcomes in later life. *International Journal of Comparative Sociology*, 62(5), 385–403. <https://doi.org/10.1177/00207152221088857>
- Lebedeva, N.M., Tatarko, A.N. (2007). Cultural values and social development. Moscow: HSE Publ. (In Russ.)
- Lebedeva, N.M., Tatarko, A.N. (2009). Culture as a factor of social progress. Moscow: JSC Yustitsinform. (In Russ.)
- Nyatina, N.V. (2022). Volunteer activity in students' assessments: advantages and barriers. *Obshchestvo: sotsiologia, psichologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, 3(95), 30–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/spp.2022.3.4>
- Pevnaya, M.V. (2019). Volunteerism management: international experience and local practices. Moscow: Yurait Publ.; Ekaterinburg: Ural. Un-ta Publ. (In Russ.)
- Rampasso, I.S., Quelhas, O.L.G., Anholon, R., Silva, L.E., Ávila, T.P., Matsutani, L., Yparraguirre, I.T.R. (2021). Preparing future professionals to act towards sustainable development: an analysis of undergraduate students' motivations towards voluntary activities. *International Journal of Sustainable Development and World Ecology*, 28(2), 157–165. <https://doi.org/10.1080/13504509.2020.1804478>
- Ruslyakova, E.E., Razumova, E.M., Shpakovskaya, E.Yu. (2019). Socio-psychological aspects of volunteer activity of students-psychologists. *Perspektivi nauki i obrazovaniya = Prospects of Science and Education*, 37(1), 301–315. (In Russ.)
- Sagiv, L., Schwartz, S.H. (2004). Values, intelligence and client behavior in career counseling: A field study. *European Journal of Psychology of Education*, (19), 237–254.
- Shvarts, Sh., Butenko, T.P., Sedova, D.S., Lipatova, A.S. (2012). Refined theory of basic individual values: application in Russia. *Psichologiya. Jurnal vishei shkoli ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2(9), 43–70. (In Russ.)
- Solovieva, E.M., Zausenko, I.V. (2015). Values and career orientations of students of a pedagogical university. *Sovremennye problem nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education*, (3), 503–511. (In Russ.)
- Volokhin, E.A., Yusupov, V.Z., Mukhametzyanova, F.G. (2021). Designing the quality of the educational environment for graduates of the oil and gas industry based on the analysis of Sh. Schwartz's values and Bloom's taxonomy. *Globalnaia ekonomika i obrazovanie = Global Economics and Education*, 3(1), 22–36. (In Russ.)

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ /
ABOUT THE AUTHORS****Инна Витальевна
Васильева****Inna V. Vasileva**

Доктор психологических наук, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Школы образования Тюменского государственного университета; профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, i.v.vasileva@utmn.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0740-7260>

Dr. Sci. (Psychology), Head of the Department of General and Social Psychology, Institute of Psychology and Pedagogy, Tyumen State University; Professor at the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Internal Affairs Bodies, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Tyumen, Russian Federation, i.v.vasileva@utmn.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0740-7260>

**Михаил Владиславович
Чумаков****Mikhail V. Chumakov**

Доктор психологических наук, заведующий кафедрой психологии Института педагогики, психологии и физической культуры, Курганского государственного университета, Курган, Российская Федерация; профессор кафедры общей и социальной психологии Департамента психологии Уральского гуманитарного института, Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация, mihaichv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0599-8629>

Dr. Sci. (Psychology), Head of the Department of Psychology, Kurgan State University, Kurgan, Russian Federation; Professor at the Department of General and Social Psychology, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation, mihaichv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0599-8629>

ПСИХОЛОГИЯ ИСКУССТВА / PSYCHOLOGY OF ART

Научная статья/ Research Article

<https://doi.org/10.11621/npj.2025.0103>

УДК 159.924, 821.161.1

■ Опыт психологического исследования ранней читательской биографии А.С. Пушкина¹

Н.А. Борисенко

Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация

 borisenko_natalya@list.ru

РЕЗЮМЕ

Актуальность. Обращение к проблеме рождения Пушкина-читателя актуально в историко-культурном аспекте для выявления генезиса его творчества, в историко-психологическом и общепсихологическом — для уточнения и расширения факторов, участвующих в становлении гения, а также в педагогическом — в целях преодоления кризиса чтения конца XX — начала XXI в.

Цель. Представить опыт психологического анализа ранней читательской биографии Пушкина, выявить роль чтения как одного из факторов, способствующих развитию и формированию гениальности поэта.

Методы. Использован ретроспективный и историко-биографический методы, а также анализ продуктов творчества поэта.

Результаты. В ранней читательской биографии Пушкина выделено три периода: 1) 1799–1803 гг. («предчтение») — младенчество и раннее детство, во время которых приобретает опыт слушания Пушкиным-ребенком малых жанров фольклора, происходит овладение речью как предпосылкой будущего навыка чтения; 2) 1804–1806 гг. — раннее обучение чтению и первый самостоятельный опыт в чтении; 3) 1807–1811 — «охота к чтению» (А.С. Пушкин), роль отцовской библиотеки в читательской биографии поэта. Выявлены основные черты читательского развития Пушкина в детстве (ускоренное развитие, двуязычие, широта читательских интересов, инициативность, одержимость чтением, связь с ранним поэтическим опытом).

Выводы. Расширено представление о социальных факторах, влияющих на развитие и реализацию личности гения в ранние годы. К таким факторам, в частности, относится «фактор чтения», который совместно с другими (благоприятный историко-культурный контекст, роль литературно одаренной семьи С.Л. и Н.О. Пушкиных и ближайшего окружения) и при обязательном действии генетического фактора, участвует в становлении пушкинского гения.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, факторы гениальности, детство, чтение, читательская биография, психологический анализ, семейное чтение

Для цитирования: Борисенко, Н.А. (2025). Опыт психологического исследования ранней читательской биографии А.С. Пушкина. *Национальный психологический журнал*, 20(1), 29–36. <https://doi.org/10.11621/npj.2025.0103>

■ Experience in Psychological Research of A.S. Pushkin's Early Reading Biography²

Natalia A. Borisenko

Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russian Federation

 borisenko_natalya@list.ru

¹ К 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина.

² On the 225th anniversary of the birth of Alexander Pushkin.

ABSTRACT

Background. Addressing the issue of the birth of Pushkin as a reader is relevant in many aspects. In the historical and cultural aspects, it can be considered as the approach to identifying the genesis of his work. In the historical psychological and general psychological aspects, this issue is addressed as a way to clarify and expand the factors involved in the formation of a genius. In the pedagogical aspect, it needs research in order to overcome the reading crisis of the late 20th — early 21st centuries.

Objective. The aim is to present the experience of psychological analysis of Pushkin's early reading biography and identify the role of reading as one of the factors contributing to the development and formation of a genius.

Methods. Retrospective and historical-biographical methods as well as the analysis of the poet's creative products are applied.

Results. In the early reader's biography of Pushkin, three periods are distinguished: 1) 1799–1803. ("pre-reading") — infancy and early childhood, during which the child Pushkin gains the experience of listening to folklore small genres and mastering speech as a prerequisite for future reading skills; 2) 1804–1806 — early learning to read and first independent experiences in reading; 3) 1807–1811 — "a hunt for reading" (A. Pushkin), the role of his father's library in the poet's reading biography. The main features of Pushkin's reading development in childhood have been identified: accelerated development, bilingualism, breadth of reading interests, initiative, obsession with reading, connection with early poetic experiences.

Conclusions. The understanding of social factors influencing the development and realization of the personality of a genius in the early years has been expanded. Such factors, in particular, include the "reading factor", which, together with others (favourable historical and cultural context, the role of the literary gifted Pushkin family and their immediate environment) and with the obligatory action of a genetic factor, participates in the formation of Pushkin's genius.

Keywords: Alexander Pushkin, factors of genius, childhood, reading, reader's biography, psychological analysis, family reading

For citation: Borisenko, N.A. (2025). Experience in psychological research of A.S. Pushkin's early reading biography. *National Psychological Journal*, 20(1), 29–36. <https://doi.org/10.11621/npj.2025.0103>

ВВЕДЕНИЕ

Приоритет в изучении биографии А.С. Пушкина, безусловно, принадлежит филологам. Ими создано несколько десятков биографий и труднообозримое количество статей о жизни и творчестве великого поэта. Работ, написанных психологами и психиатрами, значительно меньше. Назовем прежде всего ставшие классическими, хотя и далеко не бесспорные труды В.Ф. Чижа («Пушкин как идеал душевного здоровья», 1899), И.А. Сикорского («Антропологическая и психологическая генеалогия Пушкина», 1912), Я.В. Минца («Материалы к патографии Пушкина», 1925), в которых поднимаются вопросы наследственности, психологии личности поэта, его психического здоровья и др. При этом периоды объявления Пушкина позитивным, светлым гением, образцом полного психического здоровья сменялись антикультом поэта широкого диапазона — от «сомнений в идеальном душевном здоровье А.С. Пушкина» до наличия различных патологий (Сироткина, 1999).

Уделяя большое внимание вопросам генетики и личности Пушкина в зрелые годы, филологи и психологи значительно реже обращались к рождению и детству поэта — периоду, занимающему треть его жизни (1799 г. — июль 1811 г.). Во многих биографиях жизнеописание Пушкина начинается с Лицея, а детство полностью игнорируется — не без влияния такого безусловного авторитета, как Ю.М. Лотман. Именно ему принадлежит известная формула: «Он был человек без детства» (Лотман, 1982, с. 13), в дальнейшем многократно повторявшаяся в школьных учебниках и популярных биографиях. Между тем ряд исследователей, среди которых поэт Валентин Берестов (Берестов, 1989), литературовед Н.Н. Скатов (Скатов, 1999), психолог Н.С. Лейтес (Лейтес, 1999) и др., давно опровергли лотмановский взгляд на детские годы Пушкина. Полемизируя с Ю.М. Лотманом, Н.Н. Скатов пишет: «...если бы Пушкин был без детства, то мы были бы без Пушкина. И мог ли бы так гармонически нормально, так удивительно, если воспользоваться гоголевским словом, *равновесно* развиваться человек, у которого не было детства?» (Скатов, 1999, с. 23).

Несмотря на реабилитацию детства Пушкина, начатую тридцать лет назад, всесторонний психологический анализ этого периода жизни поэта еще ждет своих исследователей. Направленность данной статьи иная.

Цель работы — представить опыт психологического анализа ранней читательской биографии Пушкина, выявить роль чтения как одного из факторов в становлении гениальной личности.

Мысль о ведущем вкладе чтения в онтогенезе человека давно уже является общим местом. Как специфический род деятельности «чтение способствует формированию особых психофизиологических и психологических характеристик: активизирует зрительное восприятие, логическое мышление, рефлекссию, общее интеллектуальное развитие, память; <...> в сфере воспитания и образования роль чтения наиболее очевидна в духовной, познавательной и интеллектуальной сфере личности (Мелентьева, 2021, с. 215). В отношении будущих талантов и гениев «фактор чтения» (назовем его так) в становлении личности, по крайней

мере, удваивается. Разумеется, для зарождения и развития гения необходимы наследственные факторы и социальная среда (рождение в переломный исторический период, благоприятные социокультурные условия, семейное и ближайшее окружение, своевременное воспитание и образование и др.), однако и роль раннего, глубокого и многостороннего чтения в комплексе факторов гениальности далеко не второстепенна.

Обращение к вопросу рождения Пушкина-читателя актуально прежде всего в историко-культурном аспекте, о чем писал выдающийся пушкинист Л.Б. Модзалевский: «Вопрос о том, что читал Пушкин, имеет чрезвычайно существенное значение. <...> только вполне уяснив круг чтения поэта, мы сможем поднять на должную теоретическую высоту изучение литературного генезиса его творчества в целом и его отдельных произведений» (Модзалевский, 1988, с. 3). В историко-психологическом и общепсихологическом плане исследование такого рода необходимо для уточнения и расширения факторов, участвующих в становлении гениальности, наконец, в педагогическом — анализ практик семейного чтения в доме С.Л. и Н.О. Пушкиных может быть востребован в целях преодоления современного *кризиса чтения*, который проявляется «в резком упадке читательской культуры общества, существенном снижении интереса к чтению» (Мелентьева, 2021, с. 91). Разумеется, мы далеки от мысли, что опыт чтения одной гениальной личности поможет преодолеть кризис чтения. Этому препятствует не только временной разрыв в 225 лет, прошедших со времени рождения А.С. Пушкина, но и невозможность напрямую управлять такими сложными процессами, как выход из кризиса чтения, приобщение детей и подростков к чтению. Обращение к уникальному случаю развития исторической личности такого масштаба, как Пушкин, в раннем возрасте — это апелляция лишь к одной, редчайшей, модели, которая тем не менее позволяет изучать феномен гениальности во всей его многосторонности.

Настоящая работа носит междисциплинарный характер: она выполнена на стыке исторической психологии, психологии гениальности, литературоведения и читателеведения. При этом мы намеренно отказались от обсуждения такой традиционной для биографии Пушкина темы, как роль его «африканского» происхождения. Представленный в статье анализ ограничивается только одной стороной личности гения — изучением его ранней читательской биографии.

МЕТОДЫ

В работе использован ретроспективный метод, в соответствии с которым исторические факты и феномены воссоздаются по отдельным биографическим деталям и более поздним источникам, а также историко-биографический метод и анализ продуктов творчества, в частности, стихотворений Пушкина о детстве как отражения в них сознания автора. Источниками биографических данных послужили наиболее авторитетные биографии поэта и академическая «Летопись жизни и творчества Александра Пушкина в четырех томах» (Летопись..., 1999), в которой собраны все известные на время создания труда факты биографии поэта с указанием датировки и источников. Долидейский период (1799 — июль 1811) в «Летописи» занимает 12 страниц. Из этого фрагмента было выделено 17 фактов, имеющих прямое и косвенное отношение к читательской биографии Пушкина-ребенка. Например: «Надпись на книге «Fables De Fénelon» («Басни Фенелона») (1809): «Александр Пушкин». Самый ранний из известных автографов поэта» (там же, с. 20).

Исследование ранней читательской биографии Пушкина потребовало привлечения более широкого контекста, обсуждения таких вопросов, как связь раннего чтения с факторами развития гениальности. В частности, для целей нашего анализа необходимо получить ответы на следующие вопросы:

1. Каким был историко-культурный контекст конца XVIII — начала XIX в., когда семья Пушкиных жила в Москве?
2. Какова роль семьи и ближайшего окружения в формировании личности будущего поэта, в том числе как читателя?
3. Какую роль в развитии пушкинского гения сыграли личностные особенности и кризисы?
4. Каковы были семейные практики чтения в доме Пушкиных в начале позапрошлого века, круг чтения Пушкина-ребенка?

РЕЗУЛЬТАТЫ

Историко-культурный контекст. Исследуя причины и предпосылки появления гениев, культуролог А.А. Аронов приходит к выводу «об исключительной значимости социального фактора, обуславливающего появление феноменально одаренных личностей» (Аронов, 2019, с. 15), в частности, роли семьи, определенного уровня достатка в ней, создания условий для полноценного детства, успешного воспитания, образования и развития, а также «особенно благоприятной социальной атмосферы для появления гениев» (там же, с. 17). Автор считает, что такая атмосфера соответствует переходным этапам развития общества, к которым относятся эпоха Возрождения, конец XIX — начало XX в. и хрущевская Оттепель (1954–1964). В то же время первая половина XIX в., будучи золотым веком русской культуры, к таким благоприятным периодам, по А.А. Аронову, не относится. С последним выводом трудно согласиться. Рубеж XVIII–XIX в. и последующий расцвет культуры дали России и миру не меньше талантов и гениев (нет смысла перечислять их имена), чем периоды, названные исследователем.

Важные процессы в это время происходили и в сфере книжного дела, литературы и чтения. На протяжении всего XVIII в. и особенно в конце его растет интерес к книге, личным библиотекам. «Художественная литература <...> завоевывает место духовного руководителя общества», «в доме каждого образованного человека XVIII в. хранятся и печатные, и рукописные книги» (Лотман, 1994, с. 49).

Таким образом, социально-историческая ситуация на рубеже XVIII–XIX вв., несомненно, способствовала рождению великого русского поэта, которому суждено было стать родоначальником новой русской литературы, создателем современного русского литературного языка. В афористической форме мысль о значимости средового фактора выразил Л.С. Выготский в статье «Гениальность» (в соавт. с П.М. Зинovieвым): «гений — это продукт своего времени» (Выготский, 1929). И далее: «Всякое великое открытие, изобретение или любое другое проявление гениального творчества подготавливается всем предшествующим ходом развития, обуславливается культурным уровнем эпохи, ее запросами и требованиями» (там же, с. 612).

Роль семьи и ближайшего окружения. Попытаемся восстановить конкретные факты рождения гения, ограничивая родственные связи Пушкина родителями и бабушкой по материнской линии.

По данным А.А. Аронова, 83% гениев «родились в семьях не бедных, с определенным достатком» — всего анализировалось тридцать биографий, от Микеланджело до Гойи (в бедных семьях родились лишь трое: Шаляпин, Анна Павлова и Паганини) (Аронов, 2019, с. 16). Семья родителей Пушкина в этом отношении не являлась исключением. Традиционно считается, что Пушкины были небогаты и всю жизнь находились на грани разорения, однако современные исследователи рассматривают этот вопрос по-другому³. По крайней мере, в детские годы бедности будущий поэт не испытывал, хотя все мемуаристы пишут о бесхозяйственности его отца и матери.

Немаловажен и состав семьи. Пушкин был вторым по рождению, всего детей было восьмеро, из которых пятеро не дожили до семилетнего возраста. До отъезда старшего сына в Лицей, на протяжении 1809–1811 гг., трое умерли один за другим, а шестилетний Николай раньше, в 1807 г. Возможно, именно поэтому Надежда Осиповна, потерявшая одного ребенка за другим, больше всего любила последнего сына Левушку, а не Александра.

Родители Пушкина получили традиционное светское образование, уровень которого, однако, превосходил обычный. Не только отец, что общеизвестно, но и мать «свободно, умно и остроумно владела и русским, и французским. Она много читала. <...> Совершенный стиль остроумных французских писем Надежды Осиповны сравнивали со стилем «Дельфины» мадам де Сталь» (Скаткин, 1999, с. 25). Схожее образование было и в других дворянских семьях, при одном важнейшем различии: «будущий поэт родился и воспитывался от самых ранних лет в литературной семье. И не просто литературной, но — поэтической» (там же, с. 24). Сергей Львович писал неплохие «домашние» стихи на русском и французском, которые расходились по всей Москве, был знаком с теми, кто составлял славу русской литературы в начале XIX в.: Д.И. Фонвизин, К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский, И.И. Дмитриев, В.А. Жуковский, Н.М. Карамзин. Еще большим весом литературной одаренности обладал дядя Василий Львович Пушкин — известный в начале XIX в. поэт и переводчик, первый литературный наставник племянника. Другой родственник, Алексей Михайлович Пушкин, тоже был писателем, переводчиком Мольера, актером-любителем.

Таким образом, Пушкин входит в число тех гениев, что наследовали и продолжили семейные династии, и не просто продолжили, а многократно преумножили.

Личностные особенности и кризисы гения. В.А. Кольцова и Е.Н. Холондович рассматривают «переживание личностных кризисов как катализаторы развития гениальности, способствующие мобилизации всех сил гения, в том числе и творческих» (Кольцова, Холондович, 2012, с. 107–108). По их мнению, психическая патология является фактором формирования особой психической организации личности. «Именно психическая патология стала, в той или иной степени, причиной развития гениальности у таких личностей, как В. Ван Гог, Р. Шуман, Ф.М. Достоевский, В. Гете и других» (там же, с. 105). Вместе с тем, говоря о психопатологическом факторе по отношению к Пушкину, необходимо сделать одно существенное уточнение: анализ его личности должен проводиться без патологизации — объявления поэта психически нездоровым, как это было сделано в некоторых ранних работах.

Наиболее полно психопатологический фактор освещается в патографических исследованиях. Авторы патографий пишут о наличии у Пушкина маниакально-депрессивных состояний и других патологий. Так, психиатр Г.В. Сегалин отмечал «ненормальный характер и патологическую неуравновешенность» поэта, неровности настроения: «то возбужденный, страстный, ревнивый и необузданный, циничный; то впадал в какую-то апатию и депрессию» (Сегалин, 1925, с. 35). Годом ранее Е.И. Каменева в результате психиатрического изучения 43 членов пушкинской родословной и его биографии приходит к выводу о близости Пушкина к циклотимной, гипоманиакальной конституции, прослеживаемой у его предков: «По обеим линиям нам бросаются в глаза элементы, входящие в состав маниакально-депрессивного расположения» (Эфроимсон, 2019, с. 403). В то же время, как уже было сказано, известный психиатр В.Ф. Чиж за четверть века до этого занял совсем другую позицию, считая, что Пушкин «обладал идеальным душевным здоровьем, и его жизнь, его понимание истины, добра и красоты, и нарастание его духовной энергии убедительно это доказывают» (Чиж, 2009, с. 436).

Современные исследователи продолжают изучение личности Пушкина, обобщая опыт предшественников и по-новому осмысляя психологические особенности личности Пушкина (Сироткина, 1999; Черниговский, 2012; Сухарев, 2014). В наиболее полном виде эти особенности нашли отражение в личностных кризисах поэта, самые яркие из которых приходятся на 1823, 1834 и 1836 гг. Однако первый кризис произошел еще в детстве (по разным данным, от пяти до семи лет), когда, «избавившись от своей детской неуклюжести и неповоротливости, Пушкин стал резв, любознателен, остроумен, шаловлив, но характер его... оставался неровным, вспыльчивым, замкнутым и непоследовательным» (Летопись..., 1999, с. 13). На основании биографических источников А.В. Сухарев реконструирует характер Пушкина-ребенка следующим образом: во-первых, он «должен был обладать достаточно высокой энергией личности»; во-вторых, «у него должны были начаться формирующиеся осознанные попытки контроля своей эмоционально-чувственной сферы, что, однако, не достигло степени гармоничного взаимодействия когнитивной и чувственной сфер («встреча аффекта и интеллекта», по Л.С. Выготскому)» (Сухарев, 2014, с. 60). Крутой перелом, произошедший до восьми лет, опосредованно повлиял на интересы Пушкина-ребенка, подтолкнул его к чтению.

Практики чтения⁴ в детстве поэта. Обратимся непосредственно к ранней читательской биографии Пушкина. Условно в ней можно выделить три периода, каждому из которых соответствуют определенные практики чтения, сложившиеся в дворянских семьях в конце XVIII — начале XIX в.:

³ Анализируя материальное положение семьи С.Л. Пушкина, А. Солнцева пишет: «Факт непопулярный, но Пушкин происходил из семьи крупных землевладельцев: крупным считался помещик, имевший больше 500 душ, таких в России было только 3726 (по данным восьмой ревизии — 1833 год) <...> из приблизительно 100 тысяч семей дворян-землевладельцев. У деда поэта, Льва Александровича Пушкина, в нижегородских имениях насчитывалось более трех тысяч душ. После его смерти имение было поделено между сыновьями, в том числе и от первого брака, но отцу поэта, Сергею Львовичу, в конечном итоге досталось около 1200 крестьян. Примерно столько же было и у его брата Василия Львовича. Оба брата отличались редкой хозяйственной бездарностью...» (Солнцева, 2004, с. 510).

⁴ Под *практиками чтения* в современной науке о чтении имеются в виду «средства и способы извлечения значений и смыслов из текстов разной природы» (Мелентьева, 2021, с. 181), т.е. не только собственно чтение, но и слушание.

1) 1799–1803 гг. (подготовительный этап, «предчтение») — младенчество и раннее детство, во время которого приобретался опыт слушания малых жанров фольклора (колыбельных, прибауток, потешек и т.п.), происходило овладение речью как предпосылки будущего навыка чтения, зарождение поэтического дара;

2) 1804–1806 гг. — 5–7-летний возраст, примерно соответствующий современному старшему дошкольному возрасту: обучение грамоте, первые самостоятельные опыты в чтении, участие в семейных чтениях;

3) 1807–1811 — 8–11 лет, всеохватное, безудержное самостоятельное чтение, «охота к чтению», как писал сам поэт в заметках к будущей автобиографии — «Первой программе записок» (Пушкин, т. IX, с. 56).

Первый период примечателен несколькими моментами: ранним русско-французским билингвизмом (французский был вторым родным) и наличием двух значимых взрослых: бабушки по материнской линии и няни. Ребенок, несомненно, был билингвом: французскому языку он учился у родителей и гувернеров, русской речи — у нянь и бабушки Марии Алексеевны Ганнибал, которая не знала ни одного иностранного языка, но прекрасно владела родным и стала первой наставницей внука в обучении русской грамоте. Именно в бабушке, первой няне Пушкина Ульяне и Арине Родионовне воплощалась та русская стихия, которая отсутствовала в отношениях Пушкина-ребенка с родителями.

Вопреки утверждениям авторов биографий советского времени, детство Пушкина не было несчастливим. Опираясь на изыскания В. Берестова (Берестов, 1989) и стихи самого поэта, известный исследователь одаренности Н.С. Лейтес показал, что «Пушкин детально помнил свое самое раннее детство и очень любил эту пору своей жизни, воспринимал ее как окрашенную ощущением счастья» (Лейтес, 1999, с. 17). Особое внимание психолог обращает на значимость восприятия речи взрослых в первые месяцы жизни: «Для будущего поэта, да еще такого необычайного дарования, эмоциональное слушание звуков речи, лепет, начало речевого общения были по-особому волнующими, незабываемыми и, судя по сказанному об этом самим А.С. Пушкиным, как-то связанными с пробуждением предпосылок поэтического воображения и поэтических чувств» (там же).

В свою очередь, отталкиваясь от статьи Н.С. Лейтеса, мы предприняли анализ лирических произведений поэта, посвященных детству, и выписали поэтические характеристики, которые Пушкин дал этому периоду своей жизни. Вот некоторые бесценные свидетельства самого поэта: «Тюльпан и розу поливаю — / И счастлив в утренних трудах», «Доселе в резвости беспечной / Брели по розам дни мои», «прелестный возраст миновался, / Увяли первые цветы!» («Послание к Юдину», 1815, отрывок, в котором описывается подмосковное Захарово, где Пушкины каждое лето жили с 1805 по 1810 г.), «Подруга возраста златого, / Подруга красных детских лет»⁵ (там же); «С какою тихою красотою / Минуты детства протекли; / Хвала, о боги! вам, вы мощною рукою / От ярых гроз мирских невинности отвели, / И были дни мои посвящены покою» («Дельвигу», лицейская редакция, 1817). Вряд ли «человек без детства» (Ю.М. Лотман) мог написать такие строки.

Наконец, именно в поэзии Пушкина мы находим указание на прямую связь тесного, наполненного любовью общения с бабушкой и няней с пробуждением поэтического дара: «Ты, детскую качая колыбель, / Мой юный слух напевами пленила / И меж пелен оставила сбирель, / Которую сама заворожила» («Наперсница волшебной старины...», 1822).

Второй период (1805–1807) характеризуется уже полноценными практиками *семейного чтения*, под которым понимается совместное чтение членов семьи, между разными поколениями, на протяжении длительного времени, имеющее важное значение для душевного, духовного, эмоционального развития всех членов семьи (Мелентьева, 2022, с. 89). Главными событиями этого периода стало раннее обучение Пушкина-ребенка чтению и письму и *отцовское чтение*. Именно отцовское, а не материнское, как во многих других дворянских семьях. Практика чтения вслух отцом была постоянной, избирательной (для чтения выбирались книги занимательные, чаще всего драматические произведения — любимый Сергеем Львовичем Мольер). Чтение совмещалось с драматизацией, участием в домашних любительских спектаклях, что самым непосредственным образом повлияло на раннее сочинительство Пушкина в форме первых подражательных драматических опытов⁶.

Как видим, вопреки традиционному представлению, роль отца в формировании личности поэта (при таких известных отрицательных качествах С.Л. Пушкина, как раздражительность, холодность в отношениях с детьми, скупость, леность, бесхозяйственность) довольно значительна. Не обладая Сергей Львович литературными талантами, светскими знакомствами и большой библиотекой, о которой мы еще скажем, неизвестно, насколько быстро и мощно стали бы развиваться гениальные способности его сына.

Третий (и главный) период (1807–1811). Первый биограф поэта П.В. Анненков⁷ отмечал: «...с 9-го года начала развиваться у него страсть к чтению, которая и не покидала его во всю жизнь. Он прочел, как водится, сперва Плутарха, потом «Илиаду» и «Одиссею» в переводе Битобе, потом приступил к библиотеке своего отца, которая наполнена была французскими классиками XVII века и произведениями философов последующего столетия. <...> Он проводил бессонные ночи, тайком забираясь в кабинет отца и без разбора пожирал все книги, попадавшие ему под руку» (Анненков, 1984, с. 41–42). Эта выдержка, несомненно, требует комментариев. Первое, на что стоит обратить внимание, — это указание на возраст («с 9-го года»), т.е. довольно раннее, даже для дворянского ребенка, приобщение к серьезному, хотя и бессистемному, никем не контролируемому, «безразборному», по выражению пушкиниста Б.М. Томашевского (Томашевский, 2004, с. 341), чтению. Второе — это было не просто чтение, а «страсть к чтению» («пожирал все книги»), одержимость, свойственная гениям. Третье — направленность самой библиотеки, в основном состоящей из французской классики. П.В. Анненков не называет конкретных авторов, однако пушкинистам они известны доподлинно: Корнель, Расин, Мольер, Фенелон, Лафонтен, Вольтер, Дидро, Руссо, Бомарше, Парни, Верж и др. Таким образом, в возрасте 9–12 лет Пушкиным была прочитана большая часть зарубежной литературы, изучаемой сегодня в университете на втором курсе филологического факультета.

⁵ Речь идет о «ранней любви» Пушкина к Софье Сушковой, примерно в восьмилетнем возрасте (см. об этом: (Берестов, 1989)).

⁶ Известный факт: в девять лет Пушкин сочинил на французском пьесу «L'Escamoteur» («Похититель») в подражание Мольеру и разыгрывал ее перед сестрой, а затем сам на себя написал эпиграмму, когда она осмеяла брата (Пушкин в воспоминаниях, 1998, с. 33).

⁷ Несмотря на то, что биография П.В. Анненкова во многом устарела (1855), в части, касающейся детства Пушкина, она содержит важные сведения.

Здесь уместно сделать одно существенное уточнение. Книги из семейной библиотеки читали многие дети в образованных дворянских семьях, в том числе сестра Пушкина Ольга и (шестью годами позднее) брат Лев, однако только Пушкин стал Пушкиным, Лев Сергеевич и Ольга Сергеевна, при всех их достоинствах (начитанности, образованности, великолепной памяти брата), вошли в историю как брат/сестра Пушкина. Это, несомненно, показывает ограниченность «фактора чтения» в становлении гения, но отнюдь не умаляет его значения.

Вернемся к семейной библиотеке. Раннее знакомство Пушкина с французской литературой и культурой имело огромное влияние на его творчество, было «несоизмеримо с ролью какой бы то ни было другой иностранной культуры»; «Французская литература являлась той культурной средой, в которой воспитывалось пушкинское поколение», «Франция была, кроме того, посредницей между русскими читателями и всей мировой литературой» (Томашевский, 2004, с. 341). Французская проза (Вольтер, Дидро, Руссо, Шодерло де Лакло и др.) с ее развитым психологизмом, глубиной, сложными характерами, сюжетностью, по словам знатока русско-французских связей Л.И. Вольперт, «имела для формирования мастерства Пушкина важное значение» (Вольперт, 1998, с. 19). А закладывалось это влияние в детстве.

При анализе читательской биографии Пушкина этого периода возникает вопрос: читал ли будущий поэт произведения русских авторов? Ответ не прост, поскольку семейная библиотека Пушкиных не сохранилась, а сам поэт никаких документальных свидетельств о своем детском чтении не оставил. Между тем научные сотрудники Государственного музея А.С. Пушкина в Москве на этот вопрос дают утвердительный ответ. Так, Е.Л. Пономарева считает, что есть ряд источников о чтении современников Пушкина, на основании которых мы можем реконструировать круг чтения Пушкина-отрока. Несомненно, Пушкин еще до Лицея читал произведения Фонвизина, Княжнина, Дмитриева, Крылова, Карамзина, Батюшкова, Жуковского — своих предшественников и старших современников (Пономарева, 1996).

Психологическое значение семейной библиотеки Пушкиных подчеркивает известный генетик, исследователь проблем гениальности В.П. Эфроимсон. «Одной из биологических основ поразительного творчества А.С. Пушкина», наряду с фактором «волнообразной, сезонно поднимающейся и падающей» огромной эмоциональности, он считает «глубочайший импрессионизм, созданный еще до Лицея отцовским салоном, породивший необычайно острое чувство слова, перечитанная в детстве отцовская библиотека (может быть, отсюда и фантастический словарный запас)» (Эфроимсон, 2019, с. 317). Роль импрессионизма — информационного воздействия среды, оказывающего на личность такое впечатление, результатом которого становится ее устойчивое стремление к определенному виду творческой деятельности, рассмотрена Е.В. Викторовой (Viktorova, 2020). Импрессионизм «высокой» культуры связан с образованием, религией, искусством и т.п., выступает инструментом ее программирования (там же).

Общение Пушкина-ребенка с книгами, безусловно, можно отнести к позитивному импрессионизму, оказавшему огромное влияние на всю последующую жизнь гения.

ВЫВОДЫ

Представленный в статье опыт психологического анализа рождения Пушкина-читателя позволяет сделать следующие выводы.

1. В психологическом плане выделенный нами «фактор чтения» рассматривается как катализатор интеллектуальной, эмоциональной и нравственной сфер личности Пушкина. Прочитанное в детстве ускорило развитие его исключительного интеллекта и имело огромное влияние на творчество. Вместе с тем чтение является лишь одним из факторов формирования и развития гениальной личности, наряду с другими: биологическими и социокультурными (среди последних — благоприятная социальная атмосфера, роль семьи, блестящее литературное окружение, уровень воспитания и образования, личностные особенности).
2. Чтение Пушкина в детские годы характеризуется такими чертами, как раннее, опережающее читательское развитие, двуязычие, широта читательских интересов, самостоятельность и инициативность, одержимость (а не просто сильная читательская потребность), связь с первыми поэтическими опытами. Важное значение в читательской и творческой биографии Пушкина имели отцовская библиотека и регулярные практики семейного чтения, сыгравшие роль позитивного импрессионизма.
3. Обращение к уникальному случаю развития гения в раннем возрасте на примере жизни великого русского поэта, анализ его читательской биографии позволяют рассматривать данную модель развития как идеальную, как совершенное воплощение качеств читателя (причем определенной исторической эпохи). В перспективе интересно проанализировать вклад «фактора чтения» в «сумму гениальности» на примере читательских биографий других общепризнанных гениев, а также современных одаренных детей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анненков, П.В. (1984). Материалы для биографии А.С. Пушкина. Москва: Изд-во «Современник» (Из серии «Литературное наследие»).
- Аронов, А.А. (2019). Иерархия факторов появления гениев. *Философская школа*, (9), 15–21. <https://doi.org/10.24411/2541-7673-2019-10925>
- Берестов, В.Д. (1989). Ранняя любовь Пушкина. Москва: Изд-во «Правда» (Из серии «Библиотека Огонек»).
- Вольперт, Л.И. (1998). Пушкин в роли Пушкина. Творческая игра по моделям французской литературы. Пушкин и Стендаль. Москва: Изд-во «Языки русской культуры».
- Выготский, Л.С., Зинovieв, П.М. (1929). Большая медицинская энциклопедия: в 35 тт. Т. 6. Гениальность. (С. 612–613). Москва: Изд-во «Советская энциклопедия».

- Кольцова, В.А., Холондович, Е.Н. (2012). Гениальность: психолого-историческое исследование. *Психологический журнал*, 33(2), 101–118.
- Лейтес, Н.С. (1999). А.С. Пушкин о детях. *Вопросы психологии*, (4), 16–20.
- Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: в 4 тт. (1999). Под ред. М.А. Цявловского, Н.А. Тарховой, науч. ред. Я.Л. Левкович. Т. 1. Москва: Изд-во «СЛОВО».
- Лотман, Ю.М. (1982). Александр Сергеевич Пушкин. Ленинград: Изд-во «Просвещение».
- Лотман, Ю.М. (1994). Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). Санкт-Петербург: Изд-во «Искусство — СПб».
- Мелентьева, Ю.П. (2022). Общая теория чтения. 2-е изд., доп. Москва: Изд-во «Наука».
- Модзалевский, Л.Б. (1988). Библиотека А.С. Пушкина. Приложение к репринтному изданию. Москва: Изд-во «Книга».
- Пономарева, Е.Л. (1996). Детские альманахи пушкинского времени. Проблематика и поэтика: Автореф. дисс. канд. филол. наук. Москва.
- Пушкин, А.С. (1981). Полн. собр. соч.: в 10 тт. Москва: Изд-во «Правда».
- Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 тт. 3-е изд., доп. / вступ. статья В.Э. Вацура. (1998). Санкт-Петербург: Изд-во «Академический проект».
- Сегалин, Г.В. (1925). Патогенез и биогеиз великих людей. Клинический архив гениальности и одаренности. Свердловск: Изд-во «Практическая медицина».
- Сироткина, И.Е. (1999). А.С. Пушкин: страницы из истории российских изданий по психологии и психиатрии. *Вопросы психологии*, (3), 89–99.
- Скатов, Н.Н. Пушкин. (1999). Русский гений. Научно-художественная биография А.С. Пушкина. Москва: Изд-во «ИЦ «Классика».
- Солнцева, А. (2004). Земельная собственность русских литераторов: Пушкин, Толстой, Островский. *Отечественные записки*, (1). URL: <https://strana-oz.ru/2004/1/zemelnaya-sobstvennost-russkih-literatorov-pushkin-tolstoy-ostrovskiy> (дата обращения: 15.04.2024).
- Сухарев, А.В. (2014). Личность А.С. Пушкина в контексте западноевропейской и русской культуры. *Вестник славянских культур*, (1), 59–75.
- Томашевский, Б.В. (2004). Французская литература. Пушкин: Исследования и материалы РАН. Ин-т русс. лит. (Пушкин. Дом). Т. XVIII/XIX: Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». С. 341–359. Санкт-Петербург: Изд-во «Наука».
- Черниговский, Д.Н. (2012). Об опыте изучения личности А.С. Пушкина в психологической науке дореволюционной России. *Вестник ВятГУ*, (2), 87–91.
- Чиж, В.Ф. (2009). А.С. Пушкин как идеал душевного здоровья. Чиж В.Ф. Болезнь Н.В. Гоголя: Записки психиатра. Сост. Н. Унанянц. Москва: Изд-во «ТЕРРА: Книжный клуб».
- Чтение. Энциклопедический словарь. (2021). Под ред. Ю.П. Мелентьевой. Москва: Изд-во «Наука».
- Эфроимсон, В.П. (2019). Генетика гениальности. Москва: Изд-во «АСТ».
- Viktorova, E.V. (2020). The programming function of culture in a digital society: selected tools. *Advances in Social Science. Education and Humanities Research*, (437), 671–676. <https://doi.org/10.2991/assehr.k.200509.120>

REFERENCES

- Annenkov, P.V. (1984). Materials for the biography of A.S. Pushkin. Moscow: Sovremennik Publ. (In Russ.)
- Aronov, A.A. (2019). The hierarchy of the factors of the appearance of geniuses. *Filosofskaya shkola = Philosophical School*, (9), 15–21. (In Russ.)
- Berestov, V.D. (1989). Pushkin's Early Love. Moscow: Pravda Publ. (In Russ.)
- Chernigovskii, D.N. (2012). On the experience of studying the personality of A.S. Pushkin in the psychological science of pre-revolutionary Russia. *Vestnik VyatGU = Bulletin of Vyatka University*, (2), 87–91.
- Chizh, V.F. (2009). A.S. Pushkin as an ideal of mental health. In: Chizh, V.F. N.V. Gogol's disease: Notes of a psychiatrist. Moscow: TERRA: Knizhnyi klub Publ. (In Russ.)
- Efroimson, V.P. (2019). The genetics of genius. Moscow: AST Publ. (In Russ.)
- Kol'tsova, V.A., Kholondovich, E.N. (2012). Genius: a psychological and historical study. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 33(2), 101–118. (In Russ.)
- Leites, N.S. (1999). A.S. Pushkin about children. *Voprosy psikhologii*, (4), 16–20.
- Lotman, Yu.M. (1982). Alexander Sergeyevich Pushkin. Leningrad: Prosveshchenie Publ. (In Russ.)
- Lotman, Yu.M. (1994). Conversations about Russian culture: The life and traditions of the Russian nobility (XVIII — early XIX century). Saint-Petersburg: Iskustvo — SPb Publ. (In Russ.)
- Melent'eva, Yu.P. (2022). General theory of reading. 2th ed. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Modzalevskii, L.B. (1988). The Library of A.S. Pushkin. Appendix to the reprint edition. Moscow: Kniga Publ. (In Russ.)
- Ponomareva, E.L. (1996). Children's almanacs of Pushkin's time. Problematics and poetics: dissertation. Summ. Diss. Cand. Sci. (Philology). Moscow. (In Russ.)
- Pushkin, A.S. (1981). Complete collection of works: in 10 vols. Moscow: Pravda Publ. (In Russ.)
- Pushkin in the memoirs of his contemporaries: in 2 vol. (1998). 3th ed. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt Publ. (In Russ.)
- Reading. The Encyclopedic Dictionary. (2021). In: Yu.P. Melent'eva, (ed.). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Segalin, G.V. (1925). Pathogenesis and Biogenesis of great people. In: Clinical archive of genius and talent. Sverdlovsk: Practice medicine Publ. (In Russ.)
- Sirotkina, I.E. (1999). A.S. Pushkin: pages from the history of Russian publications on psychology and psychiatry. *Voprosy psikhologii*, (3), 89–99. (In Russ.)
- Skatov, N.N. (1999). Pushkin. The Russian genius. Scientific and artistic biography of A.S. Pushkin. Moscow: Klassika Publ. (In Russ.)
- Solntseva, A. (2004). The land ownership of Russian writers: Pushkin, Tolstoy, Ostrovsky. *Otechestvennye zapiski = Domestic Notes*, (1). (In Russ.). URL: <https://strana-oz.ru/2004/1/zemelnaya-sobstvennost-russkih-literatorov-pushkin-tolstoy-ostrovskiy> (accessed: 15.04.2024).
- Sukharev, A.V. (2014). The personality of A. S. Pushkin in the context of Western European and Russian culture. *Vestnik slavyanskikh kul'tur = Bulletin of Slavic Cultures*, (1), 59–75. (In Russ.)
- The chronicle of the life and work of Alexander Pushkin: in 4 vol. (1999). In: M.A. Tsyavlovskii, N.A. Tarkhova, Ya.L. Levkovich (eds.). Vol. 1. Moscow: SLOVO Publ. (In Russ.)

Tomashevskii, B.V. (2004). French literature. In *Pushkin: Research and Materials*. Institute of Russian Literature (Pushkin House). Vol. XVIII–XIX: Pushkin and world literature. Materials for the Pushkin Encyclopedia. (pp. 341–359). St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russ.)

Viktorova, E.V. (2020). The programming function of culture in a digital society: selected tools. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, (437), 671–676.

Vol'pert, L.I. (1998). Pushkin in the role of Pushkin. A creative game based on models of French literature. *Pushkin and Stendhal*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ. (In Russ.)

Vygotsky, L.S., Zinov'ev, P.M. (1929). Genius. In *Great Medical Encyclopedia: in 10 vol. Vol. 6*. (pp. 612–613). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

**Наталья Анатольевна
Борисенко**

Natalia A. Borisenko

Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории экпсихологии развития и психодидактики Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация, borisenko_natalya@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4407-7937>

Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher at the Laboratory of Eco-psychology of Development and Psychodidactics, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, borisenko_natalya@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4407-7937>

Поступила: 05.05.2024; получена после доработки:
26.06.2024; принята в печать: 17.01.2025.

Received: 05.05.2024; revised:
26.06.2024; accepted: 17.01.2025.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИИ / METHODOLOGY AND METHODS OF PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article

<https://doi.org/10.11621/npj.2025.0104>

УДК/UDC 159.9.072

■ Симуляторное расстройство в свете теории уровневой регуляции движения: эмпирическое исследование

Е.Г. Лунякова¹ , А.Р. Рахимова², М.Д. Белоусова¹

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

² Единый интегратор по созданию и поддержке государственных информационных систем UZINFOCOM, Ташкент, Республика Узбекистан

 eglun@mail.ru

РЕЗЮМЕ

Актуальность. Технологии виртуальной реальности (ВР) находят свое применение в различных областях жизнедеятельности человека, однако их использование часто сопряжено с возникновением симуляторного расстройства (СР). На сегодняшний день нет единого мнения относительно механизмов возникновения СР и факторов, влияющих на его выраженность. Особый интерес представляет его рассмотрение с учетом характера действий, выполняемых пользователем в виртуальной среде.

Цель. Изучить влияние ведущего уровня построения двигательного навыка в виртуальной реальности на выраженность симуляторного расстройства.

Выборка. 40 человек (18 женщин и 22 мужчины) в возрасте от 19 до 46 лет ($M_{\text{возраст}} = 24$, $SD = 9,197$). Участники были проинформированы о возможных кратковременных негативных последствиях участия в эксперименте и дали на него добровольное согласие.

Методы. Две группы участников эксперимента после предварительного тестирования в течение трех дней обучались выполнению определенных типов движений в виртуальной среде с последующим повторным тестированием. Группы различались направленностью тренировочной серии — на выполнение поворотов собственного тела (уровень пространственного поля, «группа С») или на управление вращением элементов окружения (уровень предметных действий, «группа D»). Оба движения выполнялись контроллером при максимально схожей зрительной стимуляции. Выраженность СР оценивалась по психофизиологическим (ЧСС, теппинг-тест), когнитивным (обратный счет с вычитанием) и субъективным (опросник «Симуляторные расстройства» и субъективное шкалирование) показателям.

Результаты. Показано, что проявления и интенсивность СР связаны со сформированностью навыка определенного типа движений в виртуальной среде. Участники группы С продемонстрировали более выраженное СР в начале тренировочной серии, чем участники группы D. Однако в тестировании после серии тренировок выраженность СР по всем показателям в условиях пассивного наблюдения вращающейся стимуляции и решения задачи уровня пространственного поля у этой группы была значительно ниже, чем у группы D.

Выводы. Сформированность движения на ведущем уровне пространственного поля обуславливает меньшую выраженность СР в виртуальной реальности, чем сформированность навыка на ведущем уровне предметного действия. Изучение СР с позиции теории уровней построения движения способствует более полному объяснению формирования данного явления.

Ключевые слова: симуляторное расстройство, виртуальная реальность, сенсорный конфликт, двигательная программа, предвосхищение, уровни построения движения, Н.А. Бернштейн

Для цитирования: Лунякова, Е.Г., Рахимова, А.Р., Белоусова, М.Д. (2025). Симуляторное расстройство в свете теории уровневой регуляции движения: эмпирическое исследование. *Национальный психологический журнал*, 20(1), 37–50. <https://doi.org/10.11621/npj.2025.0104>

■ Simulator Sickness within the Framework of the Level Theory of Movement Regulation: Empirical Study

Elizaveta G. Luniakova¹ , Arina R. Rakhimova², Margarita D. Belousova¹

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

² LLC UZINFOCOM (Single integrator for the creation and support of state information systems), Tashkent, Republic of Uzbekistan

 eglun@mail.ru

ABSTRACT

Background. Virtual reality (VR) technologies are being applied in various areas of human activity. However, their use is often associated with the onset of simulator sickness. To date, there is no consensus on the mechanisms behind this disorder and the factors influencing its severity. Examining it in the light of the nature of actions performed by the user in a virtual environment is of particular interest.

Objective. The goal is to study the impact of the leading level of motor skill development in virtual reality on the severity of simulator sickness.

Sample. 40 participants (18 women and 22 men) aged between 19 and 46 years ($M_{age} = 24$, $SD = 9,197$). Participants were informed about the potential short-term negative consequences of participating in the experiment and provided their voluntary consent.

Methods. Two groups of participants, after preliminary testing, underwent training over three days to perform certain types of movements in a virtual environment, followed by re-testing. The groups differed in the focus of the training series — one group focused on body rotations (spatial field level, “Group C”), while the other focused on controlling the rotation of elements in the environment (object action level, “Group D”). Both movements were performed using a controller with similar visual stimulation. The severity of simulator sickness was evaluated using psychophysiological (heart rate (HR), tapping test), cognitive (reverse counting with subtraction), and subjective (Simulator Sickness Questionnaire and subjective scaling) measures.

Results. It was shown that the manifestations and intensity of simulator sickness (SS) are related to the formation of a specific type of movement skill in the virtual environment. Participants in Group C demonstrated a more pronounced SS at the beginning of the training series than participants in Group D. However, in testing after the training series, the severity of SS for all indicators under the conditions of passive observation of rotating stimulation and solving the spatial field level task in this group was significantly lower than in Group D.

Conclusions. The development of movement at the leading level of the spatial field determines the lower expression of SS in virtual reality than the development of skill at the leading level of subject action. Studying simulator sickness from the perspective of the theory of levels of movement construction contributes to a more complete explanation of the formation of this phenomenon.

Keywords: simulator sickness, virtual reality, sensory conflict, motor program, anticipation, movement construction levels, N.A. Bernstein

For citation: Luniakova, E.G., Rakhimova, A.R., Belousova, M.D. (2025). Simulator sickness within the framework of the level theory of movement regulation: empirical study. *National Psychological Journal*, 20(1), 37–50. <https://doi.org/10.11621/npj.2025.0104>

ВВЕДЕНИЕ

Симуляторное расстройство (СР) — один из видов укачивания, который возникает у человека при взаимодействии с системой виртуальной реальности (ВР) и характеризуется проявлениями головокружения, потери ориентации в пространстве, сложности концентрации, тошноты, повышенным потоотделением и т.д. (Kennedy et al., 1993). Также признаками выраженности симуляторного расстройства служат изменения в работе функциональных систем пользователей ВР: сердечно-сосудистой, дыхательной, желудочно-кишечной и терморегуляционной (Colehour, Graybiel, 1966). Стремительное развитие информационных технологий, приводящее к внедрению технологии ВР в самые разные сферы деятельности человека, требует глубокого понимания причин возникновения симуляторного расстройства и способов его предотвращения.

В последние десятилетия XX века был предложен целый ряд теорий, в той или иной степени раскрывающих механизмы укачивания, — эволюционная (токсикологическая) теория (Treisman, 1977), теория постуральной нестабильности (Riccio, Stoffregen, 1991), глазодвигательная теория (Ebenholtz et al., 1994). Но самую широкую известность получила теория сенсорного конфликта Дж. Ризона (Reason, 1978), в основу которой легло объяснение механизма развития морской болезни, предложенное еще в

1881 году Дж. Ирвином (Irwin, 1881). Теория сенсорного конфликта утверждает, что источником возникновения симуляторного расстройства служит рассогласование сенсорных сигналов, поступающих от различных модальностей (вестибулярной, проприоцептивной и зрительной), а также несоответствие конфигурации этих сигналов прошлому опыту пользователя. Так, при наблюдении движущейся стимуляции из статичного положения нарушается привычная интеграция зрительных и вестибулярных сигналов, что приводит к ошибочному восприятию собственного движения и к укачиванию. Например, возникновение СР при виртуальном катании на американских горках (Davis et al., 2015; Nesbitt et al., 2017). Несмотря на широкое признание и частое упоминание в исследованиях, связанных с симуляторным расстройством, теория сенсорного конфликта, как, впрочем, и остальные теории, неоднократно подвергалась критике, так как не позволяла точно спрогнозировать, какие виртуальные среды способны инициировать симуляторное расстройство и насколько сильно будут выражены негативные симптомы у человека (Kolasinski, 1995; LaViola Jr, 2000).

Значительная часть современных работ, посвященных СР, направлена как раз на выявление не столько механизмов развития, сколько условий и факторов, оказывающих влияние на быстроту возникновения, интенсивность переживания и конкретные проявления симуляторного расстройства — технологических (особенности оборудования и свойства программного обеспечения: угол обзора устройства, временная задержка, графический реализм, разные типы контроллеров для управления движением, мультимодальность стимуляции, использование динамических платформ для симуляции движения и др.) (de Winkel et al., 2022; Ng et al., 2020; Aldaba, Moussavi, 2020; Гневашев и др., 2022); индивидуальных (возраст, пол, «виртуальный опыт», профессиональные навыки пользователя и др.) (Smyth et al., 2019; Grassini et al., 2021; Almallah et al., 2021; Menshikova et al., 2017); психологических («эффект присутствия», мотивация, личностные черты (например, нейротизм) и др.) (Grassini et al., 2021; Almallah et al., 2021).

Разнообразие и противоречивость получаемых экспериментальных результатов и невозможность их интеграции в рамках одной теории, отмечаемая разными авторами в теоретических и эмпирических обзорах, побуждают к разработке новых подходов к данной проблематике (Ковалёв, Клименко, 2018; Смыслова, Войскунский, 2019; Войскунский, Смыслова, 2020).

Перспективным кажется рассмотрение симуляторного расстройства в контексте представлений об активной роли познающего субъекта в его взаимодействии с миром. Нужно отметить, что Дж. Ризон, характеризуя ситуации, вызывающие укачивание, описывает их как состояния «сенсорного конфликта, при котором сигналы движения, передаваемые глазами, вестибулярной системой и невестибулярными проприорецепторами, противоречат друг другу, и, следовательно, тому, что ожидается на основе предыдущих взаимодействий с пространственной средой» (Reason, 1978, p. 820). Однако важный, на наш взгляд, момент противоречия текущей афферентации с «ожиданием» остается «в тени», не разворачивается автором и последователями в представления о прогнозе, активном предвосхищении сенсорной информации. Но именно этот аспект, отраженный в разных теоретических подходах в понятиях прогностической направленности образа мира (Смирнов, 2016), предсказывающего кодирования (Фаликман, 2021), образа или модели будущего (Бернштейн, 1990) и в других теоретических конструктах, представляется нам существенным в понимании механизма СР.

Я. Хоуи в своей монографии указывает на то, что любой сигнал, поступающий извне на органы чувств, обрабатывается на основе сопоставления с моделью предсказания, при этом «снизу-вверх» передается не сам сигнал, а информация о разнице с моделью: чем меньше данное рассогласование, тем эффективнее реализуется построение двигательного акта (Hohwy, 2013). Подобная точка зрения близка представлениям Н.А. Бернштейна о кольцевой регуляции движения (Бернштейн, 1990, 1997). О. Купером и коллегами было проведено исследование, согласно которому возникновение негативных симптомов симуляторного расстройства является следствием величины «ошибки» в сопоставлении прогнозируемого сенсорного образа действий и фактической сенсорной информации от проприорецепторов и других модальностей (Kuiper et al., 2020). Согласно полученным результатам, средние показатели выраженности симуляторного расстройства были ниже в тех условиях, где предвосхищающий образ действия был согласован с реальной сенсорной информацией о движении.

Мы предполагаем, что в развитии симуляторного расстройства значительную роль может играть не столько несоответствие сигналов разных модальностей друг другу, сколько их рассогласование с прогнозом сенсорных последствий виртуального движения. Причем речь идет именно о прогнозе движения собственного тела в среде (локомоции, поворотов и других движений в пространстве виртуальных объектов), осуществляемого на уровне пространственного поля (Бернштейн, 1997). Большинство реализуемых действий в ВР регулируются на уровнях пространственного поля (С) и предметных действий (D). Это дает возможность проследить связь между степенью выраженности негативных ощущений и ведущим уровнем, на котором это действие выполняется в ВР.

ГИПОТЕЗЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Мы предположили, что, поскольку в повседневной жизни у взрослого человека сформирован навык выполнения движений уровня предметных действий с помощью манипуляторов (например, прокрутка экрана, перемещение объектов мышкой на мониторе и др.), подобное движение в виртуальной среде будет в меньшей степени провоцировать симуляторное расстройство, чем моторно и сенсорно сходное движение уровня пространственного поля (вращение или перемещение собственного тела только при помощи контроллера), навык которого в естественной среде не формируется.
- Также мы предположили, что формирование в ходе эксперимента навыка выполнения движения в виртуальной среде на ведущем уровне пространственного поля позволит более точно прогнозировать его сенсорные последствия, что будет сопровождаться снижением выраженности симуляторного расстройства и приведет к его меньшим проявлениям при пассивном наблюдении движущихся стимулов, чем формирование навыка моторно и сенсорно сходного движения на уровне предметных действий.

ДИЗАЙН ИССЛЕДОВАНИЯ

Для инспирирования симуляторного расстройства использовался хорошо зарекомендовавший себя в подобных работах метод — предъявление вертикальных черно-белых полос, вращающихся вокруг наблюдателя подобно оптокинетическому барабану и занимающих большую часть зрительного поля (Keshavarz et al., 2017).

Общий план исследования включал три этапа: 1) тестирование участников на выраженность симуляторного расстройства в условиях пассивного наблюдения вращающегося виртуального оптокинетического барабана с последующим делением участников на две группы, уравниваемые по выраженности эффекта; 2) три тренировочные серии по 2 минуты каждая с интервалом в один день, различающиеся для двух групп участников по ведущему уровню формируемого в виртуальной среде двигательного навыка; 3) повторное тестирование участников обеих групп в трех условиях — при выполнении каждого из двух видов движений и в пассивном условии, идентичном этапу 1.

Для оценки успешности формирования двигательных навыков использовались показатели времени реакции и точности выполнения движения. Выраженность СР оценивалась по результатам психофизиологических (частота сердечных сокращений (ЧСС), теплинг-тест), когнитивных (обратный счет с вычитанием) и субъективных (опросник «Симуляторные расстройства» (Меньшикова, Ковалев, 2015), оценка интенсивности переживания СР по 10-балльной шкале) показателей. Эти методы регистрации степени выраженности СР широко применяются в зарубежных исследованиях (Palmisano et al., 2016; Nesbitt et al., 2017; Smyth et al., 2019) и демонстрируют свою эффективность в оценке данного явления.

ВЫБОРКА

В исследовании приняли участие 40 человек (18 женщин и 22 мужчины) в возрасте от 19 до 46 лет ($M_{\text{возраст}} = 24$, $SD = 9,197$). Все респонденты имели нормальное или скорректированное до нормального зрение и не имели травм головного мозга и заболеваний вестибулярного аппарата. Также все участники были проинформированы о возможных краткосрочных негативных последствиях эксперимента и дали на него добровольное согласие.

По результатам степени выраженности симуляторного расстройства в пре-тесте (Таблица 1) участники были равномерно распределены по двум группам — С и D, проходившим разные тренировочные условия (описание групп см. ниже в разделе Процедура). В каждой группе было по 20 человек (по 9 женщин и 11 мужчин).

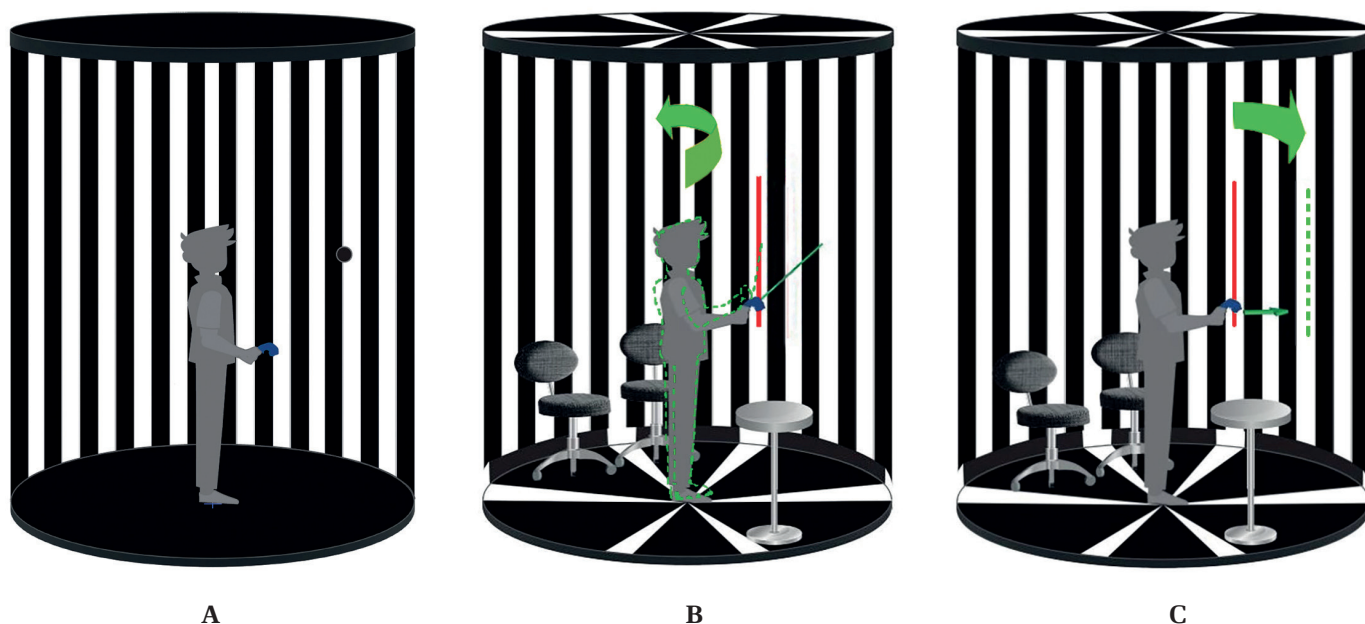

Рисунок 1

Схематическое изображение стимуляции: А) в условии пассивного наблюдения; В) в задаче на собственное виртуальное вращение; С) в задаче на поворот стены барабана. Пунктирной линией отображены субъективно воспринимаемая позиция участника (В) или стены с вертикальной линией (С) после вращения

Figure 1

Schematic representation of stimulation: А) under the condition of passive observation; В) in the task of self-rotation in virtual reality; С) in the task of rotating the drum wall. The dashed line represents the subjectively perceived position of the participant (В) or the wall with the vertical line (С) after rotation

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оборудование

Для демонстрации стимуляции и фиксации первичных данных (времени реакции, точности движения) была использована система виртуальной реальности HTC Vive Pro Eye и программное обеспечение, написанное в среде Unity. Управление виртуальным движением осуществлялось при помощи контроллера. ЧСС измерялась с использованием пульсоксиметра (Nordavind ECG Dongle).

Стимуляция

В тестовом (пассивном) условии (этапы 1 и 3) участник исследования неподвижно стоял в центре виртуального оптокинетического барабана (Рисунок 1) высотой 2,5 м и диаметром 3 м. Барабан вращался со скоростью 45 угл. градусов в секунду. На фоне движущихся черно-белых полос на уровне глаз наблюдателя неподвижно располагалась фигура, посменно изменяющая форму (треугольник-круг; круг-треугольник) (Рисунок 1А). Временные интервалы смены фигуры составляли 2 с, 5 с или 8 с в квазислучайном порядке, общее количество смен в серии равно 18.

В тренировочном условии (этап 2) участник находился в центре того же барабана, имитировавшего помещение цилиндрической формы. Для повышения предметности восприятия пол и потолок были размечены черно-белыми секторами, на полу на периферии поля зрения участника располагались несколько небольших виртуальных предметов мебели (Рисунок 1В, С). В каждой пробе слева или справа от участника на стене появлялась красная вертикальная полоса — углы ее отклонения от центральной позиции «прямо напротив участника» лежали в диапазоне от 15 и 80 угловых градусов в каждую сторону.

ПРОЦЕДУРА

Процедура эмпирического исследования предполагала проведение нескольких сессий с каждым участником для формирования у него определенного двигательного навыка в ВР, а также предварительный и контрольный замеры. Каждый участник проходил три этапа исследования, с интервалом между сессиями в 1 день:

1. Пре-тест (пассивное условие): участник должен как можно быстрее реагировать на смену фигуры, предъявлявшейся прямо перед ним на фоне вращающейся стены оптокинетического барабана. С каждым участником проводилось три серии, разделенные 2-минутным перерывом. До начала эксперимента и по окончании каждой серии вращения с помощью вышеперечисленных методик оценивался уровень выраженности симуляторного расстройства.

2. Тренировочный этап (три дня тренировок с интервалом в 1 день) различался для двух групп по типу выполняемой задачи:

Группа 1, условно названная группой «уровня С», выполняла задачу собственного виртуального вращения в пространстве (ведущий уровень выполнения движения — уровень пространственного поля). Участник держал контроллер в руке прямо перед собой. При появлении красной полосы на стене он должен был, не выполняя реального движения телом, только с помощью кнопок контроллера за одно нажатие кнопки повернуться к красной линии так, чтобы указать на нее лучом контроллера как можно точнее.

Группа 2, условно названная группой «уровня D», выполняла задачу прокрутки контроллером стены барабана (ведущий уровень выполнения движения — уровень предметного действия). Участник держал контроллер в руке прямо перед собой. При появлении красной полосы на стене участник должен был с помощью кнопок контроллера за одно движение прокрутить барабан так, чтобы красная полоса оказалась прямо напротив указателя контроллера.

Отметим, что собственно физические движения пальцами руки были однотипными и зрительная обратная связь также была сходной (но разнонаправленной), за исключением смещения секторов потолка, пола и предметов мебели при повороте тела на небольшом участке периферии поля зрения в группе «уровня С» и их сенсорной стабильности при вращении стены барабана в группе «уровня D». В каждый тренировочный день выполнялось три серии по 20 проб каждая, разделенные 2-минутными перерывами. До начала эксперимента и по окончании каждой серии вращения оценивался уровень выраженности симуляторного расстройства.

3. Пост-тест включал в себя три условия для обеих групп участников (замеры проводились с интервалом в один день и повторяли вышеописанные процедуры):

- тестовое условие с задачей уровня пространственного поля;
- тестовое условие с задачей уровня предметного действия;
- пассивное наблюдение движущейся стимуляции, реагирование на смену фигуры.

До начала выполнения каждой задачи и по окончании каждой серии вращения тем же набором методик, что и на предыдущих этапах, оценивался уровень выраженности симуляторного расстройства.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Пре-тест

MANOVA показывает, что замеры времени реакции на смену фигуры в разных сериях пре-тестового условия эксперимента значимо различаются ($F(2) = 46,209$, $p = 0,001$). Также выявлено влияние фактора серии на показатели частоты сердцебиения, психомоторной активности, скорости мыслительных операций участников, субъективной оценки интенсивности переживания симуляторного расстройства и на балл опросника «Симуляторные расстройства» (Таблица 1).

Таблица 1

Показатели выраженности симуляторного расстройства в пре-тесте
и результаты их сравнения с использованием MANOVA

Показатель	До теста М (SD)	После 1 серии М (SD)	После 2 серии М (SD)	После 3 серии М (SD)	df	F	p
ЧСС	63, 950 (3,676)	67,081 (4,055)	70,033 (4,921)	76,001 (6,086)	3	57,224	0,001
Теппинг-тест	59,285 (6,040)	58,455 (6,384)	56,538 (6,760)	54,334 (8,603)	3	5,102	0,002
Обратный счет с вычитанием	12,501 (4,577)	12,055 (3,128)	10,089 (4,090)	8,750 (3,882)	3	11,612	0,001
Опросник «Симуляторные расстройства»	-	-	-	626,533 (345,225)	-	-	-
Оценка интенсивности переживания СР	-	-	-	6,750 (1,498)	-	-	-

Table 1

Indicators of simulator sickness severity in the pre-test and the results of comparison using MANOVA

Indicator	Pre-test M (SD)	After 1st series M (SD)	After 2nd series M (SD)	After 3rd series M (SD)	df	F	p
HR	63. 950 (3.676)	67.081 (4.055)	70.033 (4.921)	76.001 (6.086)	3	57.224	0.001
Tapping test	59.285 (6.040)	58.455 (6.384)	56.538 (6.760)	54.334 (8.603)	3	5.102	0.002
Reverse counting with subtraction	12.501 (4.577)	12.055 (3.128)	10.089 (4.090)	8.750 (3.882)	3	11.612	0.001
Simulator Sickness Questionnaire	-	-	-	626.533 (345.225)	-	-	-
Assessment of the intensity of SS experience	-	-	-	6.750 (1.498)	-	-	-

Тренировочный этап

На начальном этапе тренировочной сессии участники группы «уровня С» испытывали более выраженные проявления симуляторного расстройства, чем участники группы «уровня D». Анализ данных общего балла опросника «Симуляторные расстройства» и субъективной оценки интенсивности переживания симуляторного расстройства с использованием MANOVA выявил значимые различия между группами в первый день ($F(1) = 24,229$, $p = 0,001$ для опросника; $F(1) = 7,277$, $p = 0,001$ для субъективной оценки) и во второй день ($F(1) = 11,464$, $p = 0,003$ для опросника; $F(1) = 4,987$, $p = 0,004$ для субъективной оценки) тренировочного условия. В третий день результаты двух групп по опроснику «Симуляторные расстройства» ($F(1) = 0,844$, $p = 0,370$) и субъективной оценки ($F(1) = 0,121$, $p = 0,731$) значимо не различались (Рисунок 2).

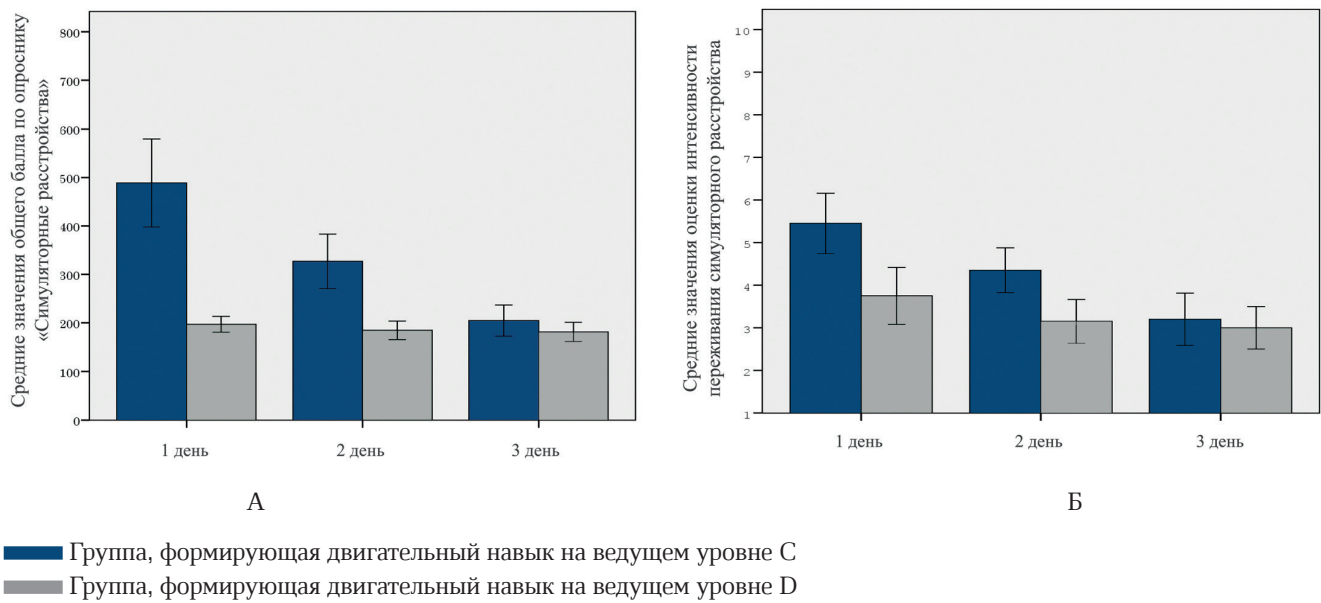

Рисунок 2

Среднее значение общего балла опросника «Симуляторные расстройства» (А) и оценки интенсивности переживания симуляторного расстройства (Б) в тренировочном условии

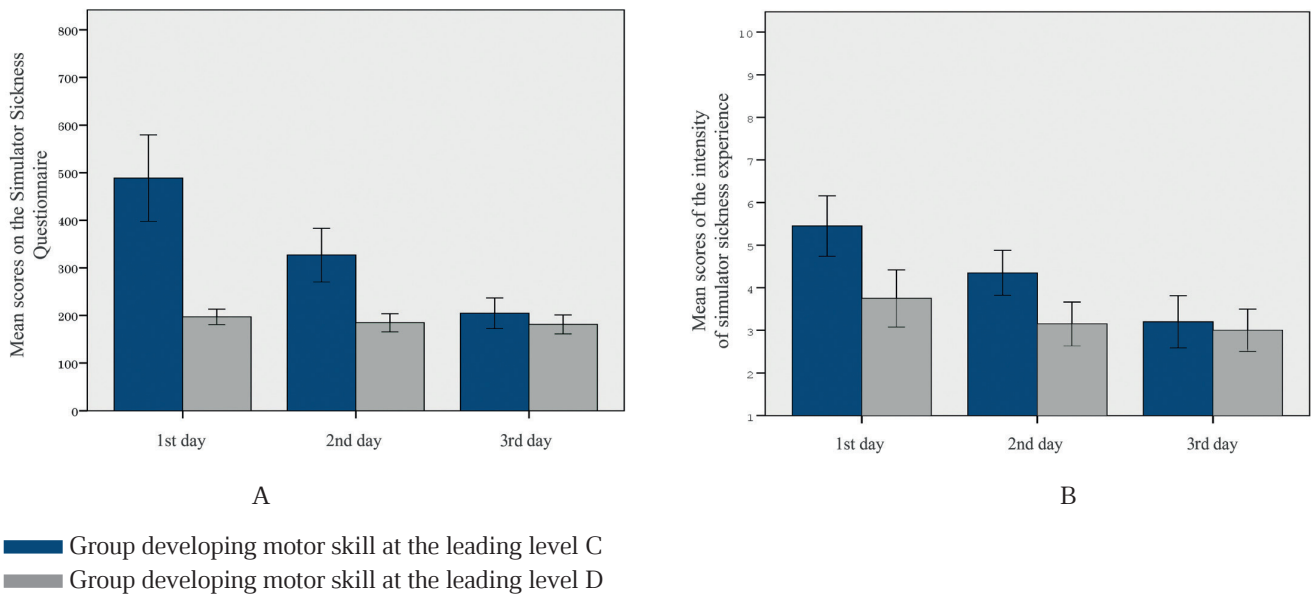

Figure 2

Mean score on the Simulator Sickness Questionnaire (A) and the intensity of simulator sickness experience (B) in the training condition

MANOVA выявил статистически значимое влияние тренировочного условия и фактора тренировочного дня, а также их взаимодействия на три показателя, полученные после третьей серии упражнений в каждый тренировочный день: частоту сердцебиения, показатели психомоторной активности (количество нажатий в теппинг-тесте) и скорости мыслительных операций (количество правильно названных чисел в задаче на обратный счет) (Рисунок 3).

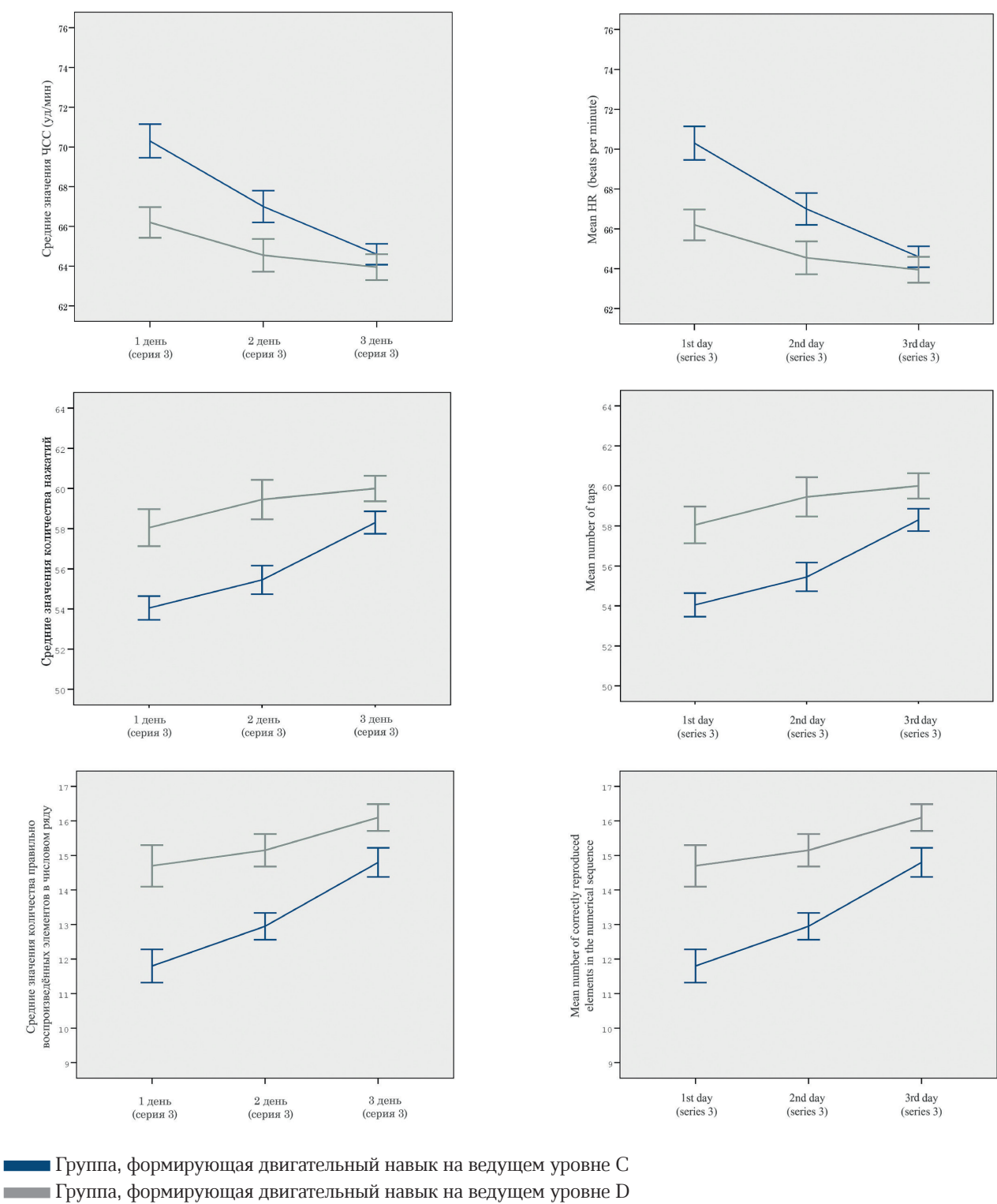

Рисунок 3
Показатели частоты сердцебиения, психомоторной активности, скорости мыслительных операций в двух группах после третьих серий упражнений в каждый день тренировочного этапа

Group developing motor skill at the leading level C
Group developing motor skill at the leading level D

Figure 3
Heart rate, psychomotor activity, and speed of cognitive operations in two groups after the third series of exercises on each day of the training phase

При анализе частоты сердцебиения влияние тренировочного условия ($F(1) = 42,713$, $p = 0,001$), фактора тренировочного дня ($F(2) = 34,465$, $p = 0,011$) и их взаимодействия ($F(2) = 5,019$, $p = 0,005$) статистически значимо. В первый ($F(1) = 35,927$, $p = 0,001$) и во второй ($F(1) = 16,183$, $p = 0,011$) тренировочный день между группами есть различия по ЧСС. При этом показатели частоты сердцебиения у группы «уровня С» больше, чем у группы «уровня D». В третий день результаты двух групп не имеют значимых различий ($F(1) = 1,013$, $p = 0,327$). Анализ данных теппинг-теста выявил значимое влияние факторов тренировочного условия ($F(1) = 20,290$, $p = 0,001$), дня замера ($F(2) = 8,084$, $p = 0,001$) и их взаимодействия ($F(2) = 3,480$, $p = 0,016$). Показатели психомоторной активности между двумя группами в первый ($F(1) = 4,927$, $p = 0,001$) и во второй ($F(1) = 7,005$, $p = 0,006$) тренировочные дни значимо различаются. При этом количество нажатий у группы «уровня D» больше, чем у группы «уровня С». В третий день результаты двух групп не различаются ($F(1) = 1,555$, $p = 0,228$). Результаты замеров скорости мыслительных операций (обратный счет) между двумя группами в первый ($F(1) = 5,207$, $p = 0,014$) и во второй ($F(1) = 6,066$, $p = 0,022$) тренировочный день значимо различаются. При этом количество правильно воспроизведенных элементов в числовой последовательности у группы «уровня С» ниже, чем у группы «уровня D». В третий день результаты двух групп не имеют значимых различий ($F(1) = 2,719$, $p = 0,116$).

Пост-тест

Для оценки выраженности симуляторного расстройства после окончания тренировочного этапа были проанализированы показатели третьих серий тестового условия двух групп в каждом типе задач — при пассивном наблюдении, при осуществлении собственного поворота и при прокручивании стены оптокинетического барабана (Таблица 2).

Таблица 2

Показатели выраженности симуляторного расстройства в пост-тестовых задачах и результаты их сравнения между группами с использованием MANOVA

Показатель	Пассивное наблюдение М (SD)			Пространственная задача тестового условия М (SD)			Предметная задача тестового условия М (SD)		
	Группа «уровень С»	Группа «уровень D»	Р	Группа «уровень С»	Группа «уровень D»	Р	Группа «уровень С»	Группа «уровень D»	Р
Реакция на стимул / Отклонение от стимула	0,646 (0,223)	0,895 (0,348)	0,001	17,091 (5, 005)	34,827 (5,120)	0,001	17,211 (4,981)	16,693 (5,950)	0,713
ЧСС	67,600 (2,945)	71,650 (5,985)	0,001	65,001 (3,301)	73,650 (4,880)	0,001	65,750 (1,970)	65,350 (2,560)	0,562
Теппинг-тест	56,030 (5,875)	48,310 (7,644)	0,001	61,450 (8,260)	54,701 (5,490)	0,001	60,850 (7,310)	61,100 (8,250)	0,931
Обратный счет с вычи- танием	13,200 (3,994)	10,840 (3,334)	0,001	15,070 (3,860)	12,001 (3,020)	0,003	13,750 (3,500)	14,806 (3,910)	0,356
Опросник «Симулятор- ные рас- стройства»	145,923 (76,296)	307,665 (105,436)	0,001	149,095 (55,960)	259,021 (66,720)	0,001	155,320 (50,920)	146,124 (41,440)	0,657
Оценка ин- тенсивности переживания СР	3,650 (1,631)	6,450 (1,503)	0,001	3,128 (1,800)	5,001 (2,220)	0,002	3,393 (1,450)	3,145 (1,420)	0,735

Исходя из полученных результатов тестового условия, можно сделать вывод, что и в условиях пассивного наблюдения, и в задаче на собственное вращение (ведущий уровень построения движения — уровень пространственного поля С) симуляторное расстройство меньше выражено у группы, формировавшей движение на уровне С, чем у группы, формировавшей движения на уровне D. При этом в задаче управления движением стены барабана (ведущий уровень построения движения — уровень предметного действия D) выраженность симуляторного расстройства не различалась у двух групп.

Table 2

Indicators of simulator sickness severity in post-test tasks and the results of their comparison between groups using MANOVA

Indicator	Passive Observation M (SD)			Spatial Task of the Test Condition M (SD)			Object Task of the Test Condition M (SD)		
	Group “level C”	Group “level D”	P	Group “level C”	Group “level D”	P	Group “level C”	Group “level D”	P
Response to stimulus / Deviation from stimulus	0.646 (0.223)	0.895 (0.348)	0.001	17.091 (5.005)	34.827 (5.120)	0.001	17.211 (4.981)	16.693 (5.950)	0.713
HR	67.600 (2.945)	71.650 (5.985)	0.001	65.001 (3.301)	73.650 (4.880)	0.001	65.750 (1.970)	65.350 (2.560)	0.562
Tapping test	56.030 (5.875)	48.310 (7.644)	0.001	61.450 (8.260)	54.701 (5.490)	0.001	60.850 (7.310)	61.100 (8.250)	0.931
Reverse counting with subtraction	13.200 (3.994)	10.840 (3.334)	0.001	15.070 (3.860)	12.001 (3.020)	0.003	13.750 (3.500)	14.806 (3.910)	0.356
Simulator Sickness Questionnaire	145.923 (76.296)	307.665 (105.436)	0.001	149.095 (55.960)	259.021 (66.720)	0.001	155.320 (50.920)	146.124 (41.440)	0.657
Assessment of the intensity of SS experience	3.650 (1.631)	6.450 (1.503)	0.001	3.128 (1.800)	5.001 (2.220)	0.002	3.393 (1.450)	3.145 (1.420)	0.735

ОБСУЖДЕНИЕ

Результаты оценки выраженности СР, а также не включенные в данную публикацию результаты замеров точности выполнения движений показывают, что система виртуальной реальности HTC Vive Pro Eye и разработанное программное обеспечение позволили инспирировать симуляторное расстройство у всех участников эксперимента, то есть результаты исследования валидны.

Пассивное наблюдение вращающейся стимуляции в пре-тестовом условии приводило к увеличению показателей частоты сердцебиения, времени реакции на стимул, к ухудшению психомоторной активности и скорости мыслительных операций участников, а также к высоким показателям субъективной оценки интенсивности переживания данного расстройства и баллам опросника «Симуляторные расстройства». Полученные результаты соответствуют данным зарубежных исследований о влиянии симуляторного расстройства на изменение физиологических, психомоторных и когнитивных процессов (Lambrey et al., 2002; Riecke et al., 2009 и др.).

Сравнение показателей выраженности СР при выполнении группами задач разного типа на начальном этапе тренировочной серии и анализ их динамики в ходе тренировок позволяет утверждать следующее. Во-первых, как мы и предполагали, задача на собственное вращение провоцирует значительно более выраженное симуляторное расстройство, чем задача на управление вращением стены барабана. То есть одни и те же сенсорные данные от разных модальностей вызывают неприятные ощущения в зависимости от типа выполняемого действия, что согласуется с результатами наших предыдущих исследований (Rakhimova et al., 2021). Во-вторых, формирование навыка выполнения поворотов собственного тела с помощью контроллера привело к значительной позитивной динамике показателей СР, что в целом позволяет принять нашу гипотезу: возможность прогнозирования сенсорных последствий моторного действия на уровне пространственного поля снижает выраженность СР, поскольку рассогласование между формируемым на основе нового опыта прогнозом и текущей сенсорной информацией отсутствует. В-третьих, как показала контрольная серия испытаний после тренировочного этапа, у участников, тренировавших движение управления предметом (поворотом стены), в задаче на собственное вращение негативная симптоматика резко выражена, в то время как у участников другой группы она отсутствует в обеих задачах. Более того, в пассивном условии, провоцирующем иллюзию собственного вращения, симптомы СР также значительно сильнее проявляются у группы «уровня D». То есть для группы, которая научилась выполнять нетипичные для реальных условий собственные движения, конфликтная сенсорная информация приводит к значимо более слабому развитию укачивания.

Объяснение полученных результатов возможно с позиций теории уровней построения движения (Бернштейн, 1990). У участников группы «уровня D» не сформирована необходимая модель движения и подходящие ей коррекции. Согласно Н.А. Бернштейну,

переключение ведущего уровня уже выработанного навыка — всегда трудно дающийся и болезненно протекающий процесс, который у участников этой группы в задаче на уровень пространственного поля сопровождался нарастанием негативных ощущений, характерных для СР. В то же время, успешное решение предметной задачи участниками группы «уровня С» можно объяснить сформированностью адекватной модели движения и использования раннее выработанных суррогатных коррекций на фоновом уровне С.

Таким образом, сформированность пространственного уровня выступает как фон для действий предметного уровня — обеспечивает меткость отдельных вспомогательных движений в качестве технических предпосылок выполнения предметного действия.

Полученные результаты позволяют увидеть ограниченность теории сенсорного конфликта (Reason, 1978) как объяснительного принципа возникновения симуляторного расстройства, основанного только на сопоставлении афферентации разных модальностей без учета активности у характера действий наблюдателя. Рассмотрение симуляторного расстройства через призму механизмов организации движения вносит вклад в объяснение формирования данного явления, дополняет и меняет теоретические представления об идее сенсорного конфликта как причине его возникновения.

Конечно, следует отметить, что некоторое ограничение накладывает тот факт, что нам не удалось создать абсолютно идентичную визуальную стимуляцию двум группам. В предварительной серии первый вариант оптокинетического барабана для тренировок выглядел так же, как в тестовом условии пассивного наблюдения — черный пол и потолок, отсутствие предметов мебели. Однако при тестировании программного обеспечения стало понятно, что исключительно вербальная инструкция не позволяет участнику воспринимать поворот стены именно как управление движением объекта — иллюзия собственного вращения (зрительная кинестезия, по Дж. Гибсону (Гибсон, 1988)) в этих условиях слишком сильна. Добавление на дальнюю периферию сцены небольшого числа элементов, позволяющих придать предметность виртуальной среде, стабилизировало восприятие того или иного типа движения, однако привело к некоторой неравноценности тренировочных условий, что, на наш взгляд, вряд ли могло существенно повлиять на результаты.

ВЫВОДЫ

В ходе проведенного исследования были выявлены некоторые ограничения существующих объяснений механизмов формирования симуляторного расстройства. Показана перспективность анализа данного явления с учетом активности субъекта в построении перцептивного образа окружающей среды и собственного движения в ней, и существенной роли механизмов организации движения в этом процессе. Результаты исследования позволяют принять гипотезу о том, что интенсивность выраженности симуляторного расстройства связана с ведущим уровнем построения двигательного навыка в виртуальной реальности. При этом сформированность движения на уровне пространственного поля обуславливает меньшую выраженность симуляторного расстройства при выполнении двигательных задач в виртуальной реальности.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

Результаты, полученные в исследовании, могут быть использованы как основа для проектирования качественных мультимодальных и многопользовательских компьютерных программ и систем виртуальной реальности, а также разработки тренировочных материалов, позволяющих снизить выраженность СР у пользователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бернштейн, Н.А. (1990). Физиология движений и активность. Москва: Изд-во «Наука».
- Бернштейн, Н.А. (1997). Биомеханика и физиология движений. Москва: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во «МОДЭК».
- Войскунский, А.Е., Смылова, О.В. (2020). Киберзаболевание в системах виртуальной реальности: ключевые факторы и сенсорная интеграция. *Психологический журнал*, 41(1), 56–64.
- Гибсон, Дж. (1988). Экологический подход к зрительному восприятию. Москва: Прогресс.
- Гневашев, Ю.В., Горшков, К.С., Коновалов, Г.А., Ловлин, С.Ю., Посохов, Д.А., Цветкова, М.Х. (2022). Влияние способов управления в системах виртуальной реальности на возникновение симптомов локомоционной болезни. *Известия высших учебных заведений. Приборостроение*, 65(5), 357–371.
- Ковалёв, А.И., Клименко, В.А. (2018). Взаимосвязь иллюзии движения собственного тела и киберрасстройства в системах виртуальной реальности. *Синергия наук*, (28), 509–525.
- Меньшикова, Г.Я., Ковалёв, А.И. (2015). Векция в виртуальных средах: психологические и психофизиологические механизмы формирования. *Национальный психологический журнал*, 10(4), 91–104.
- Смирнов, С.Д. (2016). Прогностическая направленность образа мира как основа динамического контроля неопределенности. *Психологический журнал*, 37(5), 5–13.
- Смылова, О.В., Войскунский, А.Е. (2019). Киберзаболевание в системах виртуальной реальности: феноменология и методы измерения. *Психологический журнал*, 40(4), 85–94.
- Фаликман, М.В. (2021). Принцип предсказывающего кодирования в современных когнитивных исследованиях. *Вопросы психологии*, 67(3), 3–23.

- Aldaba, C.N., Moussavi, Z. (2020). Effects of virtual reality technology locomotive multi-sensory motion stimuli on a user simulator sickness and controller intuitiveness during a navigation task. *Medical & Biological Engineering & Computing*, (58), 143–154.
- Almallah, M., Hussain, Q., Reinolsmann, N., Alhajyaseen, W.K. (2021). Driving simulation sickness and the sense of presence: Correlation and contributing factors. *Transportation Research Part F: Traffic Psychology and Behaviour*, (78), 180–193.
- Colehour, J.K., Graybiel, A. (1966). Biochemical changes occurring with adaptation to accelerative forces during rotation. Joint Report No. NAMI-959. Pensacola: NASNUS. Naval Aerospace Institute Publ.
- Davis, S., Nesbitt, K., Nalivaiko, E. (2015). Comparing the onset of cybersickness using the Oculus Rift and two virtual roller coasters. In Proceedings of the 11th Australasian Conference on Interactive Entertainment (IE 2015). (pp. 3–14). Sydney: Australian Computing Society Publ.
- de Winkel, K.N., Talsma, T.M., Happee, R. (2022). A meta-analysis of simulator sickness as a function of simulator fidelity. *Experimental Brain Research*, 240(12), 3089–3105. <https://doi.org/10.1007/s00221-022-06485-6>
- Ebenholtz, S.M., Cohen, M.M., Linder, B.J. (1994). The possible role of nystagmus in motion sickness: a hypothesis. *Aviation, Space, and Environmental Medicine*, 65(11), 1032–1035.
- Grassini, S., Laumann, K., Luzi, A.K. (2021). Association of individual factors with simulator sickness and sense of presence in virtual reality mediated by head-mounted displays (hmds). *Multimodal Technologies and Interaction*, 5(3), 7. <https://doi.org/10.3390/mti5030007>
- Hohwy, J. (2013). The predictive mind. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Irwin, J.A. (1881). The Pathology of Sea-sickness. *The Lancet*, 118(3039), 907–909.
- Kennedy, R.S., Lane, N.E., Kevin, S., Berbaum, K.S., Lilienthal, M.G. (1993). Simulator Sickness Questionnaire: An Enhanced Method for Quantifying Simulator Sickness. *The International Journal of Aviation Psychology*, 3(3), 203–220.
- Keshavarz, B., Speck, S., Haycock, B., Berti, S. (2017). Effect of different display types on vection and its interaction with motion direction and field dependence. *i-Perception*, 8(3), 2041669517707768.
- Kolasinski, E. (1995). Simulator Sickness in Virtual Environment. *U.S. Army Research Institute for the Behavioral and Social Sciences*, 4(1027).
- Kuiper, O.X., Bos, J.E., Diels, C., Schmidt, E.A. (2020). Knowing what's coming: Anticipatory audio cues can mitigate motion sickness. *Applied Ergonomics*, (85), 1–6.
- Lambrey, S., Viaud-Delmon, I., Berthoz, A. (2002). Influence of a sensorimotor conflict on the memorization of a path traveled in virtual reality. *Cognitive Brain Research*, 14(1), 177–186.
- LaViola Jr, J.J. (2000). A discussion of cybersickness in virtual environments. *ACM Sigchi Bulletin*, 32(1), 47–56.
- Nesbitt, K., Davis, S., Blackmore, K., Nalivaiko, E. (2017). Correlating reaction time and nausea measures with traditional measures of cybersickness. *Displays*, (48), 1–8.
- Ng, A.K., Chan, L.K., Lau, H.Y. (2020). A study of cybersickness and sensory conflict theory using a motion-coupled virtual reality system. *Displays*, (61), 101922.
- Menshikova, G., Kovalev, A., Klimova, O., Barabanshchikova, V. (2017). The application of virtual reality technology to test the motion sickness resistance. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(3), 151–164.
- Palmisano, S., Summersby, S., Davies, R.G., Kim, J. (2016). Stereoscopic advantages for vection induced by radial, circular, and spiral optic flows. *Journal of Vision*, 16(14), 7–7.
- Rakhimova, A., Luniakova, E., Validov, M., Kovalev, A. (2021). “Control” vs “detection” tasks effect on the severity of simulator sickness. *Psychophysiology*, 58(S1), S66.
- Reason, J.T. (1978). Motion sickness adaptation: a neural mismatch model. *Journal of the Royal Society of Medicine*, 71(11), 819–829.
- Riccio, G.E., Stoffregen, T.A. (1991). An ecological theory of motion sickness and postural instability. *Ecological Psychology*, 3(3), 195–240.
- Riecke, L., Esposito, F., Bonte, M., Formisano, E. (2009). Hearing illusory sounds in noise: the timing of sensory-perceptual transformations in auditory cortex. *Neuron*, 64(4), 550–561.
- Smyth, J., Birrell, S., Mouzakitis, A., Jennings, P. (2019). Motion sickness and human performance — exploring the impact of driving simulator user trials. In Advances in Human Aspects of Transportation: Proceedings of the AHFE 2018 International Conference on Human Factors in Transportation, July 21–25, 2018, Loews Sapphire Falls Resort at Universal Studios. (pp. 445–457). Orlando: Springer International Publ.
- Treisman, M. (1977). Motion sickness: an evolutionary hypothesis. *Science*, 197(4302), 493–495.

REFERENCES

- Aldaba, C.N., Moussavi, Z. (2020). Effects of virtual reality technology locomotive multi-sensory motion stimuli on a user simulator sickness and controller intuitiveness during a navigation task. *Medical & Biological Engineering & Computing*, (58), 143–154.
- Almallah, M., Hussain, Q., Reinolsmann, N., Alhajyaseen, W.K. (2021). Driving simulation sickness and the sense of presence: Correlation and contributing factors. *Transportation Research Part F: Traffic Psychology and Behaviour*, (78), 180–193.
- Bernstein, N.A. (1990). Physiology of Movements and Activity. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Bernstein, N.A. (1997). Biomechanics and Physiology of Movements. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute Publ.; Voronezh: MODEK Publ. (In Russ.)
- Colehour, J.K., Graybiel, A. (1966). Biochemical changes occurring with adaptation to accelerative forces during rotation. Joint Report No. NAMI-959. Pensacola: NASNUS. Naval Aerospace Institute Publ.
- Davis, S., Nesbitt, K., Nalivaiko, E. (2015). Comparing the onset of cybersickness using the Oculus Rift and two virtual roller coasters. In Proceedings of the 11th Australasian Conference on Interactive Entertainment (IE 2015). (pp. 3–14). Sydney: Australian Computing Society Publ.
- de Winkel, K.N., Talsma, T.M., Happee, R. (2022). A meta-analysis of simulator sickness as a function of simulator fidelity. *Experimental Brain Research*, 240(12), 3089–3105. <https://doi.org/10.1007/s00221-022-06485-6>
- Ebenholtz, S.M., Cohen, M.M., Linder, B.J. (1994). The possible role of nystagmus in motion sickness: a hypothesis. *Aviation, Space, and Environmental Medicine*, 65(11), 1032–1035.
- Falikman, M.V. (2021). The Principle of Predictive Coding in Contemporary Cognitive Research. *Voprosy psikhologii*, 67(3), 3–23. (In Russ.)
- Gibson, J. (1988). The Ecological Approach to Visual Perception. Moscow: Progress Publ. (In Russ.)
- Gnevashchev, Y.V., Gorshkov, K.S., Kononov, G.A., Lovlin, S.Yu., Posokhov, D.A., Tsvetkova, M.Kh. (2022). The Impact of Control Methods in Virtual Reality Systems on the Development of Symptoms of Motion Sickness. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Priborostroenie = Journal of Higher Educational Institutions. Instrument Engineering*, 65(5), 357–371. (In Russ.)

- Grassini, S., Laumann, K., Luzi, A.K. (2021). Association of individual factors with simulator sickness and sense of presence in virtual reality mediated by head-mounted displays (hmds). *Multimodal Technologies and Interaction*, 5(3), 7. <https://doi.org/10.3390/mti5030007>
- Hohwy, J. (2013). *The predictive mind*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Irwin, J.A. (1881). The Pathology of Sea-sickness. *The Lancet*, 118(3039), 907–909.
- Kennedy, R.S., Lane, N.E., Kevin, S., Berbaum, K.S., Lilienthal, M.G. (1993). Simulator Sickness Questionnaire: An Enhanced Method for Quantifying Simulator Sickness. *The International Journal of Aviation Psychology*, 3(3), 203–220.
- Keshavarz, B., Speck, S., Haycock, B., Berti, S. (2017). Effect of different display types on vection and its interaction with motion direction and field dependence. *i-Perception*, 8(3), 2041669517707768.
- Kolasinski, E. (1995). Simulator Sickness in Virtual Environment. *U.S. Army Research Institute for the Behavioral and Social Sciences*, 4(1027).
- Kovalev, A.I., Klimenko, V.A. (2018). The Relationship Between the Illusion of Self-Body Movement and Cyber-disorders in Virtual Reality Systems. *Sinergiya nauk = Synergy of Sciences*, (28), 509–525. (In Russ.)
- Kuiper, O.X., Bos, J.E., Diels, C., Schmidt, E.A. (2020). Knowing what's coming: Anticipatory audio cues can mitigate motion sickness. *Applied Ergonomics*, (85), 1–6.
- Lambrey, S., Viaud-Delmonb, I., Berthoz, A. (2002). Influence of a sensorimotor conflict on the memorization of a path traveled in virtual reality. *Cognitive Brain Research*, 14(1), 177–186.
- LaViola Jr, J.J. (2000). A discussion of cybersickness in virtual environments. *ACM Sigchi Bulletin*, 32(1), 47–56.
- Menshikova, G., Kovalev, A., Klimova, O., Barabanshchikova, V. (2017). The application of virtual reality technology to test the motion sickness resistance. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(3), 151–164.
- Menshikova, G.Y., Kovalev, A.I. (2015). Vection in Virtual Environments: Psychological and Psychophysiological Mechanisms of Formation. *National Psychological Journal*, 10(4), 91–104. (In Russ.)
- Nesbitt, K., Davis, S., Blackmore, K., Nalivaiko, E. (2017). Correlating reaction time and nausea measures with traditional measures of cybersickness. *Displays*, (48), 1–8.
- Ng, A.K., Chan, L.K., Lau, H.Y. (2020). A study of cybersickness and sensory conflict theory using a motion-coupled virtual reality system. *Displays*, (61), 101922.
- Palmisano, S., Summersby, S., Davies, R.G., Kim, J. (2016). Stereoscopic advantages for vection induced by radial, circular, and spiral optic flows. *Journal of Vision*, 16(14), 7–7.
- Rakhimova, A., Luniakova, E., Validov, M., Kovalev, A. (2021). “Control” vs “detection” tasks effect on the severity of simulator sickness. *Psychophysiology*, 58(S1), S66.
- Reason, J.T. (1978). Motion sickness adaptation: a neural mismatch model. *Journal of the Royal Society of Medicine*, 71(11), 819–829.
- Riccio, G.E., Stoffregen, T.A. (1991). An ecological theory of motion sickness and postural instability. *Ecological Psychology*, 3(3), 195–240.
- Riecke, L., Esposito, F., Bonte, M., Formisano, E. (2009). Hearing illusory sounds in noise: the timing of sensory-perceptual transformations in auditory cortex. *Neuron*, 64(4), 550–561.
- Smirnov, S.D. (2016). The Prognostic Orientation of the World Image as the Basis for Dynamic Uncertainty Control. *Psihologicheskij zhurnal = Psychological Journal*, 37(5), 5–13. (In Russ.)
- Smyslova, O.V., Voiskunsky, A.E. (2019). Cyber-sickness in Virtual Reality Systems: Phenomenology and Measurement Methods. *Psihologicheskij zhurnal = Psychological Journal*, 40(4), 85–94. (In Russ.)
- Smyth, J., Birrell, S., Mouzakitis, A., Jennings, P. (2019). Motion sickness and human performance — exploring the impact of driving simulator user trials. In *Advances in Human Aspects of Transportation: Proceedings of the AHFE 2018 International Conference on Human Factors in Transportation*, July 21–25, 2018, Loews Sapphire Falls Resort at Universal Studios. (pp. 445–457). Orlando: Springer International Publ.
- Treisman, M. (1977). Motion sickness: an evolutionary hypothesis. *Science*, 197(4302), 493–495.
- Voiskunsky, A.E., Smyslova, O.V. (2020). Cyber-sickness in Virtual Reality Systems: Key Factors and Sensory Integration. *Psihologicheskij zhurnal = Psychological Journal*, 41(1), 56–64. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

**Елизавета Геннадьевна
Лунякова**

Elizaveta G. Luniakova

Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Восприятие» факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, eglun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4300-818X>

Cand. Sci. (Psychology), Senior Researcher at the Laboratory of Perception, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, eglun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4300-818X>

**Арина Руслановна
Рахимова**

Arina R. Rakhimova

Главный специалист отдела бизнес-анализа департамента по разработке ЕМИС ООО Единого интегратора по созданию и поддержке государственных информационных систем UZINFOCOM, Ташкент, Республика Узбекистан, arisharahimova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-1143-9325>

Senior Specialist, Business Analysis Department, LLC UZINFOCOM (Single Integrator for the Creation and Support of State Information Systems), Tashkent, Republic of Uzbekistan, arisharahimova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-1143-9325>

**Мargarита Дмитриевна
Белоусова**

Margarita D. Belousova

Младший научный сотрудник лаборатории Математического обеспечения имитационных динамических систем кафедры прикладной механики и управления механико-математического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, bmargaretd@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3535-5752>

Junior Researcher, Laboratory of Mathematical Support for Simulation Dynamic Systems, Department of Applied Mechanics and Control, Faculty of Mechanics and Mathematics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, bmargaretd@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3535-5752>

Поступила: 23.11.2024; получена после доработки:
19.12.2024; принята в печать: 26.12.2024.

Received: 23.11.2024; revised:
19.12.2024; accepted: 26.12.2024.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИИ / METHODOLOGY AND METHODS OF PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article

<https://doi.org/10.11621/npj.2025.0105>

УДК/UDC 159.9.072

■ Русскоязычная версия шкалы стигмы ВИЧ-инфекции Б. Бергер

Е.В. Коренева , А.А. Золотарева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

 elenakoreneva25@gmail.com

РЕЗЮМЕ

Актуальность. Шкала стигмы ВИЧ-инфекции Б. Бергер (Berger HIV Stigma Scale, BHSS) является одной из самых известных среди инструментов измерения стигматизации ВИЧ-инфицированных. Российские специалисты использовали шкалу в эмпирических исследованиях, но до сих пор не адаптировали ее для русскоязычных респондентов.

Цель. Целью исследования является адаптация и оценка психометрических свойств русскоязычной краткой версии Шкалы стигмы ВИЧ-инфекции Б. Бергер (Berger HIV Stigma Scale-12, BHSS-12).

Выборка. Сбор данных был проведен в июне-июле 2024 года. В исследовании приняли участие 120 ВИЧ-инфицированных, в том числе 65 женщин и 55 мужчин в возрасте от 18 до 57 лет ($M = 38,1$; $SD = 8,93$).

Методы. Участники исследования заполнили анкету, содержащую русскоязычную версию BHSS-12, шкалу депрессии, тревоги и стресса (Depression, Anxiety and Stress Scale-21, DASS-21) и блок социально-демографических вопросов о поле, возрасте, образовании, наличии/отсутствии детей и партнеров/супругов, наличии/отсутствии СПИДа, посещении СПИД-центра и длительности заболевания.

Результаты. Анализ данных показал четырехфакторную структуру русскоязычной версии BHSS-12, совпадающую со структурой оригинального инструмента и подтверждающую факторную валидность адаптированной шкалы. Показатели α Кронбаха составили значения 0,816, 0,794, 0,819 и 0,797 для подшкал «Персонализированная стигма», «Раскрытие информации», «Отношение общественности» и «Негативная самооценка», соответственно, что подтверждает внутреннюю надежность русскоязычной версии BHSS-12. Стигма ВИЧ-инфекции оказалась статистически значимо позитивно взаимосвязанной с депрессией, тревогой, стрессом и общим психологическим дистрессом, что свидетельствует в пользу конвергентной валидности адаптированной шкалы. ВИЧ-инфицированные более старшего возраста имели наиболее высокие баллы по подшкале «Отношение общественности». Участники исследования, не состоящие в партнерских/супружеских отношениях, набрали наиболее высокие баллы по подшкалам «Отношение общественности» и «Негативная самооценка».

Выводы. Русскоязычная версия BHSS-12 надежна и валидна, в связи с чем может быть рекомендована в качестве диагностического инструмента для изучения стигмы ВИЧ-инфекции у русскоязычных респондентов.

Ключевые слова: BHSS-12, стигма, вирус иммунодефицита человека, психологический дистресс, психометрический анализ

Финансирование. Публикация подготовлена в ходе проведения исследования № 25-00-033 «Развитие психосоматических исследований в России» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)».

Для цитирования: Коренева, Е.В., Золотарева, А.А. (2025). Русскоязычная версия шкалы стигмы ВИЧ-инфекции Б. Бергер. *Национальный психологический журнал*, 20(1), 51–64. <https://doi.org/10.11621/npj.2025.0105>

■ Russian Version of the Berger HIV Stigma Scale

Elena V. Koreneva , Alena A. Zolotareva

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

 elenakoreneva25@gmail.com

ABSTRACT

Background. The Berger HIV Stigma Scale (BHSS) is one of the most well-known instruments for measuring the stigmatization of HIV-infected people. Russian experts have used the measure in empirical studies but have not yet adapted it for Russian-speaking respondents.

Objective. The study was aimed at adapting and examining the psychometric properties of the Russian short version of the Berger HIV Stigma Scale-12 (BHSS-12).

Study Participants. The data collection was conducted in June-July 2024. The participants were 120 HIV-infected respondents, including 65 women and 55 men aged 18 to 57 years ($M = 38.1$; $SD = 8.93$).

Methods. The participants completed a questionnaire containing the Russian version of the BHSS-12, the Depression, Anxiety and Stress Scale-21 (DASS-21), and a block of socio-demographic questions about sex, age, education, presence/absence of children and partners/spouses, presence/absence of AIDS, visiting an AIDS Centre, and duration of the disease.

Results. Data analysis showed a four-factor structure of the Russian version of the BHSS-12, which coincides with the structure of the original instrument and confirms the factor validity of the adapted measure. The Cronbach's alpha coefficients were 0.816, 0.794, 0.819, and 0.797 for the subscales "Personalized stigma", "Disclosure concerns", "Concerns about public attitudes", and "Negative self-image", respectively, which confirms the internal reliability of the Russian version of the BHSS-12. The HIV stigma was positively correlated with depression, anxiety, stress, and general psychological distress, which indicates the convergent validity of the adapted measure. Older HIV-infected respondents had the highest scores on the subscale "Concerns about public attitudes". The participants who were not in partner and marital relationships showed the highest scores on the subscales "Concerns about public attitudes" and "Negative self-image".

Conclusion. The Russian version of the BHSS-12 is reliable and valid, and therefore can be recommended as a diagnostic instrument for measuring the HIV stigma in Russian-speaking respondents.

Keywords: BHSS-12, stigma, human immunodeficiency virus, psychological distress, psychometric analysis

Funding. The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at HSE University (grant № 25-00-033 "Development of psychosomatic research in Russia").

For citation: Koreneva, E.V., Zolotareva, A.A. (2025). Russian version of the berger HIV stigma scale. *National Psychological Journal*, 20(1), 51–64. <https://doi.org/10.11621/npj.2025.0105>

ВВЕДЕНИЕ

В 1960-х годах американский социолог И. Гоффман ввел термин «стигма» для описания «атрибута, который глубоко дискредитирует человека», тем самым «превращая его из обычного человека в испорченного, уцененного» (Goffman, 1963, p. 3). Признаками для стигматизации служат любые характеристики, отличающие одних людей от других (пол, раса, возраст, вероисповедание, сексуальная ориентация), но одними из наиболее частых и дискредитирующих признаков являются хронические заболевания. Стигма в отношении хронического заболевания приводит к развитию «испорченной идентичности» (от англ. spoiled identity) человека, вынужденного скрывать свое заболевание от окружающих из-за страха одиночества, социальной изоляции и отвержения (Brighton et al., 2022; Iovino et al., 2023; Millen, Walker, 2001).

Согласно результатам недавних исследований, стигме подвержены люди со многими хроническими заболеваниями, в том числе с раком (Lim et al., 2024), астмой (Ahmed-Chowdhury et al., 2024), артритом (Wakefield et al., 2023), диабетом (Bennett, Puhl, 2023), эпилепсией (Mao et al., 2022), синдромом раздраженного кишечника (Taft et al., 2017) и сердечно-сосудистыми заболеваниями (Panza et al., 2019). Особо тяжелое бремя стигмы несут люди с инфекционными заболеваниями, потому что общество воспринимает их как источник потенциальной опасности, что, в свою очередь, может приводить к сокрытию заболевания, более позднему обращению за медицинской и психологической помощью, более высоким рискам тяжелого течения и смертельного исхода инфекционного заболевания (Antinori et al., 2023; Makurumidze et al., 2022).

Пожалуй, самым стигматизированным инфекционным заболеванием является вирус иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекция). ВИЧ-инфицированные сталкиваются с тем, что не только окружающие убеждены в их маргинальности и приверженности «беспорядочному образу жизни» (Беляева и др., 2015, с. 36), но и медицинские работники приписывают им опыт употребления наркотических средств и использования услуг из сферы коммерческого секса (Голенков, Щербаков, 2011). Они, как правило, рассказывают о своем диагнозе только близким, так как окружающие, узнавшие о диагнозе, начинают избегать общения и совместного приема пищи из-за страха заражения (Беляева и др., 2015), в крайних случаях распространяя сплетни и дискриминационные высказывания в адрес ВИЧ-инфицированных (Brandelli Costa et al., 2024).

В начале 2000-х гг. группа американских исследователей под руководством Б. Бергер разработала шкалу стигмы ВИЧ-инфекции (Berger HIV Stigma Scale, BHSS) для изучения стигмы как «атрибута или характеристики, которая негативно воспринимается культурой и обществом» (Berger, Ferrans, Lashley, 2001, p. 519). Шкала была успешно переведена и адаптирована на испанский (Fuster-Ruiz de Apodaca et al., 2015), бирманский (Huang et al., 2021), турецкий (Yildiz et al., 2021), суахили (Wanjala, Sewanyana

et al., 2021), тамильский (Jeyaseelan et al., 2013), китайский (Yu et al., 2019) и шведский языки (Lindberg et al., 2014). В настоящее время шкала широко используется в сокращенном варианте (Berger HIV Stigma Scale-12, BHSS-12), имеющем аналогичные с оригинальной версией психометрические характеристики (Reinius et al., 2017).

Русскоязычная версия BHSS была использована в исследованиях, оценивающих взаимосвязи стигмы ВИЧ-инфекции с употреблением психоактивных веществ (Lodi et al., 2023), приверженностью лечению наркомании (Vetrova et al., 2022), опытом использования инъекционного инструментария (Kimmel et al., 2023), историей тюремного заключения и приверженностью антиретровирусной терапии (Bovell-Ammon et al., 2023). В связи с тем, что, с одной стороны, в описанных исследованиях отсутствуют сведения о психометрических свойствах BHSS, а с другой стороны, данная шкала имеет очевидную научную и клиническую ценность, целью настоящего исследования стала адаптация русскоязычной версии краткой шкалы стигмы ВИЧ-инфекции (Berger HIV Stigma Scale-12, BHSS-12) на выборке ВИЧ-инфицированных респондентов.

ГИПОТЕЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Гипотезой исследования выступает предположение о том, что адаптированная шкала является психометрически обоснованным инструментом для оценки стигмы ВИЧ-инфекции у русскоязычных респондентов.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью исследования является адаптация и оценка психометрических свойств русскоязычной краткой версии Шкалы стигмы ВИЧ-инфекции Б. Бергер (Berger HIV Stigma Scale-12, BHSS-12).

ВЫБОРКА

Респонденты были рекрутированы в исследование с помощью онлайн-форума о ВИЧ-инфекции «Современный форум о ВИЧ», а также фонда «СПИД.ЦЕНТР» в соответствии со следующими критериями включения: 1) совершеннолетие; 2) диагностированная ВИЧ-инфекция; 3) проживание в России на момент участия в исследовании.

В период с июня по июль 2024 года было набрано 120 ответов респондентов с ВИЧ-инфекцией, обнаруженной в период от одного месяца до 33 лет назад ($M = 8,97$; $SD = 7,50$). Выборку составили 65 (54,2%) женщин и 55 (45,8%) мужчин в возрасте от 18 до 57 лет ($M = 38,1$; $SD = 8,93$). В большинстве случаев респонденты имели высшее образование (60,8%), состояли в партнерских/супружеских отношениях (71,7%), имели детей (78,3%) и не имели СПИД (79,2%)¹. Почти все участники исследования (94,2%) отметили, что посещают СПИД-центр.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Все респонденты заполнили анкету, содержащую социально-демографические вопросы и следующие методики:

Шкала стигмы ВИЧ-инфекции Б. Бергер (HIV Stigma Scale, BHSS-12) оценивает уровень воспринимаемой стигматизации ВИЧ-инфекции (Reinius et al., 2017). Шкала состоит из 12 тестовых пунктов, сгруппированных по четырем подшкалам: подшкала «Персонализированная стигма» определяет ожидаемые негативные последствия раскрытия диагноза ВИЧ-инфекции; подшкала «Раскрытие информации» оценивает желание держать свой диагноз в тайне от окружающих; подшкала «Отношение обществу» измеряет оценку того, что большинство людей думают о ВИЧ-инфекции; подшкала «Негативная самооценка» диагностирует чувства вины и стыда, связанные с ВИЧ-инфекцией. Оригинальная версия BHSS-12 была переведена на русский язык авторами исследования с помощью процедуры прямого перевода, признанной современными специалистами в области психометрического анализа достаточной для адаптации диагностических инструментов (Behr, 2016). Текст русскоязычной версии BHSS-12 представлен в Приложении.

Шкала депрессии, тревоги и стресса (Depression, Anxiety and Stress Scale-21, DASS-21) С. Ловибонда и П. Ловибонда в адаптации А.А. Золотаревой (Золотарева, 2021). Шкала состоит из 21 тестового пункта, позволяющего оценивать уровни депрессии, тревоги и стресса как компонентов общего психологического дистресса. Коэффициенты α Кронбаха составили значения 0,827, 0,835 и 0,823 для шкал депрессии, тревоги и стресса, а также 0,936 для показателя общего психологического дистресса, что свидетельствует о высокой внутренней надежности русскоязычной версии DASS-21 на выборке ВИЧ-инфицированных.

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Исследование было одобрено Комиссией по внутриуниверситетским опросам и этической оценке эмпирических исследовательских проектов НИУ ВШЭ (протокол № 132 от 17 июня 2024 года). Все респонденты дали информированное согласие на участие в исследовании.

¹ ВИЧ без лечения может перейти в стадию синдрома приобретенного иммунного дефицита (СПИД).

АНАЛИЗ ДАННЫХ

Данные были обработаны с помощью методов описательной статистики, коэффициента α Кронбаха, коэффициента корреляции r Пирсона, t -критерия Стьюдента, конфирматорного факторного анализа, множественного регрессионного анализа. При обработке результатов исследования были использованы программы IBM SPSS 27.0 и Jamovi 2.3.28.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Таблица 1

Факторная структура русскоязычной версии BHSS-12

Подшкала BHSS-12	Пункт	Факторная нагрузка	Стандартная ошибка
Персонализированная стигма	Пункт 10	0,902	0,089
	Пункт 11	0,561	0,091
	Пункт 12	0,512	0,088
Раскрытие информации	Пункт 3	0,905	0,084
	Пункт 4	0,802	0,085
	Пункт 8	0,601	0,086
Отношение общественности	Пункт 6	0,759	0,073
	Пункт 7	0,708	0,072
	Пункт 9	0,681	0,080
Негативная самооценка	Пункт 1	0,638	0,081
	Пункт 2	0,802	0,077
	Пункт 5	0,734	0,085

Table 1

Factor structure of the Russian version of the BHSS-12

BHSS-12 subscale	Item	Factor loading	Standard error
Personalised stigma	Item 10	0.902	0.089
	Item 11	0.561	0.091
	Item 12	0.512	0.088
Disclosure concerns	Item 3	0.905	0.084
	Item 4	0.802	0.085
	Item 8	0.601	0.086
Concerns about public attitudes	Item 6	0.759	0.073
	Item 7	0.708	0.072
	Item 9	0.681	0.080
Negative self-image	Item 1	0.638	0.081
	Item 2	0.802	0.077
	Item 5	0.734	0.085

Факторная структура. Модель оригинальной четырехфакторной структуры BHSS-12 имела низкое соответствие данным ($\chi^2(48) = 117$, $p < 0,001$; CFI = 0,900; TLI = 0,862; SRMR = 0,084; RMSEA = 0,110 [0,085–0,135]). После внесения ковариации между пунктами № 11 («Люди, которые мне дороги, перестали звонить после того, как узнали, что у меня ВИЧ») и № 12 («Я потерял друзей, рассказав им, что у меня ВИЧ») модифицированная модель показала приемлемое соответствие данным ($\chi^2(47) = 81,8$, $p < 0,001$; CFI = 0,950; TLI = 0,930; SRMR = 0,054; RMSEA = 0,079 [0,049–0,106]). Факторные нагрузки пунктов русскоязычной версии BHSS-12 представлены в Таблице 1.

Внутренняя согласованность. Пункт-шкала корреляции и коэффициенты α Кронбаха для подшкал, в том числе при исключении отдельных пунктов из русскоязычной версии BHSS-12, представлены в Таблице 2. Все элементы пункт-шкалы корреляции были статистически значимо положительными. При исключении пункта № 10 из подшкалы «Персонализированная стигма» и пункта № 8 из подшкалы «Раскрытие информации» повышались коэффициенты α Кронбаха указанных подшкал, но в силу ранее описанных адекватных факторных нагрузок данных пунктов они были оставлены в русскоязычной версии BHSS-12.

Таблица 2
Пункт-шкала корреляции и коэффициенты α Кронбаха при исключении пунктов из BHSS-12

Подшкала BHSS-12	Коэффициент α Кронбаха	Пункт	Пункт-шкала корреляции	Коэффициент α Кронбаха
Персонализированная стигма	0,816	Пункт 10	0,810	0,842
		Пункт 11	0,882	0,685
		Пункт 12	0,855	0,700
Раскрытие информации	0,794	Пункт 3	0,872	0,658
		Пункт 4	0,859	0,681
		Пункт 8	0,783	0,803
Отношение общественности	0,819	Пункт 6	0,879	0,704
		Пункт 7	0,845	0,736
		Пункт 9	0,836	0,812
Негативная самооценка	0,797	Пункт 1	0,801	0,773
		Пункт 2	0,876	0,630
		Пункт 5	0,829	0,760

Примечание: Данные приведены с учетом принадлежности пунктов к подшкалам BHSS-12. Все элементы пункт-шкалы корреляции значимы на уровне $p < 0,001$

Table 2
The item-test correlation the BHSS-12 and Cronbach’s alpha coefficients when excluding items from the BHSS-12 items

BHHS-12 subscale	Cronbach’s alpha	Item	Item-test correlation	Cronbach’s alpha
Personalised stigma	0.816	Item 10	0.810	0.842
		Item 11	0.882	0.685
		Item 12	0.855	0.700
Disclosure concerns	0.794	Item 3	0.872	0.658
		Item 4	0.859	0.681
		Item 8	0.783	0.803
Concerns about public attitudes	0.819	Item 6	0.879	0.704
		Item 7	0.845	0.736
		Item 9	0.836	0.812
Negative self-image	0.797	Item 1	0.801	0.773
		Item 2	0.876	0.630
		Item 5	0.829	0,760

Note: The data are given taking into account the affiliation of the items to the BHSS-12 subscales. All item-scale correlations are significant at the level of $p < 0.001$

Конвергентная валидность. Все подшкалы BHSS-12 были статистически значимо позитивно взаимосвязанными друг с другом (Таблица 3).

Таблица 3

Корреляционный анализ взаимосвязей между подшкалами BHSS-12

Подшкала BHSS-12	1	2	3
1. Персонализированная стигма			
2. Раскрытие информации	0,420***		
3. Отношение общественности	0,470***	0,634***	
4. Негативная самооценка	0,516***	0,427***	0,524***

Примечание: *** — $p < 0,001$

Table 3

Correlation analysis of the relationships between the BHSS-12 subscales

BHSS-12 subscale	1	2	3
1. Personalised stigma			
2. Disclosure concerns	0.420***		
3. Concerns about public attitudes	0.470***	0.634***	
4. Negative self-image	0.516***	0.427***	0.524***

Note: *** — $p < 0.001$

Показатели стигмы по BHSS-12 были статистически значимо позитивно взаимосвязанными с показателями психологического дистресса по DASS-21. Данные корреляционного анализа представлены в Таблице 4.

Таблица 4

Корреляционный анализ взаимосвязей между показателями по BHSS-12 и DASS-21

Подшкала BHSS-12	Депрессия	Тревога	Стресс	Общий показатель дистресса
Персонализированная стигма	0,419***	0,370***	0,370***	0,411***
Раскрытие информации	0,214*	0,115	0,261**	0,210*
Отношение общественности	0,252**	0,149	0,310***	0,253**
Негативная самооценка	0,483***	0,339***	0,419***	0,441***

Примечание: * — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$, *** — $p < 0,001$

Table 4

Correlation analysis of the relationships between the BHSS-12 and DASS-21 scores

BHSS-12 subscale	Depression	Anxiety	Stress	General distress
Personalised stigma	0.419***	0.370***	0.370***	0.411***
Disclosure concerns	0.214*	0.115	0.261**	0.210*
Concerns about public attitudes	0.252**	0.149	0.310***	0.253**
Negative self-image	0.483***	0.339***	0.419***	0.441***

Note: * — $p < 0.05$, ** — $p < 0.01$, *** — $p < 0.001$

Следующим этапом оценки конвергентной валидности русскоязычной версии BHSS-12 стал множественный регрессионный анализ, оценивающий двунаправленность взаимосвязей между стигмой и психологическим дистрессом. В первой модели стигма выступала зависимой переменной, а показатели психологического дистресса — независимыми переменными ($R^2 = 0,223$; $F(3,116) = 11,072$, $p < 0,001$). Статистически значимым предиктором был стресс ($\beta = 0,42$, $p = 0,027$), депрессия ($\beta = 0,31$,

$p = 0,054$) и тревога ($\beta = -0,30$, $p = 0,070$) не предсказывали повышение стигматизации. Во второй модели, наоборот, общий психологический дистресс был зависимой переменной, а показатели стигматизации — независимыми переменными ($R^2 = 0,241$; $F(4,115) = 9,149$, $p < 0,001$). Персонализированная стигма ($\beta = 0,26$, $p = 0,009$) и негативная самооценка ($\beta = 0,33$, $p = 0,002$) статистически значимо позитивно предсказывали общий психологический дистресс, тогда как раскрытие информации ($\beta = -0,02$, $p = 0,827$) и отношение общественности ($\beta = -0,03$, $p = 0,797$) не имели предсказательной силы.

Социально-демографические различия в показателях BHSS-12. С возрастом респондентов повышались показатели по подшкале «Отношение общественности» ($r = 0,188$, $p = 0,039$), но не по подшкалам «Персонализированная стигма» ($r = -0,042$, $p = 0,646$), «Раскрытие информации» ($r = 0,089$, $p = 0,336$) и «Негативная самооценка» ($r = -0,007$, $p = 0,942$). С длительностью заболевания не было обнаружено статистически значимых взаимосвязей с показателями по подшкалам «Персонализированная стигма» ($r = -0,086$, $p = 0,349$), «Раскрытие информации» ($r = 0,001$, $p = 0,993$), «Отношение общественности» ($r = 0,068$, $p = 0,463$) и «Негативная самооценка» ($r = -0,114$, $p = 0,216$). Показатели по подшкалам «Отношение общественности» и «Негативная самооценка» были статистически значимо более высокими у ВИЧ-инфицированных, не состоящих в партнерских/супружеских отношениях. Наконец, показатели по всем подшкалам BHSS-12 не зависели от пола, образования, наличия детей и СПИД у ВИЧ-инфицированных. Данные социально-демографических различий в показателях BHSS-12 представлены в Таблице 5.

Таблица 5

Социально-демографические различия в показателях BHSS-12

Подшкала BHSS-12			
Пол	Мужчины (n = 55), M (SD)	Женщины (n = 65), M (SD)	Значимость различий
Персонализированная стигма	6,62 (2,34)	6,43 (2,57)	$t = 0,414$, $p = 0,679$
Раскрытие информации	8,02 (2,61)	8,35 (2,56)	$t = 0,710$; $p = 0,479$
Отношение общественности	7,82 (2,24)	7,97 (2,49)	$t = 0,346$; $p = 0,730$
Негативная самооценка	6,38 (2,18)	6,00 (2,57)	$t = 0,869$; $p = 0,387$
Образование	Высшее (n = 73), M (SD)	Среднее / среднее профессиональное (n = 47), M (SD)	Значимость различий
Персонализированная стигма	6,82 (2,54)	6,04 (2,27)	$t = 1,708$, $p = 0,090$
Раскрытие информации	8,42 (2,47)	7,85 (2,73)	$t = 1,193$; $p = 0,235$
Отношение общественности	7,86 (2,40)	7,96 (2,35)	$t = 0,212$; $p = 0,832$
Негативная самооценка	6,40 (2,55)	5,83 (2,11)	$t = 1,270$; $p = 0,207$
Наличие партнера/супруга	Есть партнер/супруг (n = 86), M (SD)	Нет партнера/супруги (n = 34), M (SD)	Значимость различий
Персонализированная стигма	6,29 (2,41)	7,09 (2,52)	$t = 1,611$, $p = 0,110$
Раскрытие информации	8,08 (2,48)	8,50 (2,82)	$t = 0,801$; $p = 0,425$
Отношение общественности	7,59 (2,30)	8,68 (2,40)	$t = 2,296$; $p = 0,023$
Негативная самооценка	5,76 (2,17)	7,24 (2,64)	$t = 3,161$; $p = 0,002$
Наличие детей	Есть дети (n = 94), M (SD)	Нет детей (n = 25), M (SD)	Значимость различий
Персонализированная стигма	6,54 (2,44)	6,42 (2,56)	$t = 0,218$, $p = 0,828$
Раскрытие информации	8,28 (2,59)	8,08 (2,58)	$t = 0,274$; $p = 0,784$
Отношение общественности	8,10 (2,40)	7,19 (2,15)	$t = 1,734$; $p = 0,085$
Негативная самооценка	6,24 (2,43)	5,92 (2,30)	$t = 0,604$; $p = 0,547$

ВИЧ/СПИД	ВИЧ (n = 95), M (SD)	СПИД (n = 25), M (SD)	Значимость различий
Персонализированная стигма	6,49 (2,53)	6,60 (2,24)	t = 0,190, p = 0,850
Раскрытие информации	8,33 (2,50)	7,72 (2,84)	t = 1,048; p = 0,297
Отношение общественности	7,88 (2,32)	7,96 (2,61)	t = 0,142; p = 0,888
Негативная самооценка	6,18 (2,25)	6,16 (2,95)	t = 0,035; p = 0,972

Table 5

Socio-demographic differences in the BHSS-12 scores

BHSS-12 Subscale			
Sex	Men (n = 55), M (SD)	Women (n = 65), M (SD)	Significance of the differences
Personalised stigma	6.62 (2.34)	6.43 (2.57)	t = 0.414, p = 0.679
Disclosure concerns	8.02 (2.61)	8.35 (2.56)	t = 0.710; p = 0.479
Concerns about public attitudes	7.82 (2.24)	7.97 (2.49)	t = 0.346; p = 0.730
Negative self-image	6.38 (2.18)	6.00 (2.57)	t = 0.869; p = 0.387
Education	Higher (n = 73), M (SD)	Secondary/vocational (n = 47), M (SD)	Significance of the differences
Personalised stigma	6.82 (2.54)	6.04 (2.27)	t = 1.708, p = 0.090
Disclosure concerns	8.42 (2.47)	7.85 (2.73)	t = 1.193; p = 0.235
Concerns about public attitudes	7.86 (2.40)	7.96 (2.35)	t = 0.212; p = 0.832
Negative self-image	6.40 (2.55)	5.83 (2.11)	t = 1.270; p = 0.207
Presense of a partner/spouse	Have a partner/spouse (n = 86), M (SD)	No partner/spouse (n = 34), M (SD)	Significance of the differences
Personalised stigma	6.29 (2.41)	7.09 (2.52)	t = 1.611, p = 0.110
Disclosure concerns	8.08 (2.48)	8.50 (2.82)	t = 0.801; p = 0.425
Concerns about public attitudes	7.59 (2.30)	8.68 (2.40)	t = 2.296; p = 0.023
Negative self-image	5.76 (2.17)	7.24 (2.64)	t = 3.161; p = 0.002
Presence of children	Have children (n = 94), M (SD)	No children (n = 25), M (SD)	Significance of the differences
Personalised stigma	6.54 (2.44)	6.42 (2.56)	t = 0.218, p = 0.828
Disclosure concerns	8.28 (2.59)	8.08 (2.58)	t = 0.274; p = 0.784
Concerns about public attitudes	8.10 (2.40)	7.19 (2.15)	t = 1.734; p = 0.085
Negative self-image	6.24 (2.43)	5.92 (2.30)	t = 0.604; p = 0.547
HIV/AIDS	HIV (n = 95), M (SD)	AIDS (n = 25), M (SD)	Significance of the differences
Personalised stigma	6.49 (2.53)	6.60 (2.24)	t = 0.190, p = 0.850
Disclosure concerns	8.33 (2.50)	7.72 (2.84)	t = 1.048; p = 0.297

Concerns about public attitudes	7.88 (2.32)	7.96 (2.61)	t = 0.142; p = 0.888
Negative self-image	6.18 (2.25)	6.16 (2.95)	t = 0.035; p = 0.972

Стандартизация. В Таблице 6 представлена описательная статистическая информация результатов применения русскоязычной версии BHSS-12. Приведенные данные могут использоваться как ориентировочные нормы для русскоязычных участников исследований. В частности, значения подшкал ниже границы квартилей можно интерпретировать как низкие, внутри границ квартилей — как средние, выше границы квартилей — как высокие.

Таблица 6
Описательная статистика для подшкал BHSS-12

Подшкала BHSS-12	M	SD	Min	Max	Квартили		
					25%	50%	75%
Персонализированная стигма	6,52	2,46	0	12	4,75	6,00	8,00
Раскрытие информации	8,20	2,58	0	12	6,00	8,00	10,00
Отношение общественности	7,90	2,37	0	12	6,00	8,00	9,00
Негативная самооценка	6,17	2,40	0	12	4,00	6,00	8,00

Примечание: M = среднее арифметическое; SD = стандартное отклонение; Min = минимальное значение; Max = максимальное значение

Table 6
Descriptive statistics for the BHSS-12 subscales

Subscale of BHSS-12	M	SD	Min	Max	Quartiles		
					25%	50%	75%
Personalised stigma	6.52	2.46	0	12	4.75	6.00	8.00
Disclosure concerns	8.20	2.58	0	12	6.00	8.00	10.00
Concerns about public attitudes	7.90	2.37	0	12	6.00	8.00	9.00
Negative self-image	6.17	2.40	0	12	4.00	6.00	8.00

Note: M = mean; SD = standard deviation; Min = minimum; Max = maximum

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Целью данного исследования была адаптация русскоязычной версии краткой шкалы стигмы ВИЧ-инфекции Б. Бергер (Berger HIV Stigma Scale-12, BHSS-12) на выборке ВИЧ-инфицированных респондентов. Результаты исследования позволяют сделать вывод о психометрической состоятельности русскоязычной версии BHSS-12. Во-первых, выявленная четырехфакторная структура шкалы соответствует факторной структуре оригинальной версии BHSS-12, что подтверждает факторную валидность адаптированной шкалы (Reinius et al., 2017). Во-вторых, русскоязычная версия BHSS-12 имеет хорошие показатели внутренней согласованности, что определяет ее надежность. В-третьих, показатели стигмы ВИЧ-инфекции были статистически значимо позитивно взаимосвязанными с показателями депрессии, тревоги и стресса, измеренными с помощью шкалы депрессии, тревоги и стресса (Depression, Anxiety and Stress Scale-21, DASS-21), что совпадает с результатами более ранних эмпирических исследований и свидетельствует в пользу конвергентной валидности адаптированной шкалы (Armoon et al., 2022; Meyers-Pantele et al., 2022; Zhang et al., 2023).

Анализ социально-демографических различий в показателях по BHSS-12 указал на две статистически значимые закономерности.

Во-первых, показатели по подшкале «Отношение общественности» повышались с возрастом респондентов, т.е. люди более старшего возраста были сильнее убеждены в том, что окружающие считают ВИЧ-инфицированных «изгоями» и «грязными».

Механизмы связи между возрастом и страхом общественного осуждения могут быть обусловлены феноменом эйджизма: люди более старшего возраста могут испытывать стыд не только из-за своего заболевания, но и из-за того, что они «слишком стары, чтобы страдать этим заболеванием» (Emlet, 2006, p. 781).

Во-вторых, ВИЧ-инфицированные, состоящие в партнерских/супружеских отношениях, имели более низкие показатели по подшкалам «Отношение общественности» и «Негативная самооценка», чем участники исследования, сообщившие об отсутствии партнерских/супружеских отношений. Это означает то, что присутствие близкого человека снижает не только страх общественного осуждения, но и чувства вины и стыда, связанные с заболеванием. Согласно динамическим наблюдениям, отсутствие стабильных партнерских/супружеских отношений тесно связано с более частыми госпитализациями и более высокой смертностью ВИЧ-инфицированных (Dray-Spira et al., 2005).

Настоящее исследование имеет ограничения. Большинство респондентов были пациентами СПИД-центров, а значит, они могут обладать отличиями в стигме ВИЧ-инфекции от людей, которые не являются пациентами СПИД-центров. Современные специалисты отмечают это ограничение как ключевое в исследованиях ВИЧ-инфицированных, так как рекрутирование респондентов обычно происходит через специализированные медицинские центры (Huang et al., 2020; Brener et al., 2020). Следующее ограничение связано с вопросом генерализации данных. Выборка ВИЧ-инфицированных является специфической, часто труднодоступной для исследователей, поэтому опрос большого числа ВИЧ-инфицированных представляется возможным только при поддержке государственных медицинских программ. Например, австралийские исследователи включают изучение стигмы ВИЧ-инфекции в государственные программы Министерства здравоохранения Австралии, реализуемые с помощью Австралийской федерации организаций по борьбе со СПИДом и Национальной ассоциации людей, живущих с ВИЧ-инфекцией в Австралии (Brener et al., 2020).

ВЫВОДЫ

Русскоязычная версия шкалы стигмы ВИЧ-инфекции Б. Бергер (Berger HIV Stigma Scale-12, BHSS-12) оказалась психометрически состоятельной, что позволяет рекомендовать ее в качестве инструмента для научных исследований воспринимаемой стигмы ВИЧ-инфекции. Дальнейшие перспективы изучения психометрических свойств шкалы заключаются в привлечении больших объемов выборок респондентов, в том числе ВИЧ-инфицированных, которые не получают медицинское лечение в СПИД-центрах.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

Адаптированная шкала может найти практическое применение в практике психологического тестирования и консультирования. С помощью русскоязычной версии шкалы стигмы ВИЧ-инфекции Б. Бергер (Berger HIV Stigma Scale-12, BHSS-12) может быть диагностирован высокий уровень воспринимаемой стигмы ВИЧ-инфекции, что, в свою очередь, может помочь российским специалистам своевременно выявлять группу риска среди ВИЧ-инфицированных и предотвращать развитие у них негативных психологических последствий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляева, В.В., Адигамов, М.М., Соколова, Е.В., Орлова, М.О. (2015). Восприятие риска инфицирования ВИЧ и стигматизирующая установка: результаты опросов жителей Центрального административного округа Москвы. *Терапевтический архив*, 87(11), 33–36. <https://doi.org/10.17116/terarkh2015871133-36>
- Голенков, А.В., Щербаков, А.А. (2011). Сферы дискриминации ВИЧ-инфицированных (по результатам опроса медицинских работников). *Вестник Чувашского университета*, (3), 327–334.
- Золотарева, А.А. (2021). Психометрическая оценка русскоязычной версии шкалы депрессии, тревоги и стресса (DASS-21). *Психологический журнал*, 42(5), 80–88. <https://doi.org/10.31857/S020595920017077-0>
- Ahmed-Chowdhury, S., Ahmad, S., Sarker, M.M.R., Ismail, N.E. (2024). Assessment of depression and internalized-stigma among adult asthma patients in Bangladesh: a cross-sectional study. *Discover Social Science and Health*, 4(1), 1–20. <https://doi.org/10.1007/s44155-024-00065-5>
- Antinori, A., Vergori, A., Ripamonti, D., Valenti, D., Esposito, V., Carleo, M.A., Portaro, M. (2023). Investigating coping and stigma in people living with HIV through narrative medicine in the Italian multicentre non-interventional study DIAMANTE. *Scientific Reports*, 13(1), 17624. <https://doi.org/10.1038/s41598-023-44768-2>
- Armoon, B., Fleury, M.J., Bayat, A.H., Fakhri, Y., Higgs, P., Moghaddam, L.F., Gonabadi-Nezhad, L. (2022). HIV related stigma associated with social support, alcohol use disorders, depression, anxiety, and suicidal ideation among people living with HIV: a systematic review and meta-analysis. *International journal of mental health systems*, 16(1), 17. <https://doi.org/10.1186/s13033-022-00527-w>
- Behr, D. (2016). Assessing the use of back translation: The shortcomings of back translation as a quality testing method. *International Journal of Social Research Methodology*, 20(6), 573–584. <https://doi.org/10.1080/13645579.2016.1252188>
- Bennett, B.L., Puhl, R.M. (2023). Diabetes stigma and weight stigma among physicians treating type 2 diabetes: Overlapping patterns of bias. *Diabetes research and clinical practice*, (202), 110827. <https://doi.org/10.1016/j.diabres.2023.110827>
- Berger, B.E., Ferrans, C.E., Lashley, F.R. (2001). Measuring stigma in people with HIV: psychometric assessment of the HIV stigma scale. *Research in nursing & health*, 24(6), 518–529. <https://doi.org/10.1002/nur.10011>

- Bovell-Ammon, B.J., Kimmel, S.D., Cheng, D.M., Truong, V., Michals, A., Vetrova, M., Hook, K., Idrisov, B., Blokhina, E., Krupitsky, E., Samet, J.H., Lunze, K. (2023). Incarceration history, antiretroviral therapy, and stigma: A cross-sectional study of people with HIV who inject drugs in St. Petersburg, Russia. *International Journal of Drug Policy*, (111), 103907. <https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2022.103907>
- Brandelli Costa, A., Martins da Silva, M., Wiehe Chaves, L., Gelain, M., Graeff Bins-Ely, I., Alckmin-Carvalho, F., Wendt, G.W. (2024). General and healthcare-related HIV stigma among cisgender Brazilian women: the role of socioeconomic vulnerability. *HIV Research & Clinical Practice*, 25(1), 2361179. <https://doi.org/10.1080/25787489.2024.2361179>
- Brener, L., Broady, T., Cama, E., Hopwood, M., de Wit, J.B.F., Treloar, C. (2020). The role of social support in moderating the relationship between HIV centrality, internalised stigma and psychological distress for people living with HIV. *AIDS care*, 32(7), 850–857. <https://doi.org/10.1080/09540121.2019.1659914>
- Brighton, L.J., Chilcot, J., & Maddocks, M. (2022). Social dimensions of chronic respiratory disease: stigma, isolation, and loneliness. *Current opinion in supportive and palliative care*, 16(4), 195–202. <https://doi.org/10.1097/SPC.0000000000000616>
- Dray-Spira, R., Gueguen, A., Persoz, A., Deveau, C., Lert, F., Delfraissy, J.F., Meyer, L., PRIMO Cohort Study Group (2005). Temporary employment, absence of stable partnership, and risk of hospitalization or death during the course of HIV infection. *Journal of acquired immune deficiency syndromes*, 40(2), 190–197. <https://doi.org/10.1097/01.qai.0000165908.12333.4e>
- Emlet, C.A. (2006). “You’re awfully old to have this disease”: Experiences of stigma and ageism in adults 50 years and older living with HIV/AIDS. *The Gerontologist*, 46(6), 781–790. <https://doi.org/10.1093/geront/46.6.781>
- Fuster-Ruiz de Apodaca, M.J., Molero, F., Holgado, F.P., Ubillos, S. (2015). Adaptation of the HIV Stigma Scale in Spaniards with HIV. *The Spanish Journal of Psychology*, (18), E66. <https://doi.org/10.1017/S1138741615000694>
- Goffman, E. (1963). Stigma: Notes on the management of spoiled identity. New York: Simon & Schuster.
- Huang, F., Chen, W.T., Shiu, C.S., Lin, S.H., Tun, M.S., Nwe, T.W., Oo, Y.T.N., Oo, H.N. (2021). Adaptation and validation of a culturally adapted HIV stigma scale in Myanmar. *BMC public health*, (21), 1–10. <https://doi.org/10.1186/s12889-021-11685-w>
- Huang, Y., Luo, D., Chen, X., Zhang, D., Huang, Z., & Xiao, S. (2020). HIV-Related Stress Experienced by Newly Diagnosed People Living with HIV in China: A 1-Year Longitudinal Study. *International journal of environmental research and public health*, 17(8), 2681. <https://doi.org/10.3390/ijerph17082681>
- Iovino, P., Vellone, E., Cedrone, N., & Riegel, B. (2023). A middle-range theory of social isolation in chronic illness. *International journal of environmental research and public health*, 20(6), 4940. <https://doi.org/10.3390/ijerph20064940>
- Jeyaseelan, L., Kumar, S., Mohanraj, R., Rebekah, G., Rao, D., Manhart, L.E. (2013). Assessing HIV/AIDS stigma in south India: validation and abridgement of the Berger HIV Stigma scale. *AIDS and Behavior*, (17), 434–443. <https://doi.org/10.1007/s10461-011-0128-3>
- Kimmel, S.D., Samet, J.H., Cheng, D.M., Vetrova, M., Idrisov, B., Rossi, S.L., Rateau, L., Astone, K., Michals, A., Sisson, E., Blokhina, E., Milet-Carty, N., Bovell-Ammon, B.J., Gnatienco, N., Truong, V., Krupitsky, E., Lunze, K. (2023). Stigma and other correlates of sharing injection equipment among people with HIV in St. Petersburg, Russia. *Global Public Health*, 19(1). <https://doi.org/10.1080/17441692.2023.2296009>
- Lim, H., Son, H., Han, G., Kim, T. (2024). Stigma and quality of life in lung cancer patients: The mediating effect of distress and the moderated mediating effect of social support. *Asia-Pacific Journal of Oncology Nursing*, 11(6), 100483. <https://doi.org/10.1016/j.apjon.2024.100483>
- Lindberg, M.H., Wettergren, L., Wiklander, M., Svedhem-Johansson, V., Eriksson, L.E. (2014). Psychometric evaluation of the HIV stigma scale in a Swedish context. *PLoS One*, 9(12), e114867. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0114867>
- Lodi, S., Rossi, S.L., Bendiks, S., Gnatienco, N., Lloyd-Travaglini, C., Vetrova, M., Tousseva, O., Bushara, N., Blokhina, E., Krupitsky, E., Ekstrand, M.L., Lioznov, D., Samet, J.H., Lunze, K. (2023). Correlates of Intersectional HIV and Substance Use Stigma Affecting People with HIV and Substance Use in St. Petersburg, Russia. *AIDS and behavior*, 27(2), 462–472. <https://doi.org/10.1007/s10461-022-03781-8>
- Makurumidze, G., Ross, J.L., Shah, R., Dacarett-Galeano, D., Artz, J., Cohen, M.A.A. (2022). HIV stigma. In: J.A. Bourgeois, M.A.A. Cohen, G. Makurumidze, (eds.). *HIV psychiatry: A practical guide for clinicians*, (pp. 45–66). Basel: Springer Nature Switzerland AG Publ.
- Mao, L., Wang, K., Zhang, Q., Wang, J., Zhao, Y., Peng, W., Ding, J. (2022). Felt Stigma and Its Underlying Contributors in Epilepsy Patients. *Frontiers in public health*, (10), 879895. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2022.879895>
- Meyers-Pantele, S.A., Lammert, S., Rendina, H.J., Shalhav, O., Talan, A.J., Smith, L.R., Pitpitan, E.V., Horvath, K.J. (2022). Examining HIV Stigma, Depression, Stress, and Recent Stimulant Use in a Sample of Sexual Minority Men Living with HIV: An Application of the Stigma and Substance Use Process Model. *AIDS and behavior*, 26(1), 138–148. <https://doi.org/10.1007/s10461-021-03517-0>
- Millen, N., Walker, C. (2001). Overcoming the stigma of chronic illness: strategies for normalisation of a ‘spoiled identity’. *Health Sociology Review*, 10(2), 89–97. <https://doi.org/10.5172/hesr.2001.10.2.89>
- Panza, G.A., Puhl, R.M., Taylor, B.A., Zaleski, A.L., Livingston, J., Pescatello, L.S. (2019). Links between discrimination and cardiovascular health among socially stigmatized groups: A systematic review. *PLoS One*, 14(6), e0217623. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0217623>
- Reinius, M., Wettergren, L., Wiklander, M., Svedhem, V., Ekström, A.M., Eriksson, L.E. (2017). Development of a 12-item short version of the HIV stigma scale. *Health and Quality of Life Outcomes*, (15), 1–9. <https://doi.org/10.1186/s12955-017-0691-z>
- Taft, T.H., Bedell, A., Naftaly, J., Keefer, L. (2017). Stigmatization toward irritable bowel syndrome and inflammatory bowel disease in an online cohort. *Neurogastroenterology & Motility*, 29(2), e12921. <https://doi.org/10.1111/nmo.12921>
- Vetrova, M., Lodi, S., Rateau, L., Patts, G., Blokhina, E., Palatkin, V., Yaroslavtseva, T., Tousseva, O., Bushara, N., Bendiks, S., Gnatienco, N., Krupitsky, E., Lioznov, D., Samet, J.H., Lunze, K. (2022). Stigma and ART initiation among people with HIV and a lifetime history of illicit drug use in Saint-Petersburg, Russia — A prospective cohort analysis. *International Journal of Drug Policy*, (102), 103600. <https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2022.103600>
- Wakefield, E.O., Belamkar, V., Sandoval, A., Puhl, R.M., Edelheit, B., Zempsky, W.T., Rodrigues, H.A., Litt, M.D. (2023). Does Diagnostic Certainty Matter?: Pain-Related Stigma in Adolescents with Juvenile Idiopathic Arthritis. *Journal of pediatric psychology*, 48(4), 341–351. <https://doi.org/10.1093/jpepsy/jsac092>
- Wanjala, S.W., Sewanyana, D., Mwangala, P.N., Nasambu, C., Chongwo, E., Luchters, S., Newton, C.R.J.C., Abubakar, A. (2021). Validity, reliability, and measurement invariance of an adapted short version of the HIV stigma scale among perinatally HIV infected adolescents at the Kenyan coast. *Global Health Research and Policy*, (6), 1–10. <https://doi.org/10.1186/s41256-021-00229-9>
- Yildiz, M.I., Başar, K., Çaman, Ö.K., & Inkaya, A.Ç. (2021). The Reliability and Validity of The Turkish Form of Berger HIV Stigma Scale. *Noro psikiyatri arsivi*, 58(4), 292–299. <https://doi.org/10.29399/npa.27299>
- Yu, C.H., Huang, C.Y., Lee, Y.T., Cheng, S.F. (2019). Development of an 18-item abbreviated Chinese version of Berger’s HIV Stigma Scale. *International journal of nursing practice*, 25(2), e12708. <https://doi.org/10.1111/ijn.12708>

Zhang, Y., Chai, C., Xiong, J., Zhang, L., Zheng, J., Ning, Z., Wang, Y. (2023). The impact of anxiety, depression, and social support on the relationship between HIV-related stigma and mental health-related quality of life among Chinese patients: A cross-sectional, moderate-mediation study. *BMC psychiatry*, 23(1), 818. <https://doi.org/10.1186/s12888-023-05103-1>

REFERENCES

- Ahmed-Chowdhury, S., Ahmad, S., Sarker, M.M.R., Ismail, N.E. (2024). Assessment of depression and internalized-stigma among adult asthma patients in Bangladesh: a cross-sectional study. *Discover Social Science and Health*, 4(1), 1–20. <https://doi.org/10.1007/s44155-024-00065-5>
- Antinori, A., Vergori, A., Ripamonti, D., Valenti, D., Esposito, V., Carleo, M.A., Portaro, M. (2023). Investigating coping and stigma in people living with HIV through narrative medicine in the Italian multicentre non-interventional study DIAMANTE. *Scientific Reports*, 13(1), 17624. <https://doi.org/10.1038/s41598-023-44768-2>
- Armoon, B., Fleury, M.J., Bayat, A.H., Fakhri, Y., Higgs, P., Moghaddam, L.F., Gonabadi-Nezhad, L. (2022). HIV related stigma associated with social support, alcohol use disorders, depression, anxiety, and suicidal ideation among people living with HIV: a systematic review and meta-analysis. *International Journal of Mental Health Systems*, 16(1), 17. <https://doi.org/10.1186/s13033-022-00527-w>
- Behr, D. (2016). Assessing the use of back translation: The shortcomings of back translation as a quality testing method. *International Journal of Social Research Methodology*, 20(6), 573–584. <https://doi.org/10.1080/13645579.2016.1252188>
- Belyaeva, V.V., Adigamov, M.M., Sokolova, E.V., Orlova, M.O. (2015). HIV infection risk perception and stigmatizing attitude: Results of surveys of dwellers from the Central Administrative District of Moscow. *Terapevticheskii arkhiv = Therapeutic Archive*, 87(11), 33–36. (In Russ.). <https://doi.org/10.17116/terarkh2015871133-36>
- Bennett, B.L., Puhl, R.M. (2023). Diabetes stigma and weight stigma among physicians treating type 2 diabetes: Overlapping patterns of bias. *Diabetes Research and Clinical Practice*, (202), 110827. <https://doi.org/10.1016/j.diabres.2023.110827>
- Berger, B.E., Ferrans, C.E., Lashley, F.R. (2001). Measuring stigma in people with HIV: psychometric assessment of the HIV stigma scale. *Research in Nursing & Health*, 24(6), 518–529. <https://doi.org/10.1002/nur.10011>
- Bovell-Ammon, B.J., Kimmel, S.D., Cheng, D.M., Truong, V., Michals, A., Vetrova, M., Hook, K., Idrisov, B., Blokhina, E., Krupitsky, E., Samet, J.H., Lunze, K. (2023). Incarceration history, antiretroviral therapy, and stigma: A cross-sectional study of people with HIV who inject drugs in St. Petersburg, Russia. *International Journal of Drug Policy*, (111), 103907. <https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2022.103907>
- Brandelli Costa, A., Martins da Silva, M., Wiehe Chaves, L., Gelain, M., Graeff Bins-Ely, I., Alckmin-Carvalho, F., Wendt, G.W. (2024). General and healthcare-related HIV stigma among cisgender Brazilian women: the role of socioeconomic vulnerability. *HIV Research & Clinical Practice*, 25(1), 2361179. <https://doi.org/10.1080/25787489.2024.2361179>
- Brener, L., Broady, T., Cama, E., Hopwood, M., de Wit, J.B.F., Treloar, C. (2020). The role of social support in moderating the relationship between HIV centrality, internalised stigma and psychological distress for people living with HIV. *AIDS Care*, 32(7), 850–857. <https://doi.org/10.1080/09540121.2019.1659914>
- Brighton, L.J., Chilcot, J., & Maddocks, M. (2022). Social dimensions of chronic respiratory disease: stigma, isolation, and loneliness. *Current Opinion in Supportive and Palliative Care*, 16(4), 195–202. <https://doi.org/10.1097/SPC.0000000000000616>
- Dray-Spira, R., Gueguen, A., Persoz, A., Deveau, C., Lert, F., Delfraissy, J.F., Meyer, L., PRIMO Cohort Study Group (2005). Temporary employment, absence of stable partnership, and risk of hospitalization or death during the course of HIV infection. *Journal of Acquired Immune Deficiency Syndromes*, 40(2), 190–197. <https://doi.org/10.1097/01.qai.0000165908.12333.4e>
- Emlet, C.A. (2006). “You’re awfully old to have this disease”: Experiences of stigma and ageism in adults 50 years and older living with HIV/AIDS. *The Gerontologist*, 46(6), 781–790. <https://doi.org/10.1093/geront/46.6.781>
- Fuster-Ruiz de Apodaca, M.J., Molero, F., Holgado, F.P., Ubillos, S. (2015). Adaptation of the HIV Stigma Scale in Spaniards with HIV. *The Spanish Journal of Psychology*, (18), E66. <https://doi.org/10.1017/S1138741615000694>
- Goffman, E. (1963). *Stigma: Notes on the management of spoiled identity*. New York: Simon & Schuster.
- Golenkov, A.V., Shcherbakov, A.A. (2011). Spheres of HIV-infected patients discrimination (based on results of medical workers survey). *Vestnik chuvashskogo universiteta = Bulletin of Chuvash University*, (3), 327–334. (In Russ.)
- Huang, F., Chen, W.T., Shiu, C.S., Lin, S.H., Tun, M.S., Nwe, T.W., Oo, Y.T.N., Oo, H.N. (2021). Adaptation and validation of a culturally adapted HIV stigma scale in Myanmar. *BMC Public Health*, (21), 1–10. <https://doi.org/10.1186/s12889-021-11685-w>
- Huang, Y., Luo, D., Chen, X., Zhang, D., Huang, Z., & Xiao, S. (2020). HIV-Related Stress Experienced by Newly Diagnosed People Living with HIV in China: A 1-Year Longitudinal Study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(8), 2681. <https://doi.org/10.3390/ijerph17082681>
- Iovino, P., Vellone, E., Cedrone, N., & Riegel, B. (2023). A middle-range theory of social isolation in chronic illness. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 20(6), 4940. <https://doi.org/10.3390/ijerph20064940>
- Jeyaseelan, L., Kumar, S., Mohanraj, R., Rebekah, G., Rao, D., Manhart, L.E. (2013). Assessing HIV/AIDS stigma in south India: validation and abridgement of the Berger HIV Stigma scale. *AIDS and Behavior*, (17), 434–443. <https://doi.org/10.1007/s10461-011-0128-3>
- Kimmel, S.D., Samet, J.H., Cheng, D.M., Vetrova, M., Idrisov, B., Rossi, S.L., Rateau, L., Astone, K., Michals, A., Sisson, E., Blokhina, E., Milet-Carty, N., Bovell-Ammon, B.J., Gnatenko, N., Truong, V., Krupitsky, E., Lunze, K. (2023). Stigma and other correlates of sharing injection equipment among people with HIV in St. Petersburg, Russia. *Global Public Health*, 19(1). <https://doi.org/10.1080/17441692.2023.2296009>
- Lim, H., Son, H., Han, G., Kim, T. (2024). Stigma and quality of life in lung cancer patients: The mediating effect of distress and the moderated mediating effect of social support. *Asia-Pacific Journal of Oncology Nursing*, 11(6), 100483. <https://doi.org/10.1016/j.apjon.2024.100483>
- Lindberg, M.H., Wettergren, L., Wiklander, M., Svedhem-Johansson, V., Eriksson, L.E. (2014). Psychometric evaluation of the HIV stigma scale in a Swedish context. *PLoS One*, 9(12), e114867. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0114867>
- Lodi, S., Rossi, S.L., Bendiks, S., Gnatenko, N., Lloyd-Travaglini, C., Vetrova, M., Toussova, O., Bushara, N., Blokhina, E., Krupitsky, E., Ekstrand, M.L., Lioznov, D., Samet, J.H., Lunze, K. (2023). Correlates of Intersectional HIV and Substance Use Stigma Affecting People with HIV and Substance Use in St. Petersburg, Russia. *AIDS and Behavior*, 27(2), 462–472. <https://doi.org/10.1007/s10461-022-03781-8>
- Makurumidze, G., Ross, J.L., Shah, R., Dacarett-Galeano, D., Artz, J., Cohen, M.A.A. (2022). HIV stigma. In: J.A. Bourgeois, M.A.A. Cohen, G. Makurumidze, (eds.). *HIV psychiatry: A practical guide for clinicians*, (pp. 45–66). Basel: Springer Nature Switzerland AG Publ.
- Mao, L., Wang, K., Zhang, Q., Wang, J., Zhao, Y., Peng, W., Ding, J. (2022). Felt Stigma and Its Underlying Contributors in Epilepsy Patients. *Frontiers in Public Health*, (10), 879895. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2022.879895>

- Meyers-Pantele, S.A., Lammert, S., Rendina, H.J., Shalhav, O., Talan, A.J., Smith, L.R., Pitpitan, E.V., Horvath, K.J. (2022). Examining HIV Stigma, Depression, Stress, and Recent Stimulant Use in a Sample of Sexual Minority Men Living with HIV: An Application of the Stigma and Substance Use Process Model. *AIDS and Behavior*, 26(1), 138–148. <https://doi.org/10.1007/s10461-021-03517-0>
- Millen, N., Walker, C. (2001). Overcoming the stigma of chronic illness: strategies for normalisation of a 'spoiled identity'. *Health Sociology Review*, 10(2), 89–97. <https://doi.org/10.5172/hesr.2001.10.2.89>
- Panza, G.A., Puhl, R.M., Taylor, B.A., Zaleski, A.L., Livingston, J., Pescatello, L.S. (2019). Links between discrimination and cardiovascular health among socially stigmatized groups: A systematic review. *PloS One*, 14(6), e0217623. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0217623>
- Reinius, M., Wettergren, L., Wiklander, M., Svedhem, V., Ekström, A.M., Eriksson, L.E. (2017). Development of a 12-item short version of the HIV stigma scale. *Health and Quality of Life Outcomes*, (15), 1–9. <https://doi.org/10.1186/s12955-017-0691-z>
- Taft, T.H., Bedell, A., Naftaly, J., Keefer, L. (2017). Stigmatization toward irritable bowel syndrome and inflammatory bowel disease in an online cohort. *Neurogastroenterology & Motility*, 29(2), e12921. <https://doi.org/10.1111/nmo.12921>
- Vetrova, M., Lodi, S., Rateau, L., Patts, G., Blokhina, E., Palatkin, V., Yaroslavlseva, T., Toussova, O., Bushara, N., Bendiks, S., Gnatienco, N., Krupitsky, E., Lioznov, D., Samet, J.H., Lunze, K. (2022). Stigma and ART initiation among people with HIV and a lifetime history of illicit drug use in Saint-Petersburg, Russia — A prospective cohort analysis. *International Journal of Drug Policy*, (102), 103600. <https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2022.103600>
- Wakefield, E.O., Belamkar, V., Sandoval, A., Puhl, R.M., Edelheit, B., Zempsky, W.T., Rodrigues, H.A., Litt, M.D. (2023). Does Diagnostic Certainty Matter?: Pain-Related Stigma in Adolescents with Juvenile Idiopathic Arthritis. *Journal of Pediatric Psychology*, 48(4), 341–351. <https://doi.org/10.1093/jpepsy/jsac092>
- Wanjala, S.W., Ssewanyana, D., Mwangala, P.N., Nasambu, C., Chongwo, E., Luchters, S., Newton, C.R.J.C., Abubakar, A. (2021). Validity, reliability, and measurement invariance of an adapted short version of the HIV stigma scale among perinatally HIV infected adolescents at the Kenyan coast. *Global Health Research and Policy*, (6), 1–10. <https://doi.org/10.1186/s41256-021-00229-9>
- Yildiz, M.İ., Başar, K., Çaman, Ö.K., Inkaya, A.Ç. (2021). The Reliability and Validity of The Turkish Form of Berger HIV Stigma Scale. *Noro psikiyatri arsivi*, 58(4), 292–299. <https://doi.org/10.29399/npa.27299>
- Yu, C.H., Huang, C.Y., Lee, Y.T., Cheng, S.F. (2019). Development of an 18-item abbreviated Chinese version of Berger's HIV Stigma Scale. *International Journal of Nursing Practice*, 25(2), e12708. <https://doi.org/10.1111/ijn.12708>
- Zhang, Y., Chai, C., Xiong, J., Zhang, L., Zheng, J., Ning, Z., Wang, Y. (2023). The impact of anxiety, depression, and social support on the relationship between HIV-related stigma and mental health-related quality of life among Chinese patients: A cross-sectional, moderate-mediation study. *BMC Psychiatry*, 23(1), 818. <https://doi.org/10.1186/s12888-023-05103-1>
- Zolotareva, A.A. (2021). Psychometric examination of the Russian version of the Depression, Anxiety, and Stress scales-21. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 42(5), 80–88. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S020595920017077-0>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

**Елена Владимировна
Коренева**

Elena V. Koreneva

Аспирант департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация, elenakoreneva25@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-1372-6210>

Postgraduate Student, School of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, elenakoreneva25@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-1372-6210>

**Алена Анатольевна
Золотарева**

Alena A. Zolotareva

Кандидат психологических наук, доцент департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация, alena.a.zolotareva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5724-2882>

Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, School of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, alena.a.zolotareva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5724-2882>

Поступила: 02.08.2024; получена после доработки:
28.10.2024; принята в печать: 13.12.2024.

Received: 02.08.2024; revised:
28.10.2024; accepted: 13.12.2024.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Русскоязычная версия шкалы стигмы ВИЧ-инфекции Б. Бергер (Berger HIV Stigma Scale, BHSS)

Инструкция. Многие из пунктов следующего раздела предполагают, что Вы рассказали другим людям, что у вас ВИЧ, или что другие знают об этом. Возможно, это не так для Вас. Если этот пункт относится к чему-то, чего на самом деле с Вами не произошло, представьте себя в такой ситуации. Затем дайте свой ответ, основываясь на том, как, по Вашему мнению, Вы бы себя чувствовали или как, по Вашему мнению, на Вас отреагировали бы другие. Оцените, пожалуйста, каждое из приведенных ниже утверждений, используя следующую шкалу: 1 = «полностью не согласен», 2 = «не согласен», 3 = «согласен», 4 = «полностью согласен».

1. Я чувствую себя виноватым, потому что у меня ВИЧ	1	2	3	4
2. Отношение людей к ВИЧ заставляет меня хуже относиться к самому себе	1	2	3	4
3. Рассказывать кому-то, что у меня ВИЧ, рискованно	1	2	3	4
4. Я прилагаю все усилия, чтобы сохранить свой ВИЧ в тайне	1	2	3	4
5. Я чувствую, что я не такой хороший человек, как другие, потому что у меня ВИЧ	1	2	3	4
6. К людям с ВИЧ относятся как к изгоям	1	2	3	4
7. Большинство людей считают, что ВИЧ-инфицированный человек «грязный»	1	2	3	4
8. Я тщательно выбираю, кому рассказывать, что у меня ВИЧ	1	2	3	4
9. Большинству людей некомфортно находиться рядом с ВИЧ-инфицированным	1	2	3	4
10. Некоторые люди избегают прикасаться ко мне, если знают, что у меня ВИЧ	1	2	3	4
11. Люди, которые мне дороги, перестали звонить после того, как узнали, что у меня ВИЧ	1	2	3	4
12. Я потерял друзей, рассказав им, что у меня ВИЧ	1	2	3	4

Обработка результатов. Для получения суммарного показателя по подшкале «Персонализированная стигма» необходимо сложить оценки респондента по пунктам 10, 11, 12, по подшкале «Раскрытие информации» — по пунктам 3, 4, 8, по подшкале «Отношение общественности» — по пунктам 6, 7, 9, по подшкале «Негативная самооценка» — по пунктам 1, 2, 5. Для получения для общего показателя стигмы ВИЧ-инфекции необходимо сложить оценки по всем подшкалам.

APPENDIX

Russian version of the Berger HIV Stigma Scale (BHSS) (translated from Russian)

Instructions. Many of the items in the following section assume that you have told other people that you have HIV, or that others know about it. This may not be the case for you. If the item refers to something that did not actually happen to you, imagine yourself in that situation. Then give your answer based on how you think you would feel or how you think others would react to you. Please rate each of the statements below using the following scale: 1 = “strongly disagree,” 2 = “disagree,” 3 = “agree,” 4 = “strongly agree.”

1. I feel guilty because I have HIV	1	2	3	4
2. People's attitudes about HIV make me feel worse about myself	1	2	3	4
3. Telling someone I have HIV is risky	1	2	3	4
4. I work hard to keep my HIV a secret	1	2	3	4
5. I feel I'm not as good a person as others because I have HIV	1	2	3	4
6. People with HIV are treated like outcasts	1	2	3	4
7. Most people believe a person who has HIV is “dirty”	1	2	3	4
8. I am very careful who I tell that I have HIV	1	2	3	4
9. Most people are uncomfortable around someone with HIV	1	2	3	4
10. Some people avoid touching me if they know I have HIV	1	2	3	4
11. People I care about stopped calling after learning I have HIV	1	2	3	4
12. I have lost friends by telling them I have HIV	1	2	3	4

Processing the results. To obtain a summary indicator for the Personalised stigma subscale, add up the respondent's scores for items 10, 11, 12, for the Disclosure concerns subscale — for items 3, 4, 8, for the Concerns about public attitudes subscale — for items 6, 7, 9, for the Negative self-image subscale — for items 1, 2, 5. To obtain a total HIV Stigma score, add up the scores for all subscales.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ / EDUCATIONAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article

<https://doi.org/10.11621/npj.2025.0106>

УДК/UDC 159.99

■ Особенности профессиональной «Я-концепции» курсантов военного вуза и студентов гражданского вуза, обучающихся по направлению «Психология»

О.С. Михно^{1,2}

¹ Военный университет им. Князя Александра Невского Министерства обороны ВС РФ, Москва, Российская Федерация

² Московский международный университет, Москва, Российская Федерация

 omihno@rambler.ru

РЕЗЮМЕ

Актуальность. В современном обществе повышается требовательность к профессионализму психологов, что отражается в инновационных тенденциях реформ высшего профессионального образования. В настоящее время в молодежной среде наблюдается сложная и противоречивая динамика. С одной стороны, происходят положительные сдвиги в области формирования профессиональной «Я-концепции» молодых специалистов. С другой стороны, наблюдается возрастание негативных социальных процессов: распространение иждивенческой позиции, потребительского отношения к жизни, раздвоение моральных норм и др. Соответственно, актуальными являются исследования, выявляющие предикторы профессиональной «Я-концепции» у будущих специалистов с целью совершенствования системы их профессиональной подготовки и воспитания.

Цель. Сравнение особенностей профессиональной «Я-концепции» у курсантов военного вуза и студентов гражданского вуза, обучающихся по направлению «Психология».

Выборка. В исследовании приняли участие 59 студентов гражданского вуза и 50 курсантов военного вуза, обучающихся на третьем и четвертом курсах вуза по направлению «Психология» в возрасте от 20 до 26 лет.

Методы. Исследование проводилось с помощью методик: 1. «Якоря карьеры» Э. Шейна; 2. «Ценностные ориентации» М. Рокича; 3. Методика изучения статуса профессиональной идентичности А.А. Азбель, адаптированной для студентов и курсантов вуза. Для выявления значимых различий между двумя группами применялся непараметрический критерий U-критерий Манна — Уитни (использовалась статистическая программа SPSS Statistics 26).

Результаты. В ходе эмпирического исследования были выявлены значимые статистические различия между группами по отдельным параметрам профессиональной «Я-концепции»: в выраженности отдельных карьерных ориентаций, в ценностных ориентациях и в статусе профессиональной идентичности.

Выводы. У студентов-психологов и курсантов-психологов особенности профессиональной «Я-концепции» различаются, что объясняется спецификой их обучения: у курсантов-психологов формируются карьерные ориентации и ценности, связанные с управлением, работой в коллективе, высокой активностью, мобильностью; у студентов-психологов карьерные ориентации часто направлены на предпринимательство.

Ключевые слова: профессиональная «Я-концепция», карьерные ориентации, профессиональная идентичность, ценностные ориентации, курсанты военного вуза, студенты гражданского вуза

Для цитирования: Михно, О.С. (2025). Особенности профессиональной «Я-концепции» курсантов военного вуза и студентов гражданского вуза, обучающихся по направлению «Психология». *Национальный психологический журнал*, 20(1), 65–74. <https://doi.org/10.11621/npj.2025.0106>

Professional “I-concept” of Cadets at a Military University and Students at a Civil University Studying in the Direction of “Psychology”

Olga S. Mikhno^{1, 2}

¹ Military University named after Prince Alexander Nevsky, Ministry of Defense of the RF Armed Forces, Moscow, Russian Federation

² Moscow International University, Moscow, Russian Federation

 omihno@rambler.ru

ABSTRACT

Background. In modern society, the demands to the professionalism of psychologists are increasing, which is reflected in the innovative trends in higher professional education reforms. Currently, complex and contradictory dynamics is observed in the youth environment. On the one hand, positive shifts are taking place in the field of formation of the professional “I-concept” of young specialists. On the other hand, there is an increase in negative social processes: the spread of a dependent position, a consumer attitude to life, a bifurcation of moral standards, etc. Accordingly, studies that identify predictors of the professional “I-concept” of the future specialists in order to improve the system of their professional training and education are relevant.

Objective. The study focuses on the comparison of the characteristics of professional “I-concept” among cadets of a military university and students of a civil university studying in the direction of “Psychology”.

Methods. The research was carried out using the following methods: the “Career Anchor” by E. Shane; “Value Orientations” by M. Rokeach; methodology for studying the status of professional identity by A.A. Azbel, adapted for university students and cadets.

Study Participants. The study involved 59 students of a civil university and 50 cadets of a military university, being at the third and fourth years of studying in the field of Psychology, aged from 20 to 26 years.

Results. The empirical study revealed significant statistical differences between the groups in individual parameters of the professional “I-concept”: in the severity of individual career orientations, in the value orientations and in the status of professional identity.

Conclusions. The features of the professional “I-concept” differ in psychology students and psychology cadets, which is explained by the specifics of their training: psychology cadets develop career orientations and values with management, teamwork, high activity, mobility; psychology students often have career orientations toward entrepreneurship.

Keywords: professional “I-concept”, career orientations, professional identity, value orientations, cadets of a military university, students of a civil university

For citation: Mikhno, O.S. (2025). Professional “I-concept” of cadets at a military university and students at a civil university studying in the direction of “psychology”. *National Psychological Journal*, 20(1), 65–74. <https://doi.org/10.11621/npj.2025.0106>

ВВЕДЕНИЕ

Роль профессиональной психологической помощи и поддержки в современном обществе неуклонно возрастает, что обусловлено текущим состоянием многих сфер социального развития: экономической, политической, информационной и др., влияющих на благополучие личности и ее удовлетворенность жизнью. Большое значение приобретает деятельность специалистов-психологов, обладающих необходимыми компетенциями оказания помощи людям, оказавшимся в кризисных или экстремальных жизненных ситуациях (Шойгу, 2019). Обладая уникальными профессиональными знаниями и методическими навыками, специалист-психолог способен оказывать необходимую помощь людям, не нанося им морального вреда, что объясняет возрастающую актуальность исследований психологических предикторов, профессиональных условий и др., способствующих росту профессионализма современного психолога (Солнцева, 2021; Степанова, 2021; Чернобровкина, 2015; Шувалова, 2010).

В настоящее время в системе высшего образования возрастает потребность в психолого-педагогических средствах обучения и воспитания, способствующих профессиональному развитию будущих специалистов. Эти средства призваны актуализировать способности обучающихся и содействовать формированию необходимых профессиональных компетенций и устойчивой профессиональной «Я-концепции» (Леньков и др., 2023; Лисовская и др., 2018; Мошкина и др., 2022; Михайлова,

2020). Такой подход связан как с необходимостью всесторонне использовать профессиональный потенциал личности, так и с потребностью личности реализовать себя в профессиональной деятельности и карьере. Современный профессионал — это тот, кто умеет управлять своим профессиональным опытом и адаптивен к изменяющейся среде; готов к непрерывному профессиональному самообразованию, в том числе и к самостоятельному освоению нового знания; обладает высоким потенциалом к саморазвитию (Барабанщикова, Кузнецова, 2022, с. 5). Для будущего профессионала очень важно не только освоение специальных знаний и навыков, но и осознание своего «образа Я» — главной составляющей профессиональной «Я-концепции» (Абдурасулов, 2019).

В отечественной и зарубежной психологии представлены научные труды, посвященные изучению «Я-концепции» как результата профессионального становления личности и как значимого условия успешного осуществления профессиональной деятельности (Асмолов, 2019; Бодалев, 2008; Джанерьян, 2018; Шнейдер, 2004; Пряжников, 2020; Бернс, 2014; Олпорт, 2012 и др.). В период студенчества «Я-концепция» претерпевает существенные изменения вследствие интенсивного развития личности, становится более устойчивой и при этом более дифференцированной: индивид начинает осознавать свои профессиональные потребности, мотивы и интересы, и на их основе формирует свой индивидуальный профессиональный план и стратегии развития карьеры.

Понятие профессиональной «Я-концепции» является сложным и многогранным, поэтому в науке не существует его однозначного определения. Профессиональная «Я-концепция» рассматривается как совокупность представлений индивида о себе сквозь призму профессии, при этом выделяются как представления о своих реальных достижениях, так и о собственных ожиданиях («Я-реальное» и «Я-идеальное») (Реан, 2002); как личностное образование, сформированное в процессе развития человека в профессиональной деятельности, и влияющее на его реализацию в профессии, адаптацию и включение в профессиональную среду (Деркач, 2004); как система взаимосвязанных представлений человека о себе как личности и как субъекте профессиональной деятельности, необходимых как для самореализации в профессии, так и для поиска в ней личностных смыслов (Джанерьян, 2018) и др.

Некоторые авторы предлагают рассматривать профессиональную «Я-концепцию» как взаимосвязь трех компонентов, определяющих профессиональное самосознание и поведение индивида: когнитивного, эмоционального, поведенческого (Рикель, 2012). Таким образом, профессиональная «Я-концепция» включает в себя представления индивида о профессионально важных качествах, необходимых для успешной карьеры, эмоциональное самоотношение и реальное профессиональное поведение человека.

Также в структуре профессиональной «Я-концепции» отдельные авторы выделяют профессиональную идентичность, отражающую степень отождествления/дифференциации образов «реального профессионала» и «идеального профессионала», и по сути являющейся синтезом накопленного специалистом профессионального опыта, усвоенных им профессиональных ценностей и целей (Лысуенко, 2013).

Особенности формирования профессиональной «Я-концепции» студентов-психологов на разных этапах становления анализируются во многих современных исследованиях (Донцов и др., 2019; Дубровина, 2019; Зимняя и др., 2018). Специфика будущей профессиональной деятельности студентов-психологов формирует определенные требования к их личности: они должны обладать высоким эмоциональным интеллектом, эмпатией, коммуникативностью, умением взаимодействовать с другими людьми. В соответствии с этими требованиями строится и процесс обучения студентов-психологов, имеющий прагматическую направленность, заключающуюся в том, что образовательный процесс должен быть приближен к предстоящей профессиональной деятельности. В ходе практических занятий с элементами тренингов, ролевых игр, учебных практик и др., студенты-психологи осваивают конкретные направления психологической работы, способность реализовывать мероприятия реабилитационного, коррекционного и профилактического характера; формируют способность использовать различные формы психологической помощи для решения проблем отдельных лиц или групп населения (очное консультирование, онлайн-консультирование, экстренную психологическую помощь, медиацию и др.); в ходе проектной деятельности осваивают исследовательские методы, развивают способность осуществлять научные исследования, развивают креативность, творческий подход к содержанию психологической работы.

Процесс профессионального становления курсантов-психологов связан с условиями их будущей деятельности, предъявляющей особые требования к профессиональной пригодности кандидатов (Благинин и др., 2022; Утлик, 2022). Эти условия характеризуются интенсивным и динамичным режимом труда, готовностью к риску, высокой устойчивостью к деструктивному информационно-психологическому воздействию и т.д. Особый интерес в военном образовании представляет развитие практических педагогических методов и способов, способствующих формированию направленности курсантов к службе (боевая и психологическая подготовка, стажировки и пр.). Они обеспечивают переход от формально-положительного к сознательному и ответственному отношению к профессии военнослужащего, а также успешную профессиональную адаптацию (Иоаниди, 2019).

Можно сделать вывод, что от условий учебного процесса вуза во многом будет зависеть динамика развития профессиональной готовности будущих специалистов к профессиональной деятельности.

Таким образом, теоретический анализ научных исследований позволил заключить, что профессиональная среда играет важную роль в формировании профессиональной «Я-концепции» специалистов и может существенно отличаться даже у обучающихся по одной специальности.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель исследования: сравнение особенностей профессиональной «Я-концепции» курсантов военного вуза и студентов гражданского вуза, обучающихся по направлению «Психология».

ГИПОТЕЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

У курсантов-психологов и студентов-психологов когнитивный и эмоциональный структурные компоненты профессиональной «Я-концепции» могут отличаться, что будет проявляться в выраженности в обеих группах разных карьерных ориентаций и ценностей:

— курсанты-психологи больше ориентированы на построение карьеры, связанной с управленческой деятельностью, у них могут быть более выражены ценности, связанные с эффективностью деятельности, служением и т.п.

— студенты-психологи ориентированы на реализацию предпринимательской стратегии в профессии, у них могут быть выражены ценности независимости, самореализации и т.п.

Также в группах респондентов могут быть выявлены разные статусы профессиональной идентичности: можно предположить, что у курсантов-психологов профессиональная идентичность будет более сформирована по сравнению со студентами-психологами, поскольку уже в процессе обучения в военном вузе они реализуют профессиональные функции как военнослужащие, их учебная деятельность неразрывно связана со служебной.

ВЫБОРКА

В исследовании приняли участие 59 студентов гражданского вуза и 50 курсантов военного вуза, женского и мужского пола, обучающихся на 3 и 4 курсах вуза по направлению «Психология» в возрасте от 20 до 26 лет.

МЕТОДЫ И МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для выявления основных структурных компонентов профессиональной «Я-концепции» респондентов применялись следующие психодиагностические методики:

1. Методика «Якоря карьеры» Э. Шейна (в адаптации В.Э. Винокуровой и В.А. Чикер) (Чикер, 2004) — для оценки когнитивного компонента профессиональной «Я-концепции»;
2. Методика «Ценностные ориентации» М. Рокича (в адаптации А. Гоштаутаса, А. Семёнова и В. Ядова) (Райгородский, 2001) — для оценки эмоционального компонента профессиональной «Я-концепции»;
3. Методика изучения статуса профессиональной идентичности А.А. Азбель и А.Г. Грецова (Грецов, 2006).

Для выявления значимых различий показателей двух групп применялся непараметрический U-критерий Манна — Уитни (использовалась статистическая программа SPSS Statistics 26).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ результатов карьерных ориентаций респондентов показал, что в целом в обеих группах преобладают средние значения по всем шкалам методики «Якоря карьеры» Э. Шейна. Значимые различия показателей карьерных ориентаций респондентов представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Описательная статистика и значимые различия показателей карьерных ориентаций в двух группах

Карьерные ориентации	Средние значения в баллах и стандартное отклонение (σ)		Достоверность различий	
	в группе студентов	в группе курсантов	U-критерий Манна — Уитни	Уровень значимости (p)
Менеджмент	4,5 $\pm$ 1,8	6,2 $\pm$ 2,2	1065	0,0002**
Стабильность работы	5,3 $\pm$ 1,8	6,0 $\pm$ 2,1	1392	0,041*
Стабильность места жительства	6,8 $\pm$ 2,1	4,3 $\pm$ 1,5	2918	0,0004**
Предпринимательство	5,5 $\pm$ 2,2	4,2 $\pm$ 1,9	2409	0,0002**

Примечание: при $p \leq 0,05^*$, при $p \leq 0,001^{**}$

Table 1

Descriptive statistics and significant differences in career orientations in the two groups

Career orientations	Average values and standard deviation (σ)		Reliability of differences	
	group of students	group of cadets	U-criterion Mann — Whitney	p — value
Management	4.5±1.8	6.2±2.2	1065	0.0002**
Operation stability	5.3±1.8	6.0±2.1	1392	0.041*
Stability of place of residence	6.8±2.1	4.3±1.5	2918	0.0004**
Entrepreneurship	5.5±2.2	4.2±1.9	2409	0.0002**

Note: at $p \leq 0.05^*$, at $p \leq 0.001^{**}$

Значимые различия карьерных ориентаций в группах выявлены по следующим шкалам: «менеджмент» (4,5 баллов у студентов-психологов и 6,2 балла у курсантов-психологов; $U_{\text{эмп}} = 1065$ при $p = 0,0002$), «стабильность работы» (5,3 баллов у студентов и 6,0 у курсантов; $U_{\text{эмп}} = 1392$ при $p = 0,041$), «стабильность места жительства» (6,8 балла у студентов и 4,3 у курсантов; $U_{\text{эмп}} = 2918$ при $p = 0,0004$), «предпринимательство» (5,5 у студентов и 4,2 у курсантов; $U_{\text{эмп}} = 2409$ при $p = 0,0002$).

С помощью методики М. Рокича были выявлены особенности ценностных ориентаций в обеих группах. Результаты были проранжированы для каждой группы респондентов. Значимые различия ценностных ориентаций в группах представлены в Таблице 2.

Таблица 2

Значимые различия показателей средних рангов ценностных ориентаций в двух группах

Ценности	Средний ранг по группам		Достоверность различий	
	в группе студентов	в группе курсантов	У-критерий Манна — Уитни	Уровень значимости (p)
Терминальные ценности				
Активная жизнь	4	6,4	1301	0,017*
Интересная работа	6	3,8	2110	0,044*
Инструментальные ценности				
Образованность	2,4	5,3	405	0,0002**
Твердая воля	7,1	3,1	445	0,0004**
Эффективность в делах	11,2	2,5	605	0,0002**
Независимость	9,08	16,9	1302	0,048*

Примечание: при $p \leq 0,05^*$, при $p \leq 0,001^{**}$

Table 2

Significant differences in the indicators of average ranks of value orientations in two groups

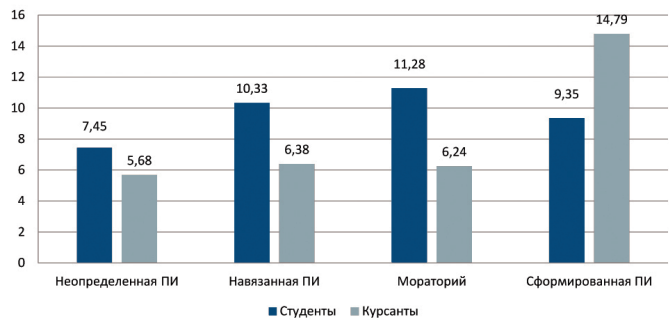
Values	Average rank		Reliability of differences	
	group of students	group of cadets	U-criterion Mann — Whitney	p — value
Terminal values				
Active life	4	6.4	1301	0.017*
Interesting job	6	3.8	2110	0.044*
Instrumental values				
Education	2.4	5.3	405	0.0002**
Strong will	7.1	3.1	445	0.0004**
Efficiency in business	11.2	2.5	605	0.0002**
Independence	9.08	16.9	1302	0.048*

Note: at $p \leq 0.05^*$, at $p \leq 0.001^{**}$

Статистически значимые различия получены по таким терминальным ценностям как «активная жизнь» (ранг у студентов — 4, ранг у курсантов — 6,4; $U_{\text{эмп}} = 1301$ при $p = 0,017$), а также «интересная работа» (ранг у студентов — 6, ранг у курсантов — 3,8; $U_{\text{эмп}} = 2110$ при $p = 0,044$).

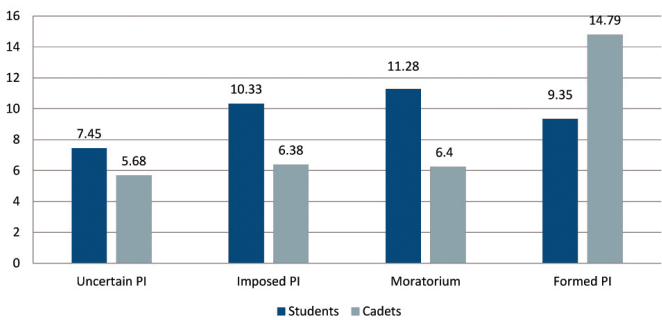
Статистически значимые различия между группами выявлены по следующим инструментальным ценностям: «образованность» (ранг у студентов — 2,4, ранг у курсантов — 5,3; $U_{\text{эмп}} = 405$ при $p = 0,0002$); «твердая воля» (ранг у студентов — 7,1, ранг у курсантов — 3,1; $U_{\text{эмп}} = 445$ при $p = 0,0004$); «эффективность в делах» (ранг у студентов 11,2, ранг у курсантов — 2,5; $U_{\text{эмп}} = 605$ при $p = 0,0002$); «независимость» (ранг у студентов — 9,08, ранг у курсантов — 16,9; $U_{\text{эмп}} = 1302$ при $p = 0,048$).

На Рисунке представлены результаты статуса профессиональной идентичности.

Рисунок

Средние значения показателей статусов профессиональной идентичности студентов и курсантов

Figure

Average values of indicators of professional identity (PI) statuses of students and cadets

Анализ полученных результатов показал, что у студентов-психологов преобладает «мораторий» в качестве статуса профессиональной идентичности ($11,28 \pm 5,2$), который характеризуется нежеланием респондентов на данном этапе профессионального развития связать свою дальнейшую жизнь с профессией психолога. В группе курсантов-психологов преобладает статус «сформированная профессиональная идентичность» ($14,79 \pm 3,9$).

В Таблице 3 представлено сравнение средних значений показателей статусов профессиональной идентичности в обеих группах.

Таблица 3

Значимые различия статусов профессиональной идентичности (ПИ) в обеих группах

Профессиональная идентичность (ПИ)	Средние значения в баллах и стандартное отклонение (σ)		Достоверность различий	
	в группе студентов	в группе курсантов	U-критерий Манна — Уитни	Уровень значимости (p)
Неопределенная ПИ	7,45 $\pm$ 2,1	5,68 $\pm$ 1,9	327,5	0,002
Навязанная ПИ	10,33 $\pm$ 1,6	6,38 $\pm$ 1,7	334	0,004
Мораторий	11,28 $\pm$ 5,2	6,24 $\pm$ 2,2	206,5	0,006
Сформированная ПИ	9,35 $\pm$ 2,3	14,79 $\pm$ 3,9	222,5	0,005

Примечание: при $p \leq 0,01$

Table 3

Significant differences in professional identity (PI) statuses in both groups

Professional identity (PI)	Average values and standard deviation (σ)		Reliability of differences	
	group of students	group of cadets	U-criterion Mann — Whitney	p — value
Uncertain PI	7.45 $\pm$ 2.1	5.68 $\pm$ 1.9	327.5	0.002
Imposed PI	10.33 $\pm$ 1.6	6.38 $\pm$ 1.7	334	0.004
Moratorium	11.28 $\pm$ 5.2	6.24 $\pm$ 2.2	206.5	0.006
Formed PI	9.35 $\pm$ 2.3	14.79 $\pm$ 3.9	222.5	0.005

Note: at $p \leq 0.01$

Сравнение показателей в двух группах позволяет утверждать, что значимые различия между респондентами наблюдаются по всем статусам профессиональной идентичности: по шкале «неопределенная идентичность» (7,45 баллов у студентов и 5,68 баллов у курсантов; $U_{\text{эмп}} = 327,5$ при $p = 0,002$); по шкале «навязанная идентичность» (10,33 баллов у студентов и 6,38 балла у курсантов; $U_{\text{эмп}} = 334$ при $p = 0,004$); по шкале «мораторий» (11,28 баллов у студентов и 6,24 баллов у курсантов; $U_{\text{эмп}} = 206,5$ при $p = 0,006$); по шкале «сформированная идентичность» (9,35 баллов у студентов и 14,79 баллов у курсантов; $U_{\text{эмп}} = 222,5$ при $p = 0,005$).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В ходе исследования были выявлены значимые различия в профессиональной «Я-концепции» между двумя группами.

Значимость различий по показателям карьерных ориентаций в группах по шкале «менеджмент» может объясняться тем, что курсанты-психологи в отличие от студентов-психологов больше знакомы с управленческой деятельностью, многие уже наделены руководящими полномочиями (являются командирами групп, имеют сержантские звания), им присуще чувство ответственности за коллективные результаты. Студенты-психологи возможно не ориентированы на деятельность, связанную с руководством и управлением, поэтому данная карьерная ориентация для них менее значима.

Значимость различий по шкалам «стабильность работы» и «стабильность места жительства» также объясняется спецификой будущей деятельности. По завершению обучения курсантов-психологов ждет распределение к основным местам службы, многие из них уже в период обучения проходят войсковую практику и стажировку в тех войсках, где им предстоит служить. Можно предположить, что представления студентов-психологов о сфере приложения своего труда менее конкретизированы, у них больше вариантов в выборе направления и сферы будущей профессиональной деятельности. Вполне логичным результатом является то, что «стабильность места жительства» для курсантов-психологов не является одной из основных карьерных ориентаций, поскольку профессиональная деятельность военнослужащего требует мобильности.

Значимость различий между респондентами по шкале «предпринимательство» объясняется тем, что многие студенты-психологи стремятся реализовать более независимую траекторию своего профессионального развития, например, осуществлять частную практику, работать в удаленном, дистанционном формате (например, практиковать онлайн-консультирование); для военнослужащих подобное развитие карьеры практически невозможно, поэтому данная карьерная ориентация у них не выражена.

Терминальные ценности в обеих группах значительно не отличаются, они соответствуют основным возрастным тенденциям развития личности.

Инструментальные ценности значимо различаются между респондентами. Так, ценность «образованность» имеет большую значимость для студентов-психологов, тогда как для курсантов-психологов большее значение имеет такая ценность, как «эффективность в делах»: студенты-психологи больше ориентированы на учебу и успехи в образовательном процессе; у курсантов преобладает ориентация на служебные успехи и реализацию в служебной деятельности.

Из статусов профессиональной идентичности у курсантов-психологов выражена «сформированная профессиональная идентичность», у студентов-психологов — «мораторий». Курсанты на старших курсах обучения уже понимают особенности и специфику своей будущей деятельности, осознают свою принадлежность к определенной профессиональной группе и интегрируют себя в ней, начинают реализовывать профессиональные способности в ходе служебной деятельности, стажировок и практик в войсковых частях и др.; студенты-психологи еще не в полной мере осознали свою принадлежность к профессии.

ВЫВОДЫ

Анализ полученных результатов позволяет сделать выводы о различиях между группами в отдельных структурных компонентах профессиональной «Я-концепции»:

- карьерные ориентации как отражение когнитивного структурного компонента профессиональной «Я-концепции» в обеих группах выражены равномерно, на среднем уровне; у курсантов-психологов больше выражены ориентации, связанные с управлением, у студентов — с предпринимательством;
- сравнение ценностных ориентаций как эмоционального компонента профессиональной «Я-концепции» позволили сделать вывод о том, что для студентов-психологов важнее ценности, связанные с образованностью, а для курсантов-психологов — ценности, связанные с работой;
- профессиональная идентичность в большей степени сформирована у курсантов-психологов, но здесь стоит отметить, что их идентичность тесно связана не только с деятельностью специалиста-психолога, но и военнослужащего в общем, что требует дополнительных уточнений.

В целом, полученные данные позволяют говорить о том, что студенты-психологи в отличие от курсантов-психологов в большей степени идентифицируют себя со студенческой средой, чем с профессиональной.

Можно сделать вывод о том, что гипотеза исследования подтверждена: в обеих группах выражены разные карьерные ориентации и ценности, профессиональная идентичность курсантов-психологов более сформирована, чем у студентов-психологов.

Новые исследовательские задачи в перспективе будут включать исследование соотношения идентичностей военнослужащего и специалиста-психолога в профессиональной «Я-концепции» курсантов-психологов; а также исследование сформированности плана профессиональной карьеры у студентов-психологов, их представлений об этапах развития профессиональной карьеры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Асмолов, А.Г. (2019). Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества. *Вестник образования*, (3), 65–86.
- Абдурасулов, Т.Д. (2011). Я-концепция как фактор профессионального самоопределения — студентов-психологов. *Человек и образование*, 3(28), 155–160.
- Александрова, Ю.Ю., Камнева, Е.В., Полевая, М.В., Пряжников, Н.С., Пряжникова, Е.Ю. (2020). Парадоксы профессиональной идентичности у психологов. *Организационная психология*, 10(3), 225–245.
- Барабанщикова, В.В., Кузнецова, А.С. (2022). Современные тенденции в развитии психологических исследований труда и трудящегося в динамичной профессиональной и организационной среде. *Национальный психологический журнал*, 4(48), 3–8.
- Бернс, Р. (2014). Развитие «Я-концепции» и воспитание: Перевод с английского. Москва: Изд-во «Просвещение».
- Благинин, А.А., Синельников, С.Н., Гридин, М.Ю., Сазонов, Ю.В., Жильцова, И.И. (2022). Влияние положительной «Я-концепции» на успешность в летной подготовке курсантов. *Вестник Российской Военно-медицинской академии*, 24(2), 315–321.
- Грецов, А.Г., Азбель, А.А. (2006). Узнай себя. Психологические тесты для подростков. Санкт-Петербург: Изд. дом «Питер».
- Джанерьян, С.Т. (2018). Системное исследование профессиональной «Я-концепции». Пятигорск: Изд-во ПГЛУ.
- Деркач, А.А. (2004). Акреологические основы развития профессионала. Москва: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та.
- Донцов, А.И., Белокрылова, Г.М. (2019). Профессиональные представления студентов. *Вопросы психологии*, (2), 42–49.
- Дубровина, И.В. (2019). Этапы профессионального самоопределения педагога-психолога в процессе непрерывного образования. В кн.: Наука — образование — профессия: системный личностно-развивающий подход. Под ред. Л.М. Митиной. (С. 16–19). Москва: Изд-во "Перо".
- Зимняя, И.А., Земцова, Е.В. (2018). Интегративный подход к оценке единой социально-профессиональной компетентности выпускников вузов. *Высшее образование сегодня*, (5), 14–19.
- Иоаниди, А.Ф. (2019). Развитие военно-профессиональной направленности курсантов военного вуза. Омск: Омское книжное издательство.
- Колесников, М.В. (2022). Формирование военно-профессиональной идентичности курсантов учебных центров вооруженных сил российской федерации: дисс. канд. пед. наук. Челябинск.
- Леньков, С.Л., Рубцова, Н.Е., Букин, А.М. (2023). Профессиональная направленность абитуриентов вузов как предиктор успешности профессионального становления. *Национальный психологический журнал*, 2(50), 103–118.
- Лисовская, Н.Б., Иконникова, Г.Ю. (2018). Особенности формирования профессиональной «Я-концепции» студентов в период обучения в вузе. *Научное мнение*, (5), 26–29.
- Лысенко, Л.А. (2013). Способность самоуправления как фактор развития профессиональной Я-концепции студентов колледжа. *Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество*, (5), 55–61.
- Михайлова, Т.Н. (2020). «Я-концепция» как фактор самоактуализации и профессионального становления курсантов образовательных организаций МВД России. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 25(3), 307–314.
- Мошкина, Л.Д., Швачко, Е.В., Кочегин, А.Г. (2022). Профессиональное самоопределение студентов профессиональных образовательных организаций: результаты исследования. *Инновационное развитие профессионального образования*, 1(33), 132–141.
- Олпорт, Г. (2012). Становление личности. Избранные труды. Москва: Изд-во «Смысл».
- Райгородский, Д.Я. (2001). Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Самара: Изд-во «БАХРАХ-М».
- Реан, А.А. (2002). Психология человека от рождения до смерти. Санкт-Петербург: Изд-во «Прайм-Еврознак».
- Рикель, А.М. (2012). Профессиональная я-концепция и организационная культура как факторы успешной карьеры: дисс. канд. психол. наук. Москва.
- Солнцева, Г.Н. (2021). Условия и ситуации профессиональной деятельности — типы и перспективы изменений. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 44(2), 74–100.
- Степанова, Л.Н. (2021). Психологические особенности развития личности студентов как предиктор их преадаптации к профессиональному будущему. *Психология. Психофизиология*, 14(2), 55–65.
- Утлик, Э.П. (2022). К 125-летию со дня рождения Б.М. Теплова. Б.М. Теплов о практическом мышлении военного профессионала. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*, (1), 23–38.
- Чернобровкина, С.В. (2015). Личностное взросление современных студентов: специфика и факторы образа и самооценки взрослости. *Вестник Омского университета. Серия: Психология*, (2), 24–29.
- Чикер, В.А. (2004). Психологическая диагностика организации и персонала. Санкт-Петербург: Изд-во «Речь».
- Чудновский, В.Э., Бодаев, А.А., Вайзер, Г.А., Вахромов, Е.Е., Карпова, Н.Л., Суворов, А.В. (2008). Психологические проблемы смысла жизни и акме (возрастной, профессиональный и социореабилитационный аспекты). *Теоретическая и экспериментальная психология*, 1(2), 50–59.
- Шнейдер, Л.Б. (2004). Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг. Москва: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та.
- Шойгу, Ю.С. (2019). Психология экстремальных ситуаций. Санкт-Петербург: Изд-во Питер.
- Шувалова, Е.В. (2010). Влияние внутригруппового взаимодействия на развитие профессиональной составляющей «Я-концепции» студентов-психологов: дисс. канд. психол. наук. Тамбов.

REFERENCES

- Asmolov, A.G. (2019). Strategy of socio-cultural modernization of education: towards overcoming the identity crisis and building a civil society. *Vestnik obrazovaniya = Bulletin of Education*, (3), 65–86. (In Russ.)
- Abdurasulov, T.D. (2011). Self-concept as a factor in professional self-determination of psychology students. *Chelovek i obrazovanie = Human and Education*, 3(28), 155–160. (In Russ.)
- Aleksandrova, Yu.Yu., Kamneva, E.V., Polevaya, M.V., Pryazhnikov, N.S., Pryazhnikova, E.Yu. (2020). Paradoxes of professional identity in psychologists. *Organizatsionnaya psikhologiya = Organizational Psychology*, 10(3), 225–245. (In Russ.)
- Barabanshchikova, V.V., Kuznetsova, A.S. (2022). Modern trends in the development of psychological studies of labor and the worker in a dynamic professional and organizational environment. *National Psychological Journal*, 4(48), 3–8. (In Russ.)
- Burns, R. (2014). Development of the "I-concept" and education: Translation from English. Moscow: Publ. house "Prosveshchenie". (In Russ.)
- Blagin, A.A., Sinelnikov, S.N., Gridin, M.Yu., Sazonov, Yu.V., Zhiltsova, I.I. (2022). The influence of a positive "I-concept" on the success of cadets in flight training. *Vestnik Rossijskoj Voenno-meditsinskoj akademii = Bulletin of the Russian Military Medical Academy*, 24(2), 315–321. (In Russ.)
- Gretsov, A.G., Azbel, A.A. (2006). Know yourself. Psychological tests for teenagers. St. Petersburg: Publ. house "Piter". (In Russ.)
- Dzhaneryan, S.T. (2018). A systemic study of the professional "I-concept". Pyatigorsk: PGLU Publ. (In Russ.)
- Derkach, A.A. (2004). Acmeological foundations of professional development. Moscow: Publ. house of the Moscow Psychological-Social Institute. (In Russ.)
- Dontsov, A.I., Belokrylova, G.M. (2019). Professional ideas of students. *Voprosy Psichologii*, (2), 42–49. (In Russ.)
- Dubrovina, I.V. (2019). Stages of professional self-determination of a teacher-psychologist in the process of continuous education. In: L.M. Mitina, (ed.). Science — education — profession: a systemic personality-developmental approach. (pp. 16–19). Moscow: Pero Publ.
- Zimnyaya, I.A., Zemtsova, E.V. (2018). An integrative approach to assessing the unified social and professional competence of university graduates. *Vyshee obrazovanie segodnya = Higher Education Today*, (5), 14–19.
- Ioanidi, A.F. (2019). Development of military-professional orientation of cadets of a military university. Omsk: Omsk publ. house. (In Russ.)
- Kolesnikov, M.V. (2022). Formation of military-professional identity of cadets of training centers of the armed forces of the Russian Federation: Diss. Cand. Sci. (Ped.). Chelyabinsk. (In Russ.)
- Lenkov, S.L., Rubtsova, N.E., Bukinich, A.M. (2023). Professional orientation of university applicants as a predictor of successful professional development. *National Psychological Journal*, 2(50), 103–118. (In Russ.)
- Lisovskaya, N.B., Ikonnikova, G.Yu. (2018). Features of the formation of the professional "I-concept" of students during their studies at the university. *Nauchnoe mnenie = Scientific Opinion*, (5), 26–29. (In Russ.)
- Lysenko, L.A. (2013). Self-government Ability as a Factor in the Development of the Professional Self-Concept of College Students. *Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Obrazovanie. Lichnost'. Obshchestvo = Bulletin of the Buryat State University. Education. Personality. Society*, (5), 55–61. (In Russ.)
- Mikhailova, T.N. (2020). "Self-Concept" as a Factor in Self-Actualization and Professional Development of Cadets of Educational Organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Psichopedagogika v pravoohranitel'nyh organah = Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies*, 25(3), 307–314. (In Russ.)
- Moshkina, L.D., Shvachko, E.V., Kochegin, A.G. (2022). Professional Self-Determination of Students of Professional Educational Organizations: Research Results. *Innovatsionnoe razvitiye professional'nogo obrazovaniya = Innovative Development of Professional Education*, 1(33), 132–141. (In Russ.)
- Allport, G. (2012). Formation of Personality. Selected Works. Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)
- Raigorodsky, D.Ya. (2001). Practical Psychodiagnostics. Methods and tests. Samara: Publ. house BAKHRAKH-M. (In Russ.)
- Rean, A.A. (2002). Human psychology from birth to death. St. Petersburg: Publ. house Prime-Euroznak. (In Russ.)
- Rikel, A.M. (2012). Professional self-concept and organizational culture as factors of a successful career: diss. Cand. Sci. (Psychology). Moscow. (In Russ.)
- Solntseva, G.N. (2021). Conditions and situations of professional activity — types and prospects of changes. *Moscow University Psychology Bulletin*, 44(2), 74–100. (In Russ.)
- Stepanova, L.N. (2021). Psychological features of students' personality development as a predictor of their pre-adaptation to their professional future. *Psikhologiya. Psihofiziologiya = Psychology. Psychophysiology*, 14(2), 55–65. (In Russ.)
- Utluk, E.P. (2022). On the 125th anniversary of B.M. Teplov's birthday. B.M. Teplov on the practical thinking of a military professional. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psichologicheskie nauki = Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences*, (1), 23–38. (In Russ.)
- Chernobrovkina, S.V. (2015). Personal maturation of modern students: specificity and factors of the image and self-esteem of adulthood. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psikhologiya = Bulletin of Omsk University. Series: Psychology*, (2), 24–29. (In Russ.)
- Chiker, V.A. (2004). Psychological diagnostics of the organization and personnel. St. Petersburg: Rech. (In Russ.)
- Chudnovsky, V.E., Bodalev, A.A., Vaizer, G.A., Vakhromov, E.E., Karpova, N.L., Suvorov, A.V. (2008). Psychological problems of the meaning of life and acme (age, professional and socio-rehabilitation aspects). *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya = Theoretical and Experimental Psychology*, 1(2), 50–59. (In Russ.)
- Schneider, L.B. (2004). Professional identity: theory, experiment, training. Moscow: Publ. house of the Moscow Psychological-Social Institute. (In Russ.)
- Shoigu, Yu.S. (2019). Psychology of extreme situations. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Shuvalova, E.V. (2010). The influence of intragroup interaction on the development of the professional component of the "I-concept" of psychology students: diss. Cand. Sci. (Psychol.). Tambov. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

**Ольга Сергеевна
Михно**

Olga S. Mikhno

Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, факультета психологии Военного университета им. Князя Александра Невского Министерства обороны ВС РФ; доцент кафедры общегуманитарных дисциплин и массовых коммуникаций Московского международного университета, Москва, Российская Федерация, omihno@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5480-8388>

Cand. Sci. (Psychology), Assistant Professor at the Department of Psychology, Faculty of Psychology, Military University named after Prince Alexander Nevsky, Ministry of Defense of the RF Armed Forces; Assistant Professor at the Department of General Humanities and Mass Communications, Moscow International University, Moscow, Russian Federation omihno@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5480-8388>

Поступила: 03.05.2024; получена после доработки:
12.06.2024; принята в печать: 16.12.2024.

Received: 03.05.2024; revised:
12.06.2024; accepted: 16.12.2024.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ / PSYCHOPHYSIOLOGY

Научная статья / Research Article

<https://doi.org/10.11621/npj.2025.0107>

УДК/UDC 159.91; 612.821

■ Тревожность и нейрофизиологические маркеры: анализ с использованием мобильной ЭЭГ

А.Д. Леонтьева^{1,2} , А.С. Зубарев^{1,2}

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

² АО «Нейрореволюция», Москва, Российская Федерация

 leoannadm@gmail.com

РЕЗЮМЕ

Актуальность. Существует необходимость в разработке более совершенных методов диагностики и коррекции тревожности, так как в настоящее время существенное количество людей испытывает данное состояние.

Цель. В данной работе исследуется взаимосвязь между соотношением мощности бета- и альфа-ритмов (индекс концентрации), альфа-асимметрией в височных долях, субъективным уровнем личностной тревожности и уровнем стресса в спокойном состоянии и в условиях когнитивной нагрузки.

Выборка. В исследовании приняли участие 38 здоровых испытуемых в возрасте от 21 до 47 лет ($Md = 23,0$, $SD = 7,99$, 24 женщины).

Методы. Для определения уровня тревожности испытуемые заполняли опросники: шкала тревожности Спилбергера — Ханина и Пенсильванский опросник беспокойства. Регистрация электрической активности мозга осуществлялась на электроэнцефалографе Neiry Headband Pro. Когнитивная нагрузка вызывается с помощью словесно-цветового теста Струпа и его модификаций. Статистическая обработка данных проводилась с использованием инструментов описательной статистики, а также анализировался коэффициент корреляции Спирмена, Т-критерий Вилкоксона.

Результаты. Было выявлено, что чем выше субъективные оценки тревожности, тем слабее растет индекс концентрации на этапах с когнитивными заданиями. Также при наличии в фоновом состоянии левосторонней альфа-асимметрии наблюдается увеличение субъективного уровня стресса на последующих этапах с когнитивной нагрузкой.

Выводы. Мобильные нейрофизиологические измерения могут быть эффективным средством для разработки методов ранней диагностики и индивидуализированного подхода в лечении тревожных расстройств.

Ключевые слова: тревожность, стресс, электроэнцефалография (ЭЭГ), альфа-асимметрия, альфа-ритм, бета-ритм

Для цитирования: Леонтьева, А.Д., Зубарев, А.С. (2025). Тревожность и нейрофизиологические маркеры: анализ с использованием мобильной ЭЭГ. *Национальный психологический журнал*, 20(1), 75–85. <https://doi.org/10.11621/npj.2025.0107>

■ Anxiety and Neurophysiological Markers: Mobile EEG Analysis

Anna D. Leonteva^{1,2} , Alexey S. Zubarev^{1,2}

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

² Neurorevolution JSC, Moscow, Russian Federation

 leoannadm@gmail.com

ABSTRACT

Background. There is a need to develop more advanced methods for diagnosing and correcting anxiety, as currently a significant number of people experience this condition.

Objective. This paper examines the relationship between the power ratio of beta and alpha rhythms (concentration index), alpha asymmetry in the temporal lobes, the subjective level of personal anxiety and stress levels in a calm state and under conditions of cognitive load.

Study Participants. The study involved 38 healthy subjects aged 21 to 47 years ($Md = 23.0$, $SD = 7.99$, 24 women).

Methods. To determine the level of anxiety, the subjects filled out questionnaires: the Spielberger — Hanin Anxiety Scale and the Pennsylvania Anxiety Questionnaire. The electrical activity of the brain was recorded using the Neiry Headband Pro electroencephalograph. Cognitive load is induced using the Stroop verbal colour test and its modifications. Statistical data processing was carried out using descriptive statistics tools. Spearman's correlation coefficient and Wilcoxon's T-test were analyzed.

Results. It was found that the higher the subjective estimates of anxiety are, the weaker the concentration index increases at the stages with cognitive tasks. Also, in the presence of left-sided alpha asymmetry in the background, there is an increase in the subjective stress level at subsequent stages with cognitive load.

Conclusions. Mobile neurophysiological measurements can be an effective tool for the development of early diagnosis methods and an individualized approach to the treatment of anxiety disorders.

Keywords: anxiety, stress, electroencephalography (EEG), alpha asymmetry, alpha rhythm, beta rhythm

For citation: Leonteva, A.D., Zubarev, A.S. (2025). Anxiety and neurophysiological markers: mobile EEG analysis. *National Psychological Journal*, 20(1), 75–85. <https://doi.org/10.11621/npj.2025.0107>

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время многие люди испытывают тревожные состояния. Согласно социологическому исследованию (Perez-Cano et al., 2020), у 42% выборки наблюдается личностная тревожность по опроснику Спилбергера. Современные технологии, такие как мобильные устройства для записи ЭЭГ, открывают новые возможности для мониторинга и анализа нейрофизиологических коррелятов тревожности в реальном времени. Это позволяет не только улучшить диагностику, но и способствует разработке персонализированных подходов к лечению.

Существует много исследований, в которых рассматривается диагностика тревожности с помощью ЭЭГ: анализируется мощность мозговых ритмов, их соотношение, пространственное распределение (Pavlenko et al., 2009; Giannakakis, 2015; Пашков и др., 2017; Berretz et al., 2022; Bazanova et al., 2014 и др.).

Высокочастотные ритмы ЭЭГ коррелируют с возбуждением, когнитивной обработкой (Dzhebrailova et al., 2021) или эмоциональной активностью, которая в некоторых случаях может быть вызвана тревогой (Giannakakis, 2015; Pavlenko et al., 2009).

При просмотре видеороликов с отрицательной валентностью и повышенным возбуждением испытуемые демонстрируют снижение префронтальную тета-активность, что характеризует состояние тревоги (Giannakakis, 2015). Во время индуцированного стресса (задача на кратковременную память) также наблюдается снижение активности тета-ритма в префронтальной коре (Пашков и др., 2017). Высокочастотные ритмы позволяют рабочей памяти исключать нерелевантные стимулы.

Исходя из описанных данных, у испытуемых с повышенной тревожностью отмечается повышение бета-активности, особенно высокочастотной, снижение мощности альфа- и тета-ритмов. При этом данные особенности можно обнаружить электродами по всей поверхности черепа, то есть они не имеют узкой локализации, а широко распределены в головном мозге.

Более локальная активность, отражающая степень тревожности, отражается в индексе межполушарной асимметрии альфа-ритма в лобных долях головного мозга. Повышение мощности альфа-ритма в одном полушарии говорит о тормозных процессах в этом полушарии (Bazanova et al., 2014) или о гиперактивации в противоположном.

Иногда у участников исследования с высоким уровнем тревожности отмечается преимущественно левополушарная активация, то есть правосторонняя альфа-асимметрия (Berretz et al., 2022). Авторы объясняют результаты моделью асимметричного торможения, которая постулирует, что левая префронтальная кора подавляет негативные отвлекающие факторы.

В других исследованиях обнаружена связь высокого уровня тревоги с левосторонней альфа-асимметрией (Афтанас, 2000). Тревожное состояние, определяемое по пенсильванскому опроснику беспокойства, связано с левосторонней лобной альфа-

асимметрией (Härpfer et al., 2021). Также возникающие приступы у пациентов с паническим расстройством и эпизоды тревоги у людей с социальной фобией характеризуются повышенной активностью правого полушария (Гордеев и др., 2011).

В основе данных результатов стоит несколько факторов, которые обуславливают изменения межполушарного баланса. Прежде всего важно отметить связь подкорковых структур с полушариями головного мозга, опосредуемые ими системы контроля эмоционального поведения (мотивация достижения/избегания), а также специфику тревоги, характеризующуюся наличием/отсутствием вербального компонента, степенью психоэмоционального возбуждения и валентностью эмоций (Heller et al., 2003).

Несмотря на противоречивость данных, индекс альфа-асимметрии активно используется для диагностики и даже коррекции тревожных состояний. Например, разрабатываются тренировки биологической обратной связи, направленные на увеличение амплитуды альфа-ритма в правой лобной доле относительно левой (Mennella et al., 2017).

Несмотря на многочисленные исследования в области психофизиологической диагностики тревожности, данные остаются противоречивыми, а многие процедуры исследования являются дорогостоящими и трудозатратными.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью нашего исследования является разработка доступного метода оценки тревожности по показателям ЭЭГ с помощью мобильного устройства Neiry Headband. Качество сигнала данного устройства сопоставимо со стационарной установкой с гелевыми электродами от NVX, особенно в низких частотах (дельта-, тета- и альфа-ритм) и превосходит качество сигнала по сравнению с аналогичным портативным ЭЭГ девайсом (Kleeva et al., 2023).

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Выборка

В исследовании приняли участие 38 здоровых испытуемых в возрасте от 21 до 47 лет ($Md = 23,0$, $SD = 7,99$). Из них 14 человек (36,8%) — мужчины и 24 (63,2%) — женщины.

Респонденты были отобраны согласно следующим критериям. Участники на момент проведения эксперимента и 3 месяца до него не принимали психотропные и гормональные препараты. Респонденты также заполняли анкету, в которой указали, что не имеют психиатрических, неврологических диагнозов на данный момент, и что никогда не имели черепно-мозговых травм. Все испытуемые были правшами и имели нормальные или скорректированные до нормальных зрение и слух.

Перед началом эксперимента участники заполняли информированное добровольное согласие на участие в исследовании и на обработку персональных данных.

2. Получение данных

2.1. Психометрическое тестирование

Для определения уровня тревожности перед началом эксперимента испытуемые заполняли опросники: шкала ситуативной и личностной тревожности Спилбергера — Ханина (State-Trait Anxiety Inventory, STAI) и Пенсильванский опросник беспокойства (Penn State Worry Questionnaire, PSWQ).

Методика Ч.Д. Спилбергера, направленная на выявление личностной и ситуативной тревожности в адаптации Ю.Л. Ханина, состоит из 20 высказываний, направленных на диагностику выраженности ситуативной тревожности, другая часть (также 20 высказываний) — на измерение тревожности как личностной черты (Габдреева и др., 2004).

Мы использовали русскоязычную версию Б.С. Алишева и М.В. Габдулхаковой Пенсильванского опросника беспокойства (Габдулхакова и др., 2020). Данная методика состоит из 16 утверждений, респонденты должны оценить свою степень согласия с ними по шкале от 1 до 5.

2.2. Психофизиологический эксперимент

Во время всей психофизиологической части эксперимента с использованием ЭЭГ (Рисунок 1) испытуемым была дана единая инструкция: «Постарайтесь расслабить мышцы лба, челюсти и плеч. Оставайтесь неподвижны. Не переводите взор с фиксирующего креста на мониторе во время калибровки и расслабления (этапы 1 и 5). Не разговаривайте без необходимости».

Перед экспериментом проводилась калибровка устройства, фиксирующая базовое, изначальное состояние 30 с с открытыми глазами.

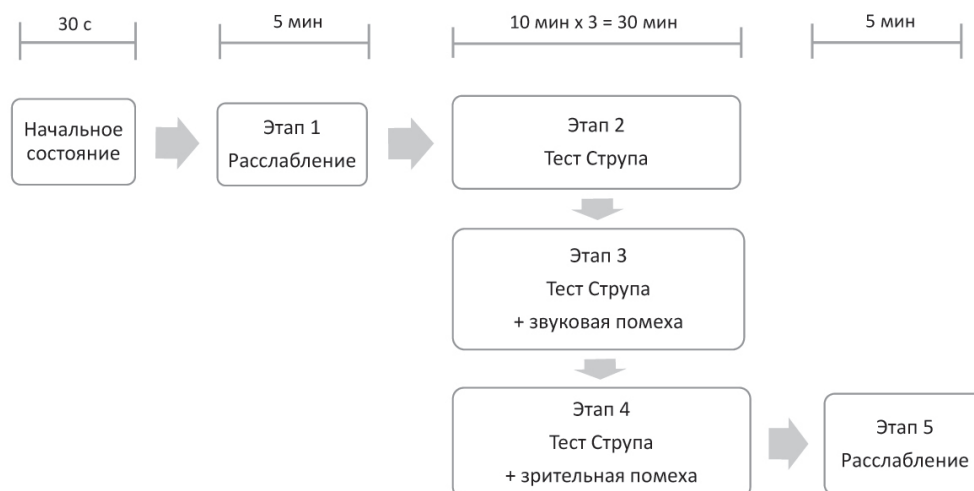

Рисунок 1

Схема эксперимента

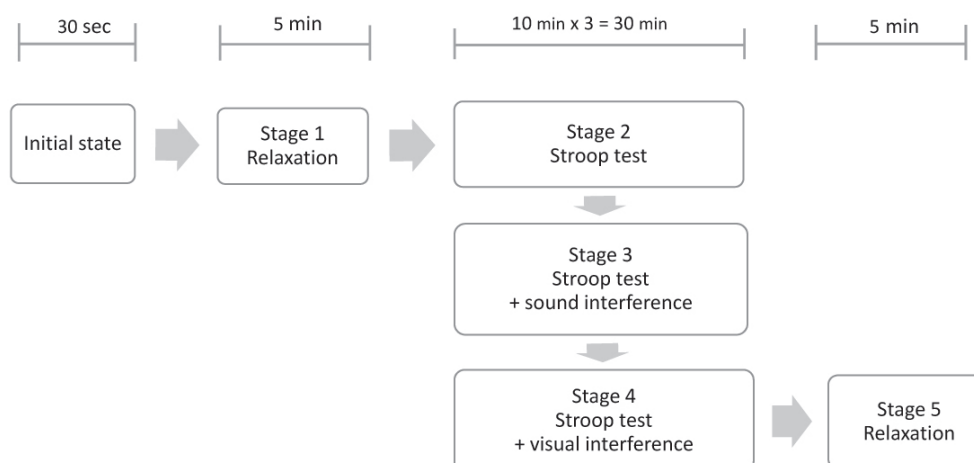

Figure 1

Experimental design

На этапах расслабления испытуемых просили постараться расслабиться, не думать о тревожащих событиях.

В качестве основы для когнитивной нагрузки использовался классический словесно-цветовой тест Струпа, набор слов и процедура сходна с экспериментом С. Байярд (Bayard et al., 2011). Задача испытуемого была в определении цвета, которым написано слово. Отдельно в инструкции проговаривается, что необходимо, чтобы текст слова находился в поле зрения и был читаемым (чтобы исключить намеренную расфокусировку изображения для облегчения решения). Слова предъявляются на 2,5 с. Если испытуемый не успевает ответить, то автоматически засчитывается ошибка. Если испытуемый отвечает раньше, то сразу предъявляется следующее слово. В начале дается небольшой пробный период из двадцати предъявлений слов, после каждого ответа дается обратная связь о правильности и скорости ответа. В основном периоде — 300 предъявлений слов без обратной связи о правильности решения. Тест создан в программе PsychoPy 2023.2.3 (Using Python 3.8), а также предъявлялся испытуемым с помощью ее интерфейса.

Звуковая помеха заключается в проигрывании в наушниках слов, обозначающих цвета, в случайной последовательности. Слова сгенерированы с помощью программы, озвучивающей текст. Каждое слово записано в двух версиях: женским и мужским голосом. Продолжительность каждой записи 0,8–1,1 с, пауза между предъявлениями 0,2 с. Скорость предъявления рассчитана исходя из средней скорости ответов испытуемых. Таким образом, слово может проговариваться как одновременно с предъявлением изображения, так и с задержкой, что увеличивает вариативность.

Зрительная помеха: дополнительно к задаче раз в 20 слов вместо слова предъявлялось изображение военной тематики. Изображения взяты из открытых источников. Фотография предъявляется в течение 2,5 с.

После каждой задачи испытуемые отмечали субъективный уровень стресса, который испытывали во время данного этапа, по 10-балльной шкале, где 1 — отсутствие стресса, а 10 — максимальный уровень стресса.

2.3. Регистрация физиологических показателей

Регистрация электрической активности мозга осуществлялась на электроэнцефалографе Neiry Headband Pro монополярным способом от 4 активных электродов: O1, O2, T3, T4, расположенных по международной схеме 10–20. В качестве референтного используется электрод Frz. Справа и слева от референтного электрода располагаются заземляющие электроды. Частота дискретизации сигнала ЭЭГ составляет 250 Гц.

Регистрация, запись и первичная предобработка данных происходит с помощью ПО Capsule 1.2.0, специально разработанного для устройств Neiry.

3. Обработка данных

Для анализа данных ЭЭГ использовались программное обеспечение MNE Python (Gramfort et al., 2013) и другие библиотеки Python. Фильтрация данных проводилась в диапазоне от 4 до 30 Гц с помощью фильтра ButterBandpass 4-го порядка с бесконечной импульсной характеристикой (БИХ) и режекторных фильтров 50, 60 Гц. Артефакты движений из данных детектировались по превышению определенного порога в обрабатываемом окне амплитуды сигнала или мощностей тета- и бета-диапазонов, а затем удалялись из расчетов.

Спектральный анализ временных рядов каждого канала выполнен методом П. Уэлча (Welch, 1967) на непересекающихся окнах длиной 10 секунд. В результате, была рассчитана спектральная плотность мощности (PSD) для диапазонов частот: тета (4–7 Гц), альфа (7–13 Гц) и бета (13–30 Гц). Из этих данных извлечены суммы значений PSD для каждого участка и каждого электрода.

Кроме того, использовалось ПО Capsule v1.2.0 для расчетов мощностей стандартных ритмов ЭЭГ.

4. Статистический анализ

Статистическая обработка данных проводилась с использованием инструментов описательной статистики, а также непараметрической статистики: коэффициент корреляции Спирмена, Т-критерий Вилкоксона в программе SPSS v.23.0. Диаграммы были построены с использованием Microsoft Excel v.2109.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Среднее значение шкалы ситуативной тревожности теста Спилбергера в нашей выборке $39,1 \pm 10,42$, что соответствует среднему уровню тревожности. Провели проверку на нормальность по одновыборочному критерию Колмогорова — Смирнова, данное распределение считается нормальным ($\lambda = 0,094$, $p = 0,200$). Среднее значение шкалы личностной тревоги в выборке $46,21 \pm 9,25$, что соответствует нижней границе высокой степени тревожности. Данное распределение также считается нормальным ($\lambda = 0,100$, $p = 0,200$). Пенсильванский опросник беспокойства показал среднее значение в нашем эксперименте $39,26 \pm 14,72$, что соответствует небольшой тревожности, ниже клинического уровня. Распределение отклоняется от нормального ($\lambda = 0,172$, $p = 0,009$).

Субъективный уровень стресса во время решения когнитивных задач оценивался по шкале от 1 до 10. Было выявлено, что на этапе 2 средний субъективный уровень стресса равнялся $3,79 \pm 2,00$, на этапе 3 = $4,53 \pm 1,86$, на этапе 4 = $4,05 \pm 2,27$. При этом наименее стрессовым для испытуемых был 2 этап (классический словесно-цветовой тест Струпа), а наиболее стрессовым 3 этап (словесно-цветовой тест Струпа в сочетании с аудиальной помехой).

Для оценки связи субъективных показателей (опросников и шкалирования стресса) был использован коэффициент корреляции Спирмена. Субъективные значения стресса по 10-балльной шкале во время когнитивной нагрузки на этапах 2 и 4 коррелируют ($p < 0,05$) с результатами тестирования по шкале личностной тревожности теста Спилбергера и Пенсильванского опроса беспокойства, но не со шкалой ситуативной тревожности теста Спилбергера.

В качестве индекса концентрации было выбрано соотношение мощностей бета- и альфа-ритмов, записанного в биполярном режиме T3-O1, T4-O2 для исключения большей части артефактов и усредненного по двум биполярным каналам. Как видно из диаграммы (Рисунок 2), данный индекс выше на этапах с когнитивной нагрузкой (этапы 2–4), чем на этапе расслабления (этап 1). С помощью Т-критерия Вилкоксона мы проверили гипотезу о том, что индекс концентрации на этапах 2–5 повышается относительно этапа 1 (расслабление). Мы выявили, что на этапах с когнитивной нагрузкой данный индекс действительно повышается ($p < 0,05$). При этом индекс концентрации на этапе 5 незначимо повышается относительно этапа 1 ($p = 0,091$). Это говорит о том, что у части испытуемых физиологические системы смогли вернуться в прежнее состояние, а у другой части они более инертны и на последнем этапе испытуемым не удалось расслабиться в той же степени, что и на первом этапе. При этом самый высокий индекс концентрации наблюдается на этапе 2. Это может быть связано с тем, что испытуемые впервые сталкиваются с задачей или с тем, что данный этап менее вызывает стресс (основываясь на данных субъективного уровня стресса), чем остальные этапы с когнитивной нагрузкой.

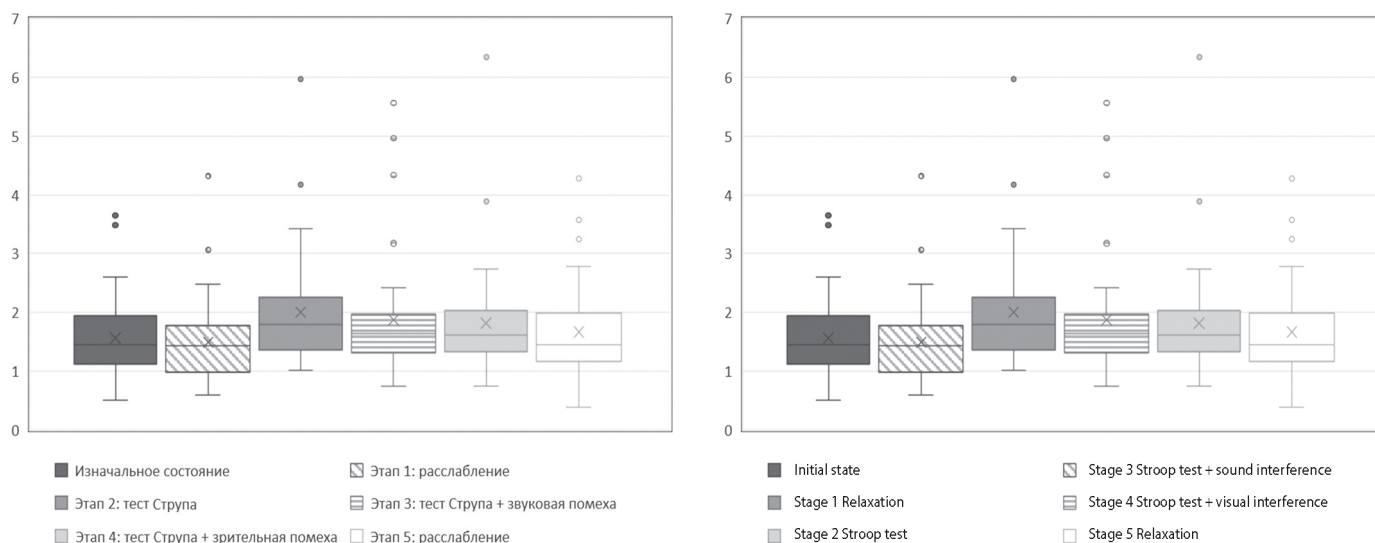

Рисунок 2

Значение индекса концентрации (бета-/альфа-ритм) на разных этапах эксперимента ($n = 38$). Горизонтальными линиями указана медиана, крестами — среднее значение, точками — выбросы

Figure 2

The value of the concentration index (beta/alpha rhythm) at different stages of the experiment ($n = 38$). The horizontal lines indicate the median, the crosses indicate the average value, and the dots indicate outliers

Мы провели корреляционный анализ Спирмена для изучения связи баллов по шкале личностной тревоги теста Спилбергера и уровня индекса концентрации на различных этапах исследования. Была обнаружена значимая обратная корреляция данного опросника с индексом концентрации на этапах 1 и 3 ($p < 0,05$). Вместе с этим на остальных этапах исследования прослеживается обратная зависимость этих параметров, но с уровнем значимости больше 0,05. Такая зависимость говорит о тормозных процессах в мозге тревожных людей: увеличению мощности альфа- и/или снижению мощности бета-ритма.

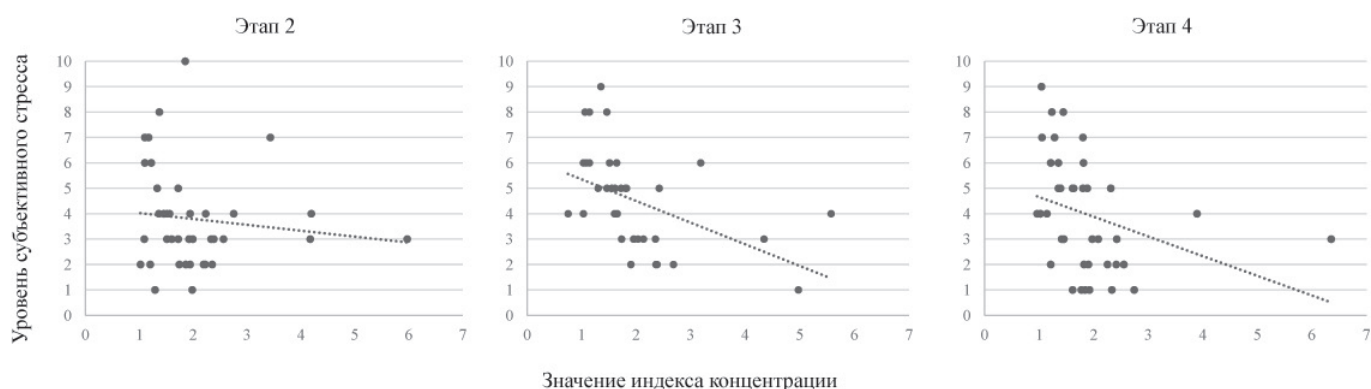

Рисунок 3

Графики распределения значения индекса концентрации (бета-/альфа-ритм) на этапах с когнитивной нагрузкой (этапы 2–4) в зависимости от уровня субъективного стресса по 10-балльной шкале на соответствующих этапах. Был проведен корреляционный анализ Спирмена между данными параметрами на этапе 2 ($p = 0,180$), на этапе 3 ($p = 0,006$), на этапе 4 ($p = 0,036$). Пунктиром обозначена линия тренда

В качестве индекса межполушарной асимметрии мы использовали соотношение мощности альфа-ритма на электроде Т3 к мощности альфа-ритма на электроде Т4. Таким образом, положительные значения говорят о левосторонней альфа-асимметрии, а отрицательные — о правосторонней. Было обнаружено, что среднее значение данного индекса на всех этапах близко к нулю

или немного выше. То есть у наших испытуемых наблюдается отклонение мощности альфа-ритма как в левое, так и в правое полушарие примерно с одинаковой частотой. Однако, отклонения в левую сторону более сильные, часто наблюдаются выбросы. Также не было обнаружено значимых отличий между средними значениями индекса асимметрии между этапами по Т-критерию Вилкоксона.

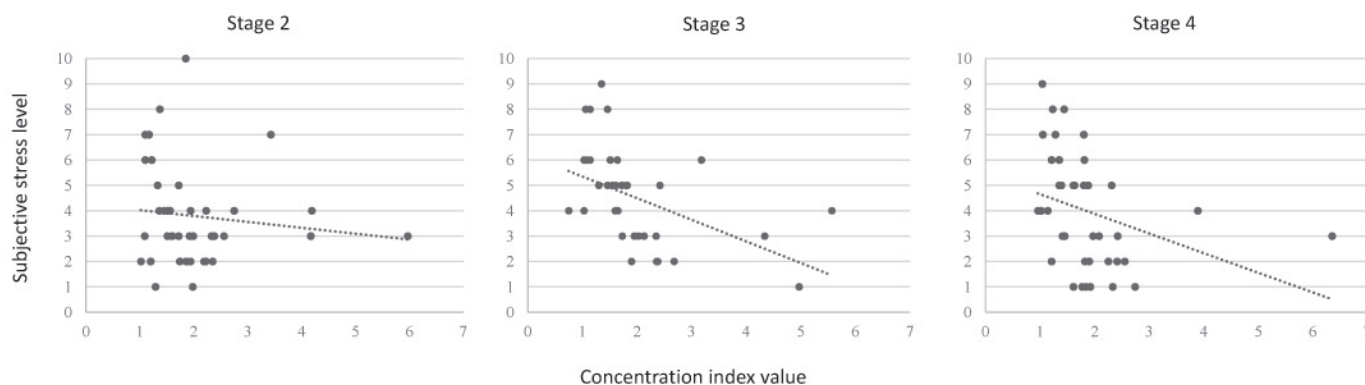

Figure 3

Graphs of the concentration index value distribution (beta/alpha rhythm) at stages with cognitive load (stages 2–4) depending on the level of subjective stress on a 10-point scale at the corresponding stages. Spearman's correlation analysis was conducted between these parameters at stage 2 ($p = 0.180$), at stage 3 ($p = 0.006$), at stage 4 ($p = 0.036$). The dotted line indicates the trend line

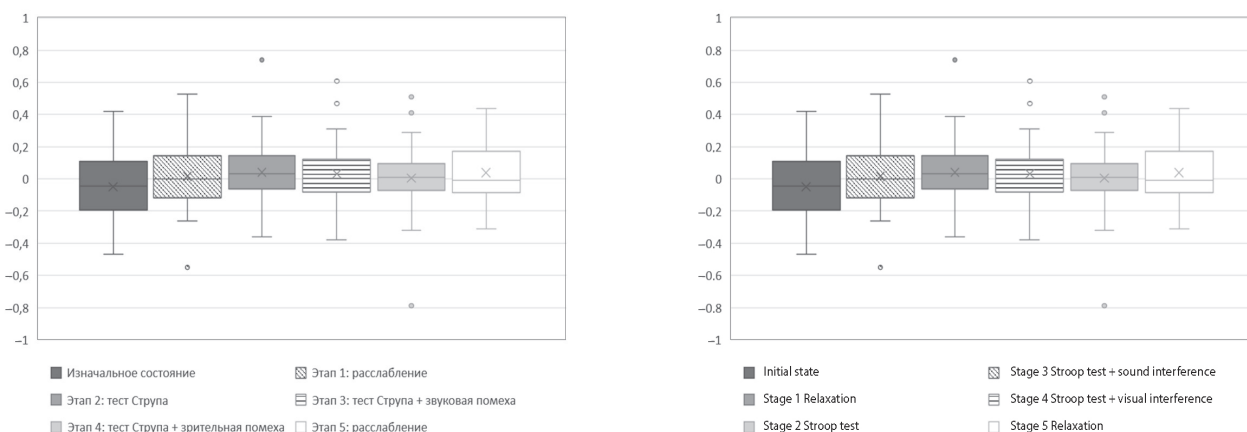

Рисунок 4

Значения индекса межполушарной альфа-асимметрии на электродах Т3–Т4 на различных этапах исследования ($n = 38$). Горизонтальными линиями указана медиана, крестами — среднее значение, точками — выбросы

Figure 4

Values of the interhemispheric alpha asymmetry index on the T3–T4 electrodes at different stages of the study ($n = 38$). The horizontal lines indicate the median, the crosses indicate the mean value, and the dots indicate outliers

С помощью корреляционного анализа Спирмена нам удалось найти связь между значением альфа-асимметрии и субъективным уровнем стресса во время решения задач. То есть при выраженности альфа-ритма на электроде Т3 по сравнению с электродом Т4 в фоновом режиме наблюдается более высокий стресс на этапах с когнитивной нагрузкой (этапы 2–4): в начальном состоянии $p < 0,01$, на этапе 1 $p < 0,05$. При этом значения альфа-асимметрии во время решения непосредственно когнитивных задач не имеет корреляций с субъективными методами.

На диаграммах (Рисунок 5) представлено графическое отображение зависимости индекса альфа-асимметрии от уровня субъективного стресса, усредненного по всем этапам с когнитивной нагрузкой (этапы 2–4). При большем стрессе наблюдается левосторонняя асимметрия, при меньшем стрессе — правосторонняя.

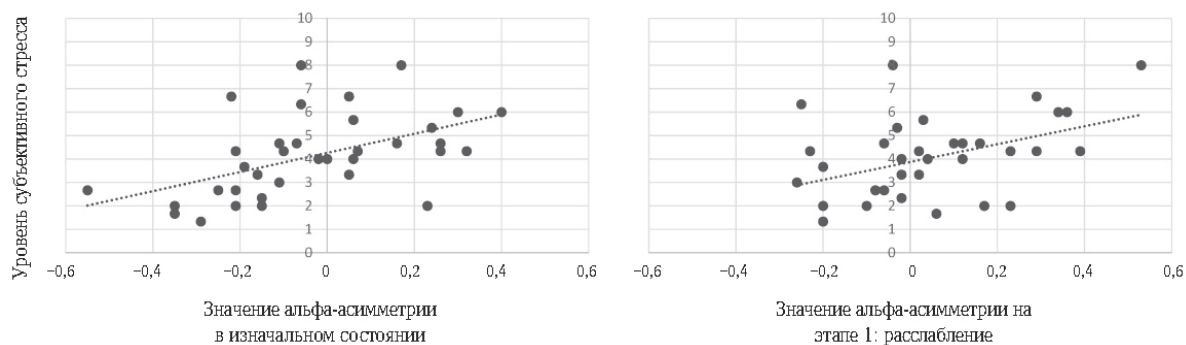

Рисунок 5

График распределения значения индекса межполушарной альфа-асимметрии на электродах Т3–Т4 в изначальном состоянии и на этапе 1 (расслабление) в зависимости от среднего уровня субъективного стресса по 10-балльной шкале на этапах 2–4 (когнитивная нагрузка). Был проведен корреляционный анализ Спирмена между данными параметрами в изначальном состоянии ($p = 0,000$), на этапе 1 ($p = 0,064$). Пунктиром обозначена линия тренда

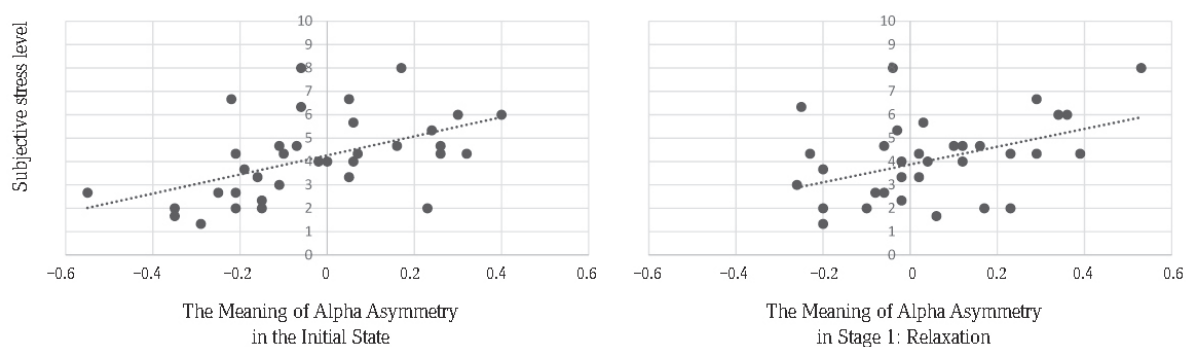

Figure 5

Graph of the distribution of the interhemispheric alpha asymmetry index value on the T3–T4 electrodes at the initial state and at stage 1 (relaxation) depending on the average level of subjective stress on a 10-point scale at stages 2–4 (cognitive load). Spearman's correlation analysis was applied to these parameters in the initial state ($p = 0.000$) and at stage 1 ($p = 0.064$). The dotted line indicates the trend line

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В результатах нашего исследования было показано, что на этапах с когнитивной нагрузкой происходит возрастание индекса концентрации, то есть соотношения мощностей бета-/альфа-ритмов, по сравнению с 1 этапом расслабления. Множество исследований показывает угнетение амплитуды альфа-ритма и возрастание амплитуды бета-ритма при стрессе. В двух исследованиях (Alonso et al., 2015; Riera et al., 2012) когнитивный стресс вызывался словесно-цветовым тестом Струпа. Было выявлено повышение значений данного соотношения.

Также в настоящем исследовании было обнаружено, что чем выше субъективный стресс от задач испытывает человек, тем ниже индекс концентрации. Сингапурским ученым (Smitha et al., 2017) удалось обнаружить разницу в индексе концентрации при решении словесно-цветового теста Струпа у людей с разным уровнем субъективного стресса. После прохождения каждой задачи испытуемые оценивали уровень стресса: 1 — нет стресса, 2 — испытываю стресс и чувствую себя хорошо, 3 — испытываю стресс и чувствую себя плохо. У людей, отметивших отсутствие стресса, выявлен низкий индекс концентрации, у людей со средним уровнем стресса (эустресс) выявлен очень высокий индекс концентрации. У тех же респондентов, которые отметили высокий уровень стресса (дистресс), наблюдался меньший уровень концентрации во время решения задач по сравнению участниками со средним уровнем субъективного стресса. Однако в исследовании (Ehrhardt et al., 2022) изучалась реактивность альфа- и бета-ритма при решении слухового теста последовательного сложения чисел на скорость (PASAT). При повышении сложности задачи не было значимых отличий в индексе концентрации от обычного решения задачи.

В результатах мы также выявили, что индекс концентрации изменялся на этапах с когнитивной нагрузкой по-разному в зависимости от уровня тревожности испытуемых. У менее тревожных испытуемых наблюдалось сильное повышение индекса концентрации на задачах, что связано с мобилизацией ресурсов организма. У более тревожных же людей реакция оказалась более инертной и индекс поднимался незначительно или даже опускался. Эксперимент (Dzhebrailova et al., 2021) также показал, что повышенная мощность бета-2-ритма во время когнитивной нагрузки наблюдается во всех областях коры головного мозга,

что говорит об активизации произвольного внимания. Однако такая закономерность была характерна только для испытуемых с низким уровнем личностной тревожности по тесту Спилбергера.

В результате анализа данных выявлена положительная корреляция между левосторонней альфа-асимметрией на электродах Т3–Т4 в покое (изначальное состояние и этап 1) и субъективным уровнем стресса на этапах с когнитивной нагрузкой (этапы 2–4). Таким образом, альфа-асимметрия в покое может быть показателем потенциальной реакции на когнитивную нагрузку. То есть альфа-асимметрия может говорить о низкой стрессоустойчивости, тревожном предчувствии или чувствительности нервной системы.

В других исследованиях наблюдаются схожие результаты. В одном из экспериментов в качестве стресса использовался холодовый прессорный тест на стопы (Zhang et al., 2018). Он привел к значительному увеличению кортизола, сердечно-сосудистых параметров и субъективных оценок стресса после воздействия (по 100-балльной шкале). Кроме того, анализ ЭЭГ выявил увеличение мощности альфа-ритма в левом полушарии во время фоновой записи с увеличением субъективного уровня стресса. При этом показатели фронтальной асимметрии во время самого холодового теста не были прогностическими ни для физиологических реакций, ни для субъективных оценок.

Изменения в лобной альфа-асимметрии наблюдаются при когнитивном стрессе, когда активируются передние отделы правого полушария. Исследования показывают усиление местного кровотока перед экзаменами в правых лобной и передних височных областях мозга в состоянии тревоги (Афтанас, 2000). Тревожное предчувствие также связано с альфа-асимметрией в лобных областях мозга. В одном исследовании (Härpfer et al., 2021) было обнаружено, что уровень тревожности, измеренный с помощью Пенсильванского опросника беспокойства, коррелирует с альфа-асимметрией в лобной области мозга.

Многие исследования также демонстрируют связь левосторонней лобной альфа-асимметрии с расстройствами тревожного спектра: социальное тревожное расстройство, посттравматическое стрессовое расстройство, генерализованное тревожное расстройство, паническое расстройство и др. (Гордеев и др., 2011; Meyer et al., 2015; Lorberbaum et al., 2004; McClure et al., 2007).

Таким образом, большинство результатов нашего исследования соотносится с предыдущими. Также получилось разобраться некоторые противоречия, существующие в литературе. Мы выделили отдельные физиологические маркеры, отвечающие за тревожность, оптимальный стресс и высокий стресс. При оптимальном стрессе значительно увеличивается индекс концентрации во время решения когнитивных задач, в двух других состояниях — увеличение незначительное. Также высокий, неадаптивный стресс характеризуется увеличением левосторонней альфа-асимметрии.

ВЫВОДЫ

В ходе исследования было выявлено, что при когнитивной нагрузке повышается индекс концентрации (бета/альфа соотношение) относительно фонового значения, что отражает активацию организма при выполнении заданий.

При высоком уровне тревожности по опросникам наблюдается более высокий субъективный стресс во время решения когнитивных задач. То есть тревожные люди больше подвержены стрессу, ярче его переживают.

При соотношении субъективных и объективных (ЭЭГ) данных мы обнаружили, что чем выше тревожность испытуемых по результатам опросников, тем слабее растет индекс концентрации на этапах с когнитивными заданиями, что может быть связано с тормозной активностью коры у данной группы людей. Субъективный уровень стресса во время решения когнитивных задач также имеет обратную корреляцию с индексом концентрации во время этих же заданий. Объясняется тем, что такой уровень напряжения уже является неадаптивным, или дистрессом, что может влиять на когнитивные функции. Данный индекс реактивный и отражает состояние напряжения человека в реальном времени.

Дополнительным физиологическим показателем, отражающим уровень стрессового напряжения, можно считать альфа-асимметрию. При наличии в фоновом состоянии левосторонней альфа-асимметрии наблюдается увеличение субъективного уровня стресса на последующих этапах с когнитивной нагрузкой. Таким образом, данный фактор может предсказывать высокий уровень стресса во время когнитивной нагрузки.

Данные исследования подтверждают гипотезу о том, что мобильные нейрофизиологические измерения могут быть эффективным средством для оценки тревожности. Результаты имеют большое значение для разработки методов ранней диагностики и индивидуализированного подхода в лечении тревожных расстройств. Таким образом, исследование демонстрирует потенциал интеграции мобильных технологий в практику психологического мониторинга и вмешательства, что может значительно улучшить качество жизни людей, страдающих тревожностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афтанас, Д.И. (2000). Эмоциональное пространство человека. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения Российской академии медицинских наук.

Габдреева, Г.Ш., Прохоров, А.О. (2004). Практикум по психологии состояний. Санкт-Петербург: Изд-во «Речь».

Габдулхакова, М.В. (2020). Разработка и апробация русскоязычной версии “The pennstate worry questionnaire” (PSWQ) (Пенсильванского опросника беспокойства/тревоги). Сборник материалов 14-й междунар. науч.-практич. конф. для студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей вузов (20–21 февраль, 2020 г.). (pp. 106–108). URL: <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/158766> (дата обращения 18.04.2024).

- Пашков, А.А., Дахтин, И.С., Харисова, Н.С. (2017). Электроэнцефалографические биомаркеры экспериментально индуцированного стресса. *Вестник Южно-Уральского государственного университета, серия «Психология»*, 10(4), 68–82. <http://doi.org/10.14529/psy170407>
- Alonso, J.F., Romero, S., Ballester, M.R., Antonijuan, R.M., Mañanas, M.Á. (2015). Stress assessment based on EEG univariate features and functional connectivity measures. *Physiological Measurement*, 36(7), 1351. <https://doi.org/10.1088/0967-3334/36/7/1351>
- Bayard, S., Erkes, J., Moroni, C. (2011). Victoria Stroop Test: normative data in a sample group of older people and the study of their clinical applications in the assessment of inhibition in Alzheimer's disease. *Archives of Clinical Neuropsychology*, 26(7), 653–661. <https://doi.org/10.1093/arclin/acr053>
- Bazanova, O.M., Vernon, D. (2014). Interpreting EEG alpha activity. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, (44), 94–110. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2013.05.007>
- Berretz, G., Packheiser, J., Wolf, O.T., Ocklenburg, S. (2022). Acute stress increases left hemispheric activity measured via changes in frontal alpha asymmetries. *Isience*, 25(2), 103841. <https://doi.org/10.1016/j.isci.2022.103841>
- Dzhebrailova, T.D., Korobeinikova, I.I., Karatygin, N.A., Biryukova, E.V., Venerina, Y.A. (2021). Dynamics of EEG spectral characteristics in subjects with various trait anxiety levels performing cognitive tests. *Human Physiology*, 47(1), 14–22. <http://doi.org/10.1134/S0362119721010035>
- Ehrhardt, N.M., Fietz, J., Kopf-Beck, J., Kappelmann, N., Brem, A.K. (2021). Separating EEG correlates of stress: Cognitive effort, time pressure, and social-evaluative threat. *European Journal of Neuroscience*, 55(9–10), 2464–2473. <https://doi.org/10.1111/ejn.15211>
- Giannakakis, G., Grigoriadis, D., Tsiknakis, M. (2015). Detection of stress/anxiety state from EEG. URL: https://few.com/neuroreport/abstract/2004/12220/neural_correlates_of_speech_anticipatory_anxiety.3.aspx (accessed: 01.05.2024).
- McClure, E.B., Monk, C.S., Nelson, E.E., Parrish, J.M., Adler, A., Blair, R.J.R., Pine, D.S. (2007). Abnormal Attention Modulation of Fear Circuit Function in Pediatric Generalized Anxiety Disorder. *Archives of General Psychiatry*, 64(1), 97–106. <https://doi.org/10.1001/archpsyc.64.1.97>
- Mennella, R., Patron, E., Palomba, D. (2017). Frontal alpha asymmetry neurofeedback for the reduction of negative affect and anxiety. *Behaviour Research and Therapy*, (92), 32–40. <https://doi.org/10.1016/j.brat.2017.02.002>
- Meyer, T., Smeets, T., Giesbrecht, T., Quaedflieg, C.W., Smulders, F.T., Meijer, E.H., Merckelbach, H.L. (2015). The role of frontal EEG asymmetry in post-traumatic stress disorder. *Biological Psychology*, (108), 62–77. <https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2015.03.018>
- Pavlenko, V.B., Chernyi, S.V., Goubkina, D.G. (2009). EEG correlates of anxiety and emotional stability in adult healthy subjects. *Neurophysiology*, 41(5), 337–345. <https://doi.org/10.1007/s11062-010-9111-2>
- Perez-Cano, H.J., Moreno-Murguía, M.B., Morales-Lopez, O., Crow-Buchanan, O., English, J.A., Lozano-Alcazar, J., Somilleda-Ventura, S.A. (2020). Anxiety, depression, and stress in response to the coronavirus disease-19 pandemic. *Cirugía y Cirujanos*, 88(5), 562–568. <https://doi.org/10.24875/CIRU.20000561>
- Riera, A., Soria-Frisch, A., Albajes-Eizaguirre, A., Cipresso, P., Grau, C., Dunne, S., Ruffini, G. (2012). Electro-Physiological Data Fusion for Stress Detection. *Annual Review of Cybertherapy and Telemedicine*, (181), 228–232. <https://doi.org/10.3233/978-1-61499-121-2-228>
- Smitha, K.G., Xin, N.Y., Lian, S.S., Robinson, N. (2017). Classifying subjective emotional stress response evoked by multitasking using EEG. *IEEE International Conference on Systems, Man and Cybernetics (SMC)* (October 5–8, 2017). (pp. 3036–3041). <https://doi.org/10.1109/SMC.2017.8123091>
- Zhang, X., Bachmann, P., Schilling, T., Naumann, E., Schächinger, H., Larra, M. (2018). Emotional stress regulation: The role of relative frontal alpha asymmetry in shaping the stress response. *Biological Psychology*, (138), 231–239. <https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2018.08.007>

REFERENCES

- Aftanas, D.I. (2000). Human emotional space. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Medical Sciences. (In Russ.)
- Alonso, J.F., Romero, S., Ballester, M.R., Antonijuan, R.M., Mañanas, M.Á. (2015). Stress assessment based on EEG univariate features and functional connectivity measures. *Physiological Measurement*, 36(7), 1351. <https://doi.org/10.1088/0967-3334/36/7/1351>
- Bayard, S., Erkes, J., Moroni, C. (2011). Victoria Stroop Test: normative data in a sample group of older people and the study of their clinical applications in the assessment of inhibition in Alzheimer's disease. *Archives of Clinical Neuropsychology*, 26(7), 653–661. <https://doi.org/10.1093/arclin/acr053>
- Bazanova, O.M., Vernon, D. (2014). Interpreting EEG alpha activity. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, (44), 94–110. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2013.05.007>
- Berretz, G., Packheiser, J., Wolf, O.T., Ocklenburg, S. (2022). Acute stress increases left hemispheric activity measured via changes in frontal alpha asymmetries. *Isience*, 25(2), 103841. <https://doi.org/10.1016/j.isci.2022.103841>
- Dzhebrailova, T.D., Korobeinikova, I.I., Karatygin, N.A., Biryukova, E.V., Venerina, Y.A. (2021). Dynamics of EEG spectral characteristics in subjects with various trait anxiety levels performing cognitive tests. *Human Physiology*, 47(1), 14–22. <http://doi.org/10.1134/S0362119721010035>
- Ehrhardt, N.M., Fietz, J., Kopf-Beck, J., Kappelmann, N., Brem, A.K. (2021). Separating EEG correlates of stress: Cognitive effort, time pressure, and social-evaluative threat. *European Journal of Neuroscience*, 55(9–10), 2464–2473. <https://doi.org/10.1111/ejn.15211>
- Gabdreeva, G.Sh., Prokhorov, A.O. (2004). State Psychology Workshop. St. Petersburg: Rech Publ. (In Russ.)
- Gabdulkhakova, M.V. (2020). Development and testing of the Russian-language version of “The Penn State Worry Questionnaire” (PSWQ). Fourteenth International Scientific and Practical Conference for Students, Undergraduates, Graduate Students, Young Scientists and University Teachers (February 20–21, 2020). (pp. 106–108). (In Russ.). URL: <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/158766> (accessed: 18.04.2024).
- Giannakakis, G., Grigoriadis, D., Tsiknakis, M. (2015). Detection of stress/anxiety state from EEG. URL: https://few.com/neuroreport/abstract/2004/12220/neural_correlates_of_speech_anticipatory_anxiety.3.aspx (accessed: 01.05.2024).
- McClure, E.B., Monk, C.S., Nelson, E.E., Parrish, J.M., Adler, A., Blair, R.J.R., Pine, D.S. (2007). Abnormal Attention Modulation of Fear Circuit Function in Pediatric Generalized Anxiety Disorder. *Archives of General Psychiatry*, 64(1), 97–106. <https://doi.org/10.1001/archpsyc.64.1.97>
- Mennella, R., Patron, E., Palomba, D. (2017). Frontal alpha asymmetry neurofeedback for the reduction of negative affect and anxiety. *Behaviour Research and Therapy*, (92), 32–40. <https://doi.org/10.1016/j.brat.2017.02.002>
- Meyer, T., Smeets, T., Giesbrecht, T., Quaedflieg, C.W., Smulders, F.T., Meijer, E.H., Merckelbach, H.L. (2015). The role of frontal EEG asymmetry in post-traumatic stress disorder. *Biological Psychology*, (108), 62–77. <https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2015.03.018>

Pashkov, A.A., Dakhtin, I.S., Kharisova, N.S. (2017). Electroencephalographic biomarkers of experimentally induced stress. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Psikhologiya = Bulletin of South Ural State University, Psychology Series*, 10(4), 68–82. (In Russ.). <https://doi.org/10.14529/psy170407>

Pavlenko, V.B., Chernyi, S.V., Goubkina, D.G. (2009). EEG correlates of anxiety and emotional stability in adult healthy subjects. *Neurophysiology*, 41(5), 337–345. <https://doi.org/10.1007/s11062-010-9111-2>

Perez-Cano, H.J., Moreno-Murguia, M.B., Morales-Lopez, O., Crow-Buchanan, O., English, J.A., Lozano-Alcazar, J., Somilleda-Ventura, S.A. (2020). Anxiety, depression, and stress in response to the coronavirus disease-19 pandemic. *Cirugía y Cirujanos*, 88(5), 562–568. <https://doi.org/10.24875/CIRU.20000561>

Riera, A., Soria-Frisch, A., Albajes-Eizaguirre, A., Cipresso, P., Grau, C., Dunne, S., Ruffini, G. (2012). Electro-Physiological Data Fusion for Stress Detection. *Annual Review of Cybertherapy and Telemedicine*, (181), 228–232. <https://doi.org/10.3233/978-1-61499-121-2-228>

Smitha, K.G., Xin, N.Y., Lian, S.S., Robinson, N. (2017). Classifying subjective emotional stress response evoked by multitasking using EEG. *IEEE International Conference on Systems, Man and Cybernetics (SMC)* (October 5–8, 2017). (pp. 3036–3041). <https://doi.org/10.1109/SMC.2017.8123091>

Zhang, X., Bachmann, P., Schilling, T., Naumann, E., Schächinger, H., Larra, M. (2018). Emotional stress regulation: The role of relative frontal alpha asymmetry in shaping the stress response. *Biological Psychology*, (138), 231–239. <https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2018.08.007>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

**Анна Дмитриевна
Леонтьева**

Anna D. Leonteva

Специалитет, кафедра клинической психофизиологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; младший нейрофизиолог АО «Нейрореволюция», Москва, Российская Федерация, leoannadm@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-7940-6022>

Specialist Degree, Department of Clinical Psychophysiology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; Junior Neurophysiologist, Neurorevolution JSC, Moscow, Russian Federation, leoannadm@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-7940-6022>

**Алексей Сергеевич
Зубарев**

Alexey S. Zubarev

Студент кафедры вычислительной математики механико-математического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; аналитик данных, АО «Нейрореволюция», Москва, Российская Федерация, scz.aleksey@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-4580-8138>

Undergraduate Student, Department of Computational Mathematics, Faculty of Mechanics and Mathematics, Lomonosov Moscow State University; Data Analyst, Neurorevolution JSC, Moscow, Russian Federation, scz.aleksey@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-4580-8138>

Поступила: 19.08.2024; получена после доработки:
12.11.2024; принята в печать: 20.12.2024.

Received: 19.08.2024; revised:
12.11.2024; accepted: 20.12.2024.

■ Особенности организационного поведения сотрудников с феноменом самозванца

Н.А. Руднова ¹ , М.С. Шевелева ²

¹ Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Пермь, Российская Федерация

 rudnova.na@yandex.ru

РЕЗЮМЕ

Актуальность. Согласно существующим данным, порядка 40% работающего населения демонстрируют феномен самозванца. Это означает, что почти половина трудящихся взрослых имеет внутренние препятствия для карьерного развития. Установлено, что профессиональное благополучие в целом и качество выполнения рабочих задач в частности зависят от уровня удовлетворенности трудом и от особенностей поведения сотрудника на рабочем месте. Тем не менее исследования, посвященные изучению поведенческих особенностей сотрудников с феноменом самозванца в контексте их удовлетворенности факторами труда, среди отечественных работ, значительно ограничены.

Цель. Цель данной работы — выявить особенности организационного поведения сотрудников с феноменом самозванца в связи с уровнем их удовлетворенности трудом.

Выборка. В кросс-секционном исследовании принял участие 331 взрослый работающий респондент в возрасте от 18 до 68 лет. **Методы.** Все участники исследования заполнили анкету, включающую Шкалу феномена самозванца П. Кланс, опросники «Индивидуальное выполнение работы» Л. Купманс, «Прокрастинация на рабочем месте» Б. Метина и «Диагностика структуры мотивов трудовой деятельности» Т.Л. Бадоева.

Результаты. В результате установлено, что сотрудники с низкой выраженностью феномена самозванца (как удовлетворенные трудом, так и нет) продемонстрировали более высокие показатели поведения, направленного на решение рабочих задач и более низкие — контрпродуктивного поведения и прокрастинации на рабочем месте.

Выводы. На основании результатов исследования выдвигается предположение о том, что предиктором поведения, направленного на решение рабочих задач, будет выступать феномен самозванца; поведения, направленного на поддержание организационных ценностей — удовлетворенность трудом, а для контрпродуктивного и прокрастинационного поведения — оба этих фактора профессионального благополучия.

Ключевые слова: феномен самозванца, удовлетворенность трудом, организационное поведение, контрпродуктивное поведение, прокрастинация

Для цитирования: Руднова, Н.А., Шевелева, М.С. (2025). Особенности организационного поведения сотрудников с феноменом самозванца. *Национальный психологический журнал*, 20(1), 86–97. <https://doi.org/10.11621/npj.2025.0108>

■ Organizational Behaviour in Employees with Impostor Phenomenon

Natalia A. Rudnova ¹ , Marina S. Sheveleva ²

¹ Federal Scientific Center for Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation

² HSE University, Perm, Russian Federation

 rudnova.na@yandex.ru

ABSTRACT

Background. According to current research, about 40% of working adults are prone to the Imposter Phenomenon. It means that about half of employees have intrinsic obstacles for career development. It has been shown that both professional wellbeing and the quality of work performance depend on the level of work satisfaction to a larger degree. However, there is a critical lack of studies on a Russian sample on how employees with high Imposter Phenomenon behave at workplace depending on their level of satisfaction with different occupational factors.

Objectives. The objective of this research is to study organizational behaviour in employees with high Imposter Phenomenon depending on the level of their job satisfaction.

Study Participants. 331 working Russian respondents with the age range from 18 to 68 took part in this cross-sectional study.

Methods. They filled out the questionnaire containing four scales: Clance Impostor Phenomenon Scale, Individual Work Performance Questionnaire by L. Koopmans, Procrastination at Work Scale by U. Metin and The Structure of the Performance Incentives by T. Badoev.

Results. The results of the statistical analysis indicate that the employees with low Imposter Phenomenon (both satisfied with their job and not) demonstrate higher behavioral indicators of readiness to solve working problems and lower behavioral indicators of counterproductive working behaviour and procrastination at the workplace.

Conclusions. The results of the current study lead to the assumption that the Impostor Phenomenon could be a predictor of the behaviour connected with solving working tasks; work satisfaction could be a predictor of the behaviour connected with supporting company values. Both the Impostor Phenomenon and work satisfaction could serve as the predictors to counterproductive working behaviour and procrastination at the workplace.

Keywords: Impostor phenomenon, job satisfaction, organizational behaviour, counterproductive work behaviour, work procrastination

For citation: Rudnova, N.A., Sheveleva, M.S. (2025). Organizational behaviour in employees with impostor phenomenon. *National Psychological Journal*, 20(1), 86–97. <https://doi.org/10.11621/npj.2025.0108>

ВВЕДЕНИЕ

Согласно существующим данным, порядка 40% работающего населения подвержены феномену самозванца (Шевелева и др., 2021; Шевелева и др., 2022). Это означает, что почти половина трудящихся взрослых имеет внутренние препятствия для карьерного развития и сложности с принятием профессиональных достижений, а также — самооценкой (Шевелева и др., 2021б). Более того, сотрудники с выраженным феноменом самозванца склонны достаточно низко оценивать свои способности и объяснять неудачи внутренними факторами (Thompson et al., 1998; Schubert, Bowker, 2017), что негативно влияет на профессиональное благополучие (Шевелева, 2023; Шевелева и др., 2022) и построение карьеры (Neureiter, Traut-Mattausch, 2016). Установлено, что профессиональное благополучие в целом и качество выполнения рабочих задач, в частности, в определенной степени зависят от уровня удовлетворенности трудом (Meurer, Costa, 2020) и от особенностей поведения сотрудника на рабочем месте (Chiang, Hsieh, 2022). Тем не менее, исследований, посвященных изучению поведенческих особенностей сотрудников с феноменом самозванца в контексте их удовлетворенности факторами труда, среди отечественных исследований нет.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель настоящего исследования — выявить особенности организационного поведения сотрудников с феноменом самозванца в связи с уровнем их удовлетворенности трудом.

Феномен самозванца

Феномен самозванца можно охарактеризовать как уверенность человека в том, что он не вписывается в профессиональную среду, поскольку, по мнению сотрудника с феноменом самозванца, его успех в выбранной сфере деятельности является случайностью, совпадением или ошибкой социальной перцепции (Matthews, Clance, 1985), но не результатом его собственных способностей, умений и вложенных сил (Bernat, 2008). Такой сотрудник постоянно переживает, что окружающие обмануты им, имеют неверное представление о его возможностях и способностях, и в ближайшее время он будет разоблачен.

В последнее время в научной литературе отмечено увеличение количества публикаций о феномене самозванца (Bravata et al., 2019; Шевелева, 2023). В 2019 году было опубликовано два значимых обширных обзора работ по феномену самозванца (Bravata et al., 2019; Mak et al., 2019). Первый систематический обзор (Bravata et al., 2019) анализирует статьи, касающиеся распространенности, предикторов и способов снижения выраженности феномена самозванца. В качестве аргумента возрастания интереса к изучению данного феномена авторы приводят факт, что с 1990 по 2019 год было опубликовано 284 работы по

феномену самозванца, причем половина из них появилась за последние 5 лет. В проанализированных работах распространенность феномена среди изучаемого населения варьировалась от 9% до 82% в зависимости от используемой шкалы и границ нормы выраженности феномена. Второй систематический обзор включает статьи, темой которых являются шкалы измерения данного феномена, психометрические свойства имеющихся шкал, адаптации на другие языки (Mak et al., 2019). В обзоре показано, что с 1978 года в научных журналах опубликовано более 1200 исследований, посвященных феномену самозванца, при этом 80% работ появилось за последние 20 лет.

Исследования феномена самозванца в профессиональной среде представляет значимую группу опубликованных исследований (Mak et al., 2019), так как имеют практическую значимость для организаций с точки зрения развития и удержания человеческих ресурсов. Подобный интерес специалистов по подбору и развитию кадров вполне объясним, так как убежденность в собственном непрофессионализме и некомпетентности (к которым и приводит феномен самозванца) — неблагоприятный фактор трудовой деятельности, поскольку делает отрицательный вклад в профессиональное благополучие (Шевелева и др., 2021a), связан с тревожностью (Addae-Konadu et al., 2022), выгоранием (Villwock et al., 2016) и является препятствием карьерного роста (Neureiter, Traut-Mattausch, 2016). Сотрудникам с феноменом самозванца свойственен низкий уровень профессиональной удовлетворенности (Vergauwe et al., 2015) ввиду их чрезмерно критичного самовосприятия (Cokley et al., 2015) и низкой самооценки (Lee et al., 2022).

Исследователи отмечают, что распространенность феномена является достаточно высокой (Шевелева и др., 2022; Шевелева и др., 2021b), поскольку феномен самозванца характерен для специалистов в сферах, где количественное измерение успеха затруднено (Parkman, 2016), часто проявляется как у сотрудников, только принявших новую профессиональную роль (Schubert, Bowker, 2017), так и среди тех, чье мнение уже считают экспертным (Bernat, 2008).

Организационное поведение

Конструкт организационного поведения в современной науке не имеет единого понимания, а определение его границ и содержания может значительно отличаться в разных дисциплинах и подходах. Так, организационное поведение — это и дисциплина, рассматривающая поведенческий подход к управлению (Дайнеко, 2022), и область исследований, которая занимается изучением представлений, ценностей, отношений и действий сотрудников (Погудина, 2013). В рамках организационной психологии изучаются отдельные формы организационного поведения, например, контрпродуктивное и организационное гражданское поведение (Сидоренков, Бохоровский, 2020).

В настоящем исследовании под организационным поведением понимается «комплекс действий и поступков работников в социально-экономической системе (организации), складывающихся под влиянием субъективных и объективных факторов, возникающих в сфере труда, и определенным образом влияющих на результаты совместной трудовой деятельности» (Клименко, Шупило, 2014, с. 116). При этом ряд авторов указывает на рост субъективных факторов организационного поведения (Тригорян, Лебедева, 2014; Кочетков и др., 2023; Темницкий, 2002).

На сегодняшний день выделено несколько форм организационного поведения, как созидательных, направленных на решение рабочих задач, так и деструктивных, затрудняющих достижение поставленных целей.

Л. Купманс с коллегами (Koopmans et al., 2011) выделили три формы организационного поведения — поведение, связанное с решением рабочих задач; поведение, выходящее за рамки должностных обязанностей, но направленное на поддержание и реализацию организационных ценностей; и контрпродуктивное поведение. Первая форма, названная «выполнение задач», является наиболее обобщенной характеристикой трудового поведения сотрудников. Она отражает профессиональное мастерство и включает успешное выполнение рабочих задач, поддержание актуальности профессиональных знаний, организованность и тщательность при выполнении обязанностей. Вторая форма — «контекст выполнения задач» — описывает поведение, основанное на инициативе сотрудника, поддерживающее благоприятный психологический климат в коллективе и атмосферу конструктивного взаимодействия. Ряд авторов называют такое поведение организационным гражданским поведением (Гулевич, 2013). Третья форма — «контрпродуктивное поведение» — поведение, которое наносит ущерб конечному результату труда и производительности организации. К нему могут относиться прогулы, обсуждение негативных сторон работы, фиксация на проблемах и др.

Еще одной формой организационного поведения является прокрастинация на рабочем месте — откладывание выполнения рабочих задач на более позднее время путем вовлеченности в нерабочие дела, в основе которых нет прямого намерения нанести вред сотруднику, работодателю, рабочему месту или клиенту (Metin et al., 2016). Склонность откладывать дела на рабочем месте может проявляться в двух поведенческих стратегиях: в уклонении и киберслекинге (Metin et al., 2020). Первая проявляется в длительных перерывах, в беседах с коллегами на личные темы, фантазировании, вторая — в использовании ресурсов сети Интернет в личных целях в рабочее время.

Предыдущие исследования показали, что сотрудники, удовлетворенные работой, в большей степени склонны к таким позитивно оцениваемым формам поведения (Рудакова, 2019), в частности, к выполнению рабочих задач и организационному гражданскому поведению (Budi Santoso et al., 2021) и в меньшей — к негативным, например, контрпродуктивному поведению (Sambung, 2019) и прокрастинации на рабочем месте (Sığırcıkoğlu, Güğercin, 2022). При этом феномен самозванца с указанными формами организационного поведения связан скорее обратным образом. Так, в исследовании, выполненном на выборке студентов, высокому уровню феномена самозванца соответствовали низкий уровень академического гражданского поведения и высокий уровень контрпродуктивного академического поведения (Meurer, Costa, 2022).

Поскольку отечественных или зарубежных исследований, учитывающих как уровень удовлетворенности, так и выраженность феномена самозванца, нами не обнаружено, целью настоящей работы является выявление особенностей организационного поведения сотрудников, которым свойственен феномен самозванца, в связи с их удовлетворенностью трудом.

ГИПОТЕЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Гипотеза исследования заключается в том, что сотрудники с разной выраженностью феномена самозванца и удовлетворенности труда отличаются по показателям организационного поведения.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Шкала феномена самозванца П. Кланс (Шевелева и др., 2021б) включает 20 утверждений, которые оцениваются по шкале Лайкерта от 1 («Никогда») до 5 («Очень часто»). Шкала направлена на выявление уверенности человека в том, что его успешность — результат случая, ошибки, симпатии окружающих, но не его способностей или умений. Альфа Кронбаха — 0,92.

Опросник «Индивидуальное выполнение работы» Л. Купманс (Koormans et al., 2011; Руднова, Корниенко, 2022) включает 18 пунктов, которые объединяются в три шкалы. Первые пять пунктов образуют шкалу «Выполнение задач». Она позволяет респонденту оценить свое поведение на рабочем месте, связанное с завершенностью рабочих задач, своевременным обновлением профессиональных знаний, планированием и организованностью труда и др. Шкала «Контекст выполнения задач» содержит восемь пунктов и направлена на диагностику поведения сотрудника, основанного на его инициативности и энтузиазме, выходящего за рамки его непосредственных обязанностей, но направленного на сохранение и развитие организационных ценностей, продуктивной и комфортной психологической атмосферы в коллективе. Пункты указанных шкал оцениваются респондентами от 0 («Редко») до 4 («Всегда»). Третья шкала опросника «Контрпродуктивное поведение» позволяет установить субъективную оценку выраженности поведения сотрудника, которое наносит ущерб благополучию организации. Данная шкала включает пять пунктов и оценивается по шкале Лайкерта от 0 («Никогда») до 4 («Часто»). Несмотря на то, что методика основана на методе самоотчета и ее результаты характеризуют скорее субъективные представления сотрудников об их организационном поведении, при помощи показателей описанных шкал допускается описание организационного поведения сотрудников в целом (Руднова, Корниенко, 2022; Шевелева и др., 2022). Показатель альфы Кронбаха для шкалы «Выполнение задач» — 0,80, для шкалы «Контекст выполнения задач» — 0,85, для шкалы «Контрпродуктивное поведение» — 0,81. Показатели соответствия: CMIN = 252,68, CMIN/DF = 1,96, TLI = 0,93, CFI = 0,94, RMSEA = 0,07, SRMR = 0,06.

Опросник «Прокрастинация на рабочем месте» (Metin et al., 2020) содержит 12 утверждений, которые респонденты оценивают по шкале Лайкерта от 0 («Никогда») до 6 («Всегда»). Методика позволяет установить выраженность двух стратегий поведения прокрастинаторов на рабочем месте. Шкала «Уклонение» включает 8 пунктов и диагностирует субъективную оценку респондентов прокрастинационного поведения на рабочем месте, которое проявляется в фантазировании, в длительных перерывах, отвлеченных от выполнения профессиональных задач бесед с коллегами и в других приятных, но не рабочих занятиях. Шкала «Киберслекинг» состоит из 4 пунктов. Они позволяют сотрудникам оценить откладывание выполнения профессиональных задач на поздний срок путем использования ресурсов сети Интернет для личных целей в рабочее время. Альфа Кронбаха для шкал «Уклонение» и «Киберслекинг» — 0,86 и 0,81 соответственно, показатели соответствия: CMIN = 123,26, CMIN/DF = 2,48, TLI = 0,94, CFI = 0,95, RMSEA = 0,07, SRMR = 0,06.

Методика «Диагностика структуры мотивов трудовой деятельности» Т.Л. Бадоева использовалась для диагностики удовлетворенности тринадцатью факторами трудовой деятельности (Ильин, 2011). В настоящей работе методика работает как единая шкала, позволяющая вычислить обобщенный индекс удовлетворенности трудом.

Для математико-статистического анализа данных были использованы описательные статистики, корреляционный анализ, сравнительный анализ с использованием критерия Манна — Уитни.

ВЫБОРКА

Участие в исследовании принял 331 человек в возрасте от 18 до 68 лет ($M = 34,3$; $SD = 11,5$), 44% — мужчины. Все участники трудоустроены, на полную занятость — 86%, на неполную — 14%, стаж работы — от 0,5 до 47 лет ($M = 12,2$; $SD = 11,2$). Из них высшее образование имеют 39%, незаконченное высшее — 13%, среднее профессиональное — 41%, среднее общее — 7%. Респонденты указали, что в рабочее время имеют свободный доступ к сети Интернет.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выявление общей картины взаимосвязей переменных было реализовано при помощи корреляционного анализа. Согласно полученным результатам (Таблица 1), Феномен самозванца отрицательно связан с Удовлетворенностью трудом ($r = -0,25$, $p < 0,001$) и Выполнением задач ($r = -0,37$, $p < 0,001$), положительно — с Контрпродуктивным поведением ($r = 0,52$, $p < 0,001$), Уклонением ($r = 0,56$, $p < 0,001$), Киберслекингом ($r = 0,42$, $p < 0,001$) и не связан с Контекстом выполнения задач. Удовлетворенность трудом положительно связана с Выполнением задач ($r = 0,18$, $p < 0,001$) и Контекстом выполнения задач ($r = 0,16$, $p < 0,001$), отрицательно — с Контрпродуктивным поведением ($r = -0,28$, $p < 0,001$), Уклонением ($r = -0,34$, $p < 0,001$), Киберслекингом ($r = -0,28$, $p < 0,001$).

Таблица 1

Результаты корреляционного анализа

Переменные	1	2	3	4	5	6
1. Феномен самозванца	—					
2. Выполнение задач	−0,32***	—				
3. Контекст выполнения задач	−0,09	0,35***	—			
4. Контрпродуктивное поведение	0,52***	−0,24***	−0,06	—		
5. Уклонение	0,56***	−0,45***	−0,17**	0,48***	—	
6. Киберслекинг	0,42***	−0,20***	−0,08	0,30***	0,65***	—
7. Удовлетворенность трудом	−0,25***	0,18***	0,16**	−0,28***	−0,34***	−0,28***

Примечание. ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$

Table 1

Results of correlation analysis

Variables	1	2	3	4	5	6
1. Imposter phenomenon	—					
2. Task performance	−0.32***	—				
3. Contextual performance	−0.09	0.35***	—			
4. Counterproductive work behavior	0.52***	−0.24***	−0.06	—		
5. Soldiering	0.56***	−0.45***	−0.17**	0.48***	—	
6. Cyberslacking	0.42***	−0.20***	−0.08	0.30***	0.65***	—
7. Work satisfaction	−0.25***	0.18***	0.16**	−0.28***	−0.34***	−0.28***

Note. ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$

Для выявления особенностей организационного поведения сотрудников с феноменом самозванца все респонденты были разделены на группы с показателями по феномену самозванца и удовлетворенности трудом выше и ниже среднего (Таблица 2). Самой малочисленной оказалась группа сотрудников с высокими показателями феномена самозванца, удовлетворенных трудом (16% выборки), самой большой — группа сотрудников, удовлетворенных трудом, но с не выраженным феноменом самозванца (36%). Дисперсионный анализ показал значимые различия по выраженности феномена самозванца ($F(3\ 327) = 212,65$, $p < 0,001$) между группами с высокими (группы 2 и 4) и низкими (группы 1 и 3) показателями, а также по выраженности удовлетворенности труда ($F(3\ 327) = 259,55$, $p < 0,001$) между группами с высокими (группы 1 и 2) и низкими показателями (группы 3 и 4). Поскольку проверка распределения признаков на соответствие закону нормального распределения показала значимый результат для критерия Шапиро — Уилка ($p < 0,001$), для реализации сравнительного анализа будет использован критерий Манна — Уитни.

Таблица 2

Характеристики сравниваемых групп

Группы	Феномен самозванца (ср. ар. по выборке — 2,46)		Удовлетворенность трудом (ср. ар. по выборке — 4,84)		К-во
	Ср. ар. в группе	Маркер	Ср. ар. в группе	Маркер	
Группа 1	1,97	Ниже среднего	3,29	Ниже среднего	69
Группа 2	3,20	Выше среднего	3,34	Ниже среднего	90
Группа 3	1,89	Ниже среднего	6,11	Выше среднего	118
Группа 4	3,07	Выше среднего	5,99	Выше среднего	54

Примечание. Ср. ар. — среднее арифметическое; К-во — количество респондентов в группе

Table 2

Characteristics of groups

Groups	Imposter phenomenon (mean for sample — 2.46)		Work satisfaction (mean for sample — 4.84)		N
	Mean	Indicator	Mean	Indicator	
Group 1	1.97	Lower than the mean	3.29	Lower than the mean	69
Group 2	3.20	Greater than the mean	3.34	Lower than the mean	90
Group 3	1.89	Lower than the mean	6.11	Greater than the mean	118
Group 4	3.07	Greater than the mean	5.99	Greater than the mean	54

Note. N — the number of respondents in the group

Сравнительный анализ позволил выявить, что существуют различия в организационном поведении между исследуемыми группами (Таблица 3). В частности, установлено, что Выполнение задач значимо выше в Группе 1, чем в Группе 2, а в Группе 3, чем в Группе 4. Показатель Контекста выполнения задач значимо выше в Группе 3, чем в Группе 1. Контрпродуктивное поведение в большей степени выражено в Группе 2, чем в Группе 1 и 4, а в Группе 4 этот показатель значимо выше, чем в Группе 3. Уклонение и Киберслекинг как стратегии прокрастинации на рабочем месте в Группе 1 и 4 значимо ниже, чем в Группе 2, но выше, чем в Группе 3.

Таблица 3

Результаты сравнительного анализа

	Выполнение задач		Контекст выполнения задач		Контрпродуктивное поведение		Уклонение		Киберслекинг	
	Средний ранг	U	Средний ранг	U	Средний ранг	U	Средний ранг	U	Средний ранг	U
Группа 1	95,09	2064***	80,51	3069,5	56,51	1484,5***	57,7	1566***	64,67	2047***
Группа 2	68,43		79,61		98,01		97,1		91,76	
Группа 1	85,81	3506	81,22	3189***	103,41	3422	112,53	2792,5***	108,34	3081,5***
Группа 3	98,79		101,47		88,5		83,17		85,61	
Группа 2	68,86	2102,5	68,49	2069,5	83,57	1434***	79,28	1819,5*	78,48	1892*
Группа 4	78,56		79,18		54,06		61,19		62,54	
Группа 3	95,31	2146,5***	88,98	2893	78,34	2223,5***	71,26	1387,5***	76,58	2016***
Группа 4	67,25		81,07		104,32		119,81		108,17	

Примечание. ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$; U — показатель критерия Манна — Уитни

Table 3

Results of comparative analysis

	Task performance		Contextual perfor- mance		Counterproductive work behaviour		Soldiering		Cyberslacking	
	Average Rank	U	Average Rank	U	Average Rank	U	Average Rank	U	Average Rank	U
Group 1	95.09	2064***	80.51	3069.5	56.51	1484.5***	57.7	1566***	64.67	2047***
Group 2	68.43		79.61		98.01		97.1		91.76	
Group 1	85.81	3506	81.22	3189***	103.41	3422	112.53	2792.5***	108.34	3081.5***
Group 3	98.79		101.47		88.5		83.17		85.61	
Group 2	68.86	2102.5	68.49	2069.5	83.57	1434***	79.28	1819.5*	78.48	1892*
Group 4	78.56		79.18		54.06		61.19		62.54	
Group 3	95.31	2146.5***	88.98	2893	78.34	2223.5***	71.26	1387.5***	76.58	2016***
Group 4	67.25		81.07		104.32		119.81		108.17	

Note. ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$; U — value of U of Mann — Whitney test

Таким образом, можно заключить, что сотрудники с невыраженным феноменом самозванца (как удовлетворенные, так и нет) продемонстрировали более высокие показатели Выполнения задач и более низкие — Контрпродуктивного поведения, Уклонения и Киберслекинга. При этом Контекст выполнения задач выше в группах удовлетворенных трудом сотрудников, как с низкими, так и с высокими показателями феномена самозванца. Визуализация выраженности средних показателей организационного поведения в исследуемых группах представлена на Рисунке 1.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Более ранние исследования описывают связь феномена самозванца и организационного поведения, связанного с успешным достижением профессиональных целей как неоднозначную (Thompson et al., 2000; Want, Kleitman, 2006), однако нами обнаружена отрицательная связь. Также, феномен самозванца показал положительную связь с неконструктивными формами организационного поведения (контрпродуктивным поведением и прокрастинацией на рабочем месте) и отрицательно — с удовлетворенностью факторами труда, что соответствует уже существующим данным (Badawy et al., 2018; Meurer, Costa, 2021).

Отдельно необходимо обсудить наличие группы респондентов с высокой выраженностью феномена самозванца, но демонстрирующих достаточную удовлетворенность трудом. Сочетание таких показателей может служить косвенным доказательством существования группы индивидов, которые не являются истинными носителями феномена самозванца, но, скорее, намеренно демонстрируют отношение к трудовому процессу, свойственное носителям феномена самозванца с целью получения эмоциональной или стратегической вторичной выгоды. Такая группа индивидов была выделена и описана в недавнем зарубежном исследовании, направленном на изучение гомогенности группы носителей феномена самозванца (Leonhardt et al., 2017).

Реализованный сравнительный анализ свидетельствует, что у сотрудников, которые демонстрируют невысокие показатели феномена самозванца, поведение, связанное с решением рабочих задач, проявляется чаще, чем у сотрудников, склонных к феномену самозванца, независимо от уровня удовлетворенности как в той, так и в другой группе. При этом можно предположить, что именно уровень удовлетворенности трудом имеет большее значение для поведения, направленного на поддержание организационных ценностей, поскольку в группах сотрудников с высокими и низкими показателями этого феномена различий не обнаружено.

Полученные данные расширяют и дополняют предыдущее исследование бельгийских авторов, в котором показано, что сотрудники с выраженной чертой феномена самозванца демонстрируют меньшую удовлетворенность работой и менее склонны принимать участие в общественно значимых проектах организации (Vergauwe et al., 2015). По мнению авторов исследования, в основе низкой удовлетворенности работой у сотрудников, склонных к феномену самозванца, лежит страх разоблачения, высокий уровень тревожности и сомнения в собственной компетентности. Тот факт, что сотрудники с выраженной чертой самозванца менее склонны принимать участие в проектах организации, выходящих за рамки должностной инструкции, объясняется ограниченностью ресурсов. Сотрудники с феноменом самозванца тратят очень много сил и энергии на выполнение непосредственных обязанностей и находятся в постоянном страхе разоблачения. Поскольку высокие личностные достижения являются необходимой составляющей относительного психологического комфорта таких сотрудников, а ресурсы ограничены, у таких сотрудников просто не остается ни сил, ни времени для участия в общественно значимых проектах работодателя.

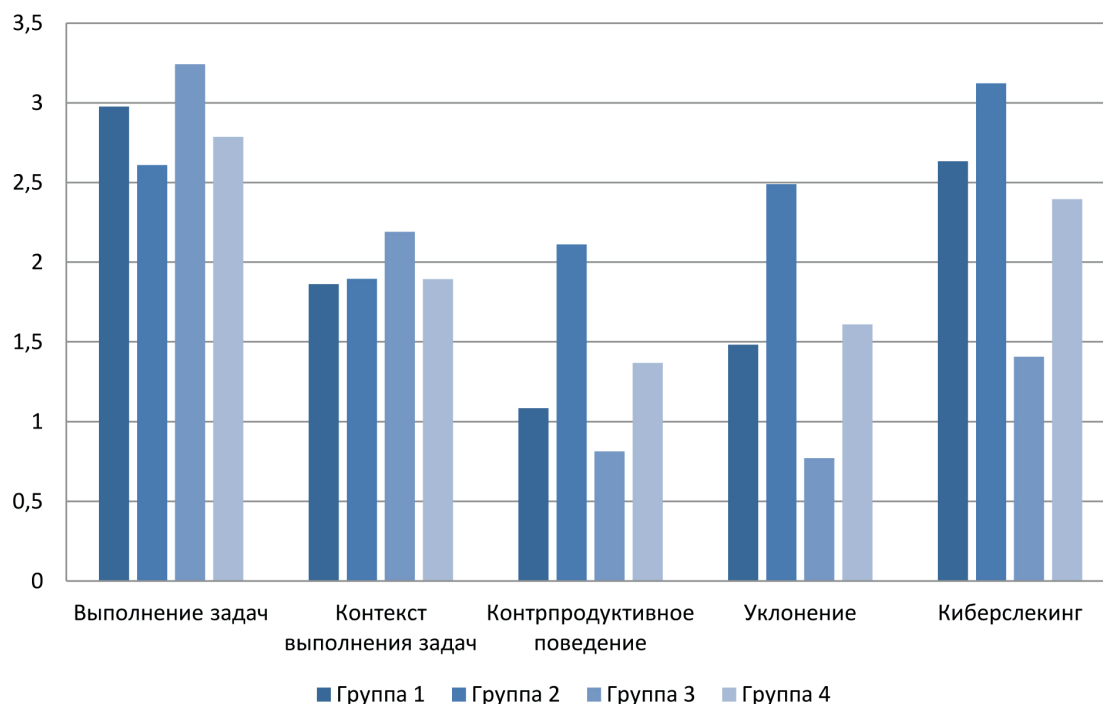

Рисунок 1

Выраженность показателей организационного поведения в исследуемых группах

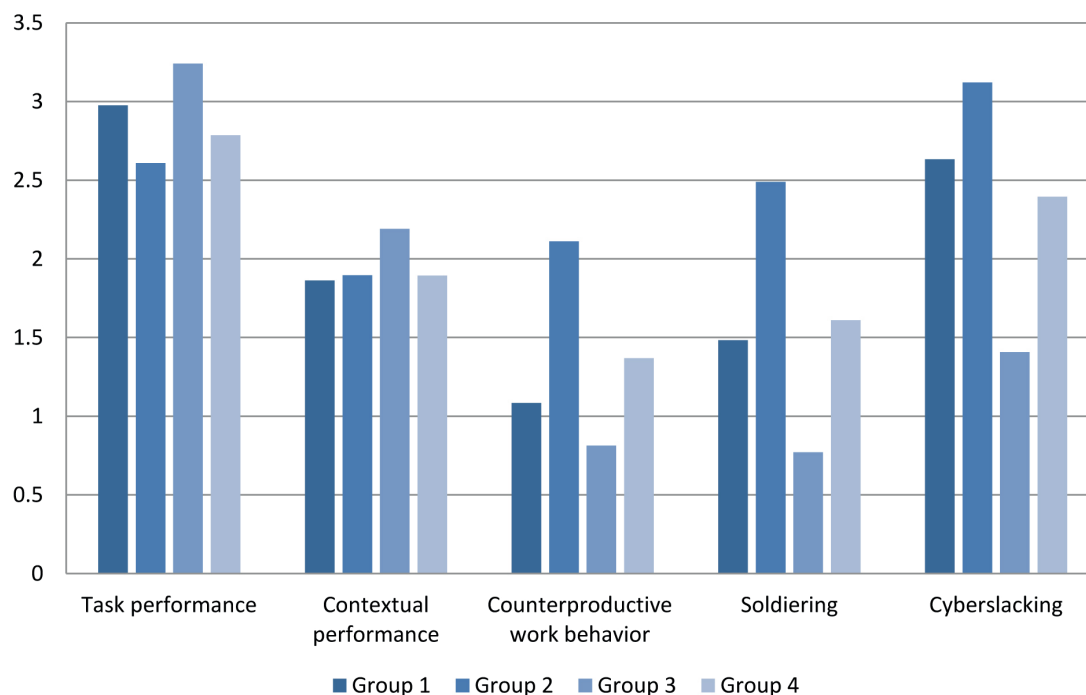

Figure 1

Value of the indicators of organizational behaviour in the studied groups

Если рассматривать различия в поведении, которое принято считать неконструктивным, то в группе сотрудников с низкими показателями феномена самозванца выраженность контрпродуктивного поведения не зависит от удовлетворенности трудом, а в группе «самозванцев» даже удовлетворенность не может предотвратить такое поведение. Различия в исследуемых группах по стратегиям прокрастинации схожи и можно заключить, что в целом к прокрастинации на рабочем месте более склонны сотрудники, не удовлетворенные трудом и демонстрирующие высокие показатели феномена самозванца, менее склонны — работники, удовлетворенные трудом, с невысокими показателями феномена самозванца. Вероятно, не удовлетворенные трудом «самозванцы» представляют собой «группу риска» для проявления неконструктивного организационного поведения (контрпродуктивного и прокрастинационного).

Согласно результатам сравнительного анализа, можно предположить, что предиктором поведения, направленного на решение рабочих задач, будет феномен самозванца; поведения, направленного на поддержание организационных ценностей — удовлетворенность трудом, а для контрпродуктивного и прокрастинационного поведения — оба этих фактора профессионального благополучия.

ВЫВОДЫ

Полученные результаты и представленная их интерпретация подтверждаются результатами ранее реализованных работ. Так, неудовлетворенность трудом повышает вероятность контрпродуктивного поведения (Urien Angulo et al., 2018; Nemteanu, Dabija, 2021) и снижает вероятность проявления конструктивного, направленного на решение рабочих задач. Однако, в контексте феномена самозванца, необходимо учитывать и другие особенности таких сотрудников.

Устоявшееся представление о феномене самозванца, подтвержденное эмпирическими данными, свидетельствует о том, что он чаще проявляется в ситуации необходимости освоения новой профессиональной роли у человека, впоследствии достигающего значительного мастерства (например, Schubert, Bowker, 2017; Шевелева и др., 2021б). Возникает диссонанс между существующими представлениями и потенциальной склонностью лиц с феноменом самозванца к неконструктивному поведению. Есть вероятность, что опосредующую роль во взаимосвязи организационного поведения и профессиональных достижений сотрудников, склонных к феномену самозванца, играет их склонность занижать оценку собственных достижений, основанной на достаточно высоком уровне перфекционизма, что им свойственен (Lee et al., 2022; Шевелева, 2023; Шевелева и др., 2022). Вероятно, стремление к безупречному выполнению работы формирует у людей с феноменом самозванца представление об идеальной организации, идеальном рабочем процессе и идеальном поведении сотрудника организации, так что самооценка поведения и удовлетворенности факторами труда проводится относительно этих завышенных стандартов.

ОГРАНИЧЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В связи с указанным, важно отметить несколько ограничений настоящего исследования. Во-первых, использование метода самоотчета при условии высокой самокритичности сотрудников с феноменом самозванца может привести к искажению показателей. В дальнейшем, наряду с личностными опросниками, важно использовать методы, которые позволят получить более объективные данные об особенностях их организационного поведения (наблюдение, экспертная оценка и др.), а не только субъективное представление «самозванцев». Во-вторых, настоящее исследование не учитывает уровень перфекционизма, который потенциально может влиять на их оценку разных форм организационного поведения и удовлетворенности факторами труда. Изучение посреднической роли перфекционизма может стать дальнейшей перспективой исследования. В-третьих, настоящее исследование реализовано на выборке, которая была сформирована методом «снежного кома» и, хотя в целом соблюдались основные пропорции выборки, которые отражают соотношение респондентов трудоспособного возраста (пол, возраст и т.д.), в рамках реализации дальнейших исследований важно рассмотреть роль значимых для проблемы исследования феномена самозванца (пол, возраст) и организационного поведения (возраст, стаж) характеристик.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

Полученные в результате настоящего исследования данные о субъективном представлении сотрудников, склонных к феномену самозванца, об особенностях их организационного поведения и удовлетворенности факторами труда могут быть использованы организационными психологами и специалистами, занимающимися развитием персонала при разработке программ адаптации сотрудников и формирования профессиональных траекторий специалистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Григорян, Л.К., Лебедева, Н.М. (2014). Кросс-культурное исследование роли неформальных связей в формировании организационной лояльности. *Экспериментальная психология*, 7(2), 128–147.
- Гулевич, О.А. (2013). Гражданское поведение в организации: условия и последствия. *Организационная психология*, (3), 78–96.
- Дайнеко, В.В. (2022). Позитивная организационная доктрина: позитивное организационное поведение Ф. Лютанса и позитивное организационное видение К. Камерона. *Организационная психология*, (1), 175.
- Ильин, Е.П. (2011). Мотивация и мотивы. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер».
- Клименко, О.И., Шупило, О.М. (2014). Организационное поведение как фактор управления трудовой деятельностью работников. *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права*, 1(49), 114–120.
- Кочетков, Н.В., Маринова, Т.Ю., Орлов, В.А., Расходчикова, М.Н., Хаймовская, Н.А. (2023). Актуальные зарубежные исследования профессионального выгорания у учителей. *Современная зарубежная психология*, 12(2), 43–52. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120204>
- Погудина, Е.Ю. (2013). Микроподход к организационному поведению. *Вестник Томского государственного университета*, (373), 171–173.
- Рудакова, Н.Л. (2019). К вопросу об удовлетворенности трудом у сотрудников организационных подразделений в условиях различных организационных субкультур. *Актуальные проблемы организационной психологии и психологии дорожного движения*, (3), 31–41.
- Руднова, Н.А., Корниенко, Д.С. (2022). Психометрические характеристики опросника «Индивидуальное выполнение работы». *Психологические исследования*, 15(84). <https://doi.org/10.54359/ps.v15i84.1171>
- Сидоренков, А.В., Бохоровский, Е.Ф. (2020). Гражданское поведение и организационная коммуникативность работников в институциональном контексте. *Journal of Institutional Studies*, 12(2), 119–131. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.2.119-131>
- Темницкий, А.Л. (2002). Социокультурные факторы трудового поведения промышленных рабочих, 1990-е годы. *Социологический журнал*, (2), 76–93.
- Шевелева, М.С. (2023). Феномен самозванца: обзор зарубежных исследований. *Современная зарубежная психология*, 12(2), 116–124. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120211>
- Шевелева, М.С., Золотарева, А.А., Руднова, Н.А. (2021а). Феномен самозванца в профессиональной среде: роль мотивации и перфекционизма. *Национальный психологический журнал*, 3(43), 96–104. <https://doi.org/10.11621/npj.2021.0308>
- Шевелева, М.С., Золотарева, А.А., Руднова, Н.А., Корниенко, Д.С., Пермякова, Т.М. (2022). Перфекционизм и феномен самозванца как предикторы увлеченности работой и субъективного благополучия. *Психологический журнал*, 43(3), 80–88. <https://doi.org/10.31857/S020595920020498-3>
- Шевелева, М.С., Корниенко, Д.С., Пермякова, Т.М. (2021б). Шкала феномена самозванца: психометрические характеристики русскоязычной версии. *Психологический журнал*, 42(1), 132–142. <https://doi.org/10.31857/S020595920013343-3>
- Addae-Konadu, K., Carlson, S., Janes, J., Gecsi, K., Stephenson-Famy, A.B. (2022). Am I Really Qualified to Be Here: Exploring the Impact of Impostor Phenomenon on Training and Careers in OB/GYN Medical Education. *Journal of Surgical Education*, 79(1), 102–106. <https://doi.org/10.1016/j.jsurg.2021.08.013>
- Badawy, R.L., Gazdag, B.A., Bentley, J.R., Brouer, R.L. (2018). Are all impostors created equal? Exploring gender differences in the impostor phenomenon-performance link. *Personality and Individual Differences*, (131), 156–163. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.04.044>
- Bernard, N.S., Dollinger, S.J., Ramaniah, N.V. (2002). Applying the big five personality factors to the impostor phenomenon. *Journal of Personality Assessment*, 78(2), 321–333. https://doi.org/10.1207/S15327752JPA7802_07
- Bernat, E. (2008). Towards a pedagogy of empowerment: The case of “impostor syndrome” among pre-service non-native speaker teachers in TESOL. *English Language Teacher Education and Development*, 11(1), 1–8.
- Bravata, D.M., Watts, S.A., Keefer, A.L., Madhusudhan, D.K., Taylor, K.T., Clark, D.M., Nelson, R.S., Cokley, K.O., Hagg, H.K. (2020). Prevalence, Predictors, and Treatment of Impostor Syndrome: a Systematic Review. *Journal of General Internal Medicine*, 35(4), 1252–1275. <https://doi.org/10.1007/s11606-019-05364-1>

- Budi Santoso, P., Asbari, M., Siswanto, E., Fahmi, K. (2021). The Role of Job Satisfaction and Organizational Citizenship Behavior on Performance: Evidence from Indonesian Teachers. *International Journal of Social and Management Studies*, 1(1), 22–31. <https://doi.org/10.5555/ijosmas.v1i1.2>
- Chiang, C.-F., Hsieh, T.-S. (2012). The impacts of perceived organizational support and psychological empowerment on job performance: The mediating effects of organizational citizenship behavior. *International Journal of Hospitality Management*, 31(1), 180–190. <https://doi.org/10.1016/j.ijhm.2011.04.011>
- Cokley, K., Awad, G., Smith, L., Jackson, S., Awosogba, O., Hurst, A., Stone, S., Blondeau, L., Roberts, D. (2015). The roles of gender stigma consciousness, impostor phenomenon and academic self-concept in the academic outcomes of women and men. *Sex Roles: A Journal of Research*, 73(9–10), 414–426. <https://doi.org/10.1007/s11199-015-0516-7>
- Koopmans, L., Bemaards, C.M., Hildebrandt, V.H., Schaufeli, W.B., de Vet Henrica, C.W., van der Beek, A.J. (2011). Conceptual frameworks of individual work performance: a systematic review. *Journal of Occupational and Environmental Medicine*, 53(8), 856–866. <https://doi.org/10.1097/JOM.0b013e318226a763>
- Lee, H., Anderson, C.B., Yates, M.S., Chang, S., Chakraborty, D. (2022). Insights into the complexity of the impostor phenomenon among trainees and professionals in STEM and medicine. *Current Psychology*, 41(9), 5913–5924. <https://doi.org/10.1007/s12144-020-01089-1>
- Leonhardt, M., Bechtoldt, M.N., Rohmann, S. (2017). All impostors aren't alike — differentiating the impostor phenomenon. *Frontiers in Psychology*, (8), 1505.
- Mak, K.K., Kleitman, S., Abbott, M.J. (2019). Impostor phenomenon measurement scales: A systematic review. *Frontiers in Psychology*, (10), 1–15. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00671>
- Metin, U.B., Taris, T.W., Peeters, M.C.W., Korpinen, M., Smrke, U., Razum, J., Kolářová, M., Baykova, R., Gaioshko, D. (2020). Validation of the Procrastination at Work Scale: A seven-language study. *European Journal of Psychological Assessment*, 36(5), 767–776. <https://doi.org/10.1027/1015-5759/a000554>
- Metin, U.B., Taris, T.W., Peeters, M.C.W. (2016). Measuring procrastination at work and its associated workplace aspects. *Personality and Individual Differences*, (101), 254–263. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.06.006>
- Matthews, G., Clance, P.R. (1985). Treatment of the impostor phenomenon in psychotherapy clients. *Psychotherapy in Private Practice*, 3(1), 71–81. https://doi.org/10.1300/J294v03n01_09
- Meurer, A.M., Costa, F. (2020). Behold the best and worst of me: the impostor phenomenon and academic behavior in the business area. *Revista Contabilidade & Finanças*, (31), 348–363. <https://doi.org/10.1590/1808-057x201910370>
- Nemteanu, M.S., Dabija, D.C. (2021). The Influence of Internal Marketing and Job Satisfaction on Task Performance and Counterproductive Work Behavior in an Emerging Market during the COVID-19 Pandemic. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18(7), 3670. <https://doi.org/10.3390/ijerph18073670>
- Neureiter, M., Traut-Mattausch, E. (2016). An Inner Barrier to Career Development: Preconditions of the Impostor Phenomenon and Consequences for Career Development. *Frontiers in Psychology*, (7), 48. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.00048>
- Parkman, A. (2016). The impostor phenomenon in higher education: Incidence and impact. *Journal of Higher Education Theory and Practice*, 16(1), 51–60.
- Sambung, R. (2019). Job satisfaction on employee performance; Counterproductive work behavior and organizational citizenship behavior as mediators. *International Journal of Economic Behavior and Organization*, 7(3), 50–56. <https://doi.org/10.11648/j.ijebo.20190703.12>
- Schubert, N., Bowker, A. (2017). Examining the impostor phenomenon in relation to self-esteem level and self-esteem instability. *Current Psychology*, (38), 749–755. <https://doi.org/10.1007/s12144-017-9650-4>
- Sıgırcıkoğlu, E.B., Güğercin, U. (2022). The role of perceived organizational justice and job satisfaction in municipality employees' cyber-slacking behaviors. In: B. Akkaya, K. Jermisittiparsert, A. Gunsell, (eds.). *Handbook of Research on Current Trends in Asian Economics, Business, and Administration*, (pp. 366–383). Hershey: IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-7998-8486-6.ch020>
- Thompson, T., Davis, H., Davidson, J. (1998). Attributional and affective responses of impostors to academic success and failure outcomes. *Personality and Individual Differences*, 25(2), 381–396. [https://doi.org/10.1016/S0191-8869\(98\)00065-8](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(98)00065-8)
- Thompson, T., Foreman, P., & Martin, F. (2000). Imposter fears and perfectionistic concern over mistakes. *Personality and Individual Differences*, 29(4), 629–647. [https://doi.org/10.1016/S0191-8869\(99\)00218-4](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(99)00218-4)
- Urien Angulo, B., Diez Valdés, V., Osca Segovia, A. (2018). Justice, satisfaction and counterproductive behaviour: A Job Demands-Resources (JD-R) theory study on social workers. *Cuadernos de Trabajo Social*, (32), 141–152. <https://doi.org/10.5209/cuts.56882>
- Vergauwe, J., Wille, B., Feys, M., De Fruyt, F., Anseel, F. (2015). Fear of being exposed: The trait-relatedness of the impostor phenomenon and its relevance in the work context. *Journal of Business and Psychology*, 30(3), 565–581. <https://doi.org/10.1007/s10869-014-9382-5>
- Villwock, J.A., Sobin, L.B., Koester, L.A., & Harris, T.M. (2016). Impostor syndrome and burnout among American medical students: a pilot study. *International Journal of Medical Education*, (7), 364–369. <https://doi.org/10.51116/ijme.5801.eac4>
- Want, J., Kleitman, S. (2006). Imposter phenomenon and self-handicapping: Links with parenting styles and self-confidence. *Personality and Individual Differences*, 40(5), 961–971. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2005.10.005>

REFERENCES

- Dajneko, V.V. (2022). Positive organizational doctrine: positive organizational behavior by F. Luthans and positive organizational scholarship by K. Cameron. *Organizacionnaya psihologiya = Organizational Psychology*, (1), 175. (In Russ.)
- Grigoryan, L.K., Lebedeva, N.M. (2014). Cross-cultural study of the role of informal relations in the formation of organizational loyalty. *Eksperimental'naya psihologiya = Experimental Psychology*, 7(2), 128–147. (In Russ.)
- Gulevich, O.A. (2013). Organizational citizenship behavior: conditions and consequences. *Organizacionnaya psihologiy = Organizational Psychology*, (3), 78–96. (In Russ.)
- Ilin, E.P. (2008). Motivation and motives. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Klimenko, O.I., Shupilo, O.M. (2014). Organizational behavior as a factor in managing employees' labor activities. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava = Herald of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*, 1(49), 114–120. (In Russ.)
- Kochetkov, N.V., Marinova, T.YU., Orlov, V.A., Raskhodchikova, M.N., Hajmovskaya, N.A. (2023). Current Foreign Studies of Professional Burnout in Teachers. *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 12(2), 43–52. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120204>

- Pogudina, E.YU. (2013). Micro approach to organizational behavior. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Tomsk State University*, (373), 171–173. (In Russ.)
- Rudakova, N.L. (2019). On the issue of job satisfaction among employees of organizational units in the context of various organizational subcultures. *Aktual'nye problemy organizacionnoj psihologii i psihologii dorozhnogo dvizheniya = Current Issues of Organizational Psychology and Traffic Psychology*, (3), 31–41. (In Russ.)
- Rudnova, N.A., Kornienko, D.S. (2022). Psihometricheskie karakteristiki oprosnika "Individual'noe vypolnenie raboty". *Psihologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 15(84). (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v15i84.1171>
- Sheveleva, M.S. (2023). The Phenomenon of the Imposter: A Review of Foreign Research. *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 12(2), 116–124. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120211>
- Sheveleva, M.S., Kornienko, D.S., Permyakova, T.M. (2021b). Clance Impostor Phenomenon Scale: psychometric properties of Russian version. *Psihologicheskij zhurnal = Psychological Journal*, 42(1), 132–142. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S020595920013343-3>
- Sheveleva, M.S., Zolotareva, A.A., Rudnova, N.A., Kornienko, D.S., Permyakova, T.M. (2022). Perfectionism and imposter phenomenon as predictors of work engagement and subjective well-being. *Psihologicheskij zhurnal = Psychological Journal*, 43(3), 80–88. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S020595920020498-3>
- Sheveleva, M.S., Zolotareva, A.A., Rudnova, N.A. (2021a). The imposter phenomenon in the work context: the role of motivation and perfectionism. *National Psychological Journal*, 3(43), 96–104. (In Russ.) <https://doi.org/10.11621/npj.2021.0308>
- Sidorenkov, A.V., Bohorovskij, E.F. (2020). Organizational citizenship behavior and communicativeness of employees in the institutional context. *Zhurnal institucional'nyh issledovanij = Journal of Institutional Studies*, 12(2), 119–131. (In Russ.). <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.2.119-131>
- Temnickij, A.L. (2002). Sociocultural factors of industrial workers' work behavior, 1990s. *Sociologicheskij zhurnal = Sociological Journal*, (2), 76–93. (In Russ.)
- Addae-Konadu, K., Carlson, S., Janes, J., Gecsi, K., Stephenson-Famy, A.B. (2022). Am I Really Qualified to Be Here: Exploring the Impact of Impostor Phenomenon on Training and Careers in OB/GYN Medical Education. *Journal of Surgical Education*, 79(1), 102–106. <https://doi.org/10.1016/j.jsurg.2021.08.013>
- Badawy, R.L., Gazdag, B.A., Bentley, J.R., Brouer, R.L. (2018). Are all impostors created equal? Exploring gender differences in the impostor phenomenon-performance link. *Personality and Individual Differences*, (131), 156–163. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.04.044>
- Bernard, N.S., Dollinger, S.J., Ramanian, N.V. (2002). Applying the big five personality factors to the impostor phenomenon. *Journal of Personality Assessment*, 78(2), 321–333. https://doi.org/10.1207/S15327752JPA7802_07
- Bernat, E. (2008). Towards a pedagogy of empowerment: The case of "impostor syndrome" among pre-service non-native speaker teachers in TESOL. *English Language Teacher Education and Development*, 11(1), 1–8.
- Bravata, D.M., Watts, S.A., Keefer, A.L., Madhusudhan, D.K., Taylor, K.T., Clark, D.M., Nelson, R.S., Cokley, K.O., Hagg, H.K. (2020). Prevalence, Predictors, and Treatment of Impostor Syndrome: a Systematic Review. *Journal of General Internal Medicine*, 35(4), 1252–1275. <https://doi.org/10.1007/s11606-019-05364-1>
- Budi Santoso, P., Asbary, M., Siswanto, E., Fahmi, K. (2021). The Role of Job Satisfaction and Organizational Citizenship Behavior on Performance: Evidence from Indonesian Teachers. *International Journal of Social and Management Studies*, 1(1), 22–31. <https://doi.org/10.5555/ijosmas.v1i1.2>
- Chiang, C.-F., Hsieh, T.-S. (2012). The impacts of perceived organizational support and psychological empowerment on job performance: The mediating effects of organizational citizenship behavior. *International Journal of Hospitality Management*, 31(1), 180–190. <https://doi.org/10.1016/j.ijhm.2011.04.011>
- Cokley, K., Awad, G., Smith, L., Jackson, S., Awosogba, O., Hurst, A., Stone, S., Blondeau, L., Roberts, D. (2015). The roles of gender stigma consciousness, impostor phenomenon and academic self-concept in the academic outcomes of women and men. *Sex Roles: A Journal of Research*, 73(9–10), 414–426. <https://doi.org/10.1007/s11199-015-0516-7>
- Koopmans, L., Bemaards, C.M., Hildebrandt, V.H., Schaufeli, W.B., de Vet Henrica, C.W., van der Beek, A.J. (2011). Conceptual frameworks of individual work performance: a systematic review. *Journal of Occupational and Environmental Medicine*, 53(8), 856–866. <https://doi.org/10.1097/JOM.0b013e318226a763>
- Lee, H., Anderson, C.B., Yates, M.S., Chang, S., Chakraverty, D. (2022). Insights into the complexity of the impostor phenomenon among trainees and professionals in STEM and medicine. *Current Psychology*, 41(9), 5913–5924. <https://doi.org/10.1007/s12144-020-01089-1>
- Leonhardt, M., Bechtoldt, M.N., Rohrmann, S. (2017). All impostors aren't alike — differentiating the impostor phenomenon. *Frontiers in Psychology*, (8), 1505.
- Mak, K.K., Kleitman, S., Abbott, M.J. (2019). Impostor phenomenon measurement scales: A systematic review. *Frontiers in Psychology*, (10), 1–15. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00671>
- Metin, U.B., Taris, T.W., Peeters, M.C.W., Korpinen, M., Smrke, U., Razum, J., Kolářová, M., Baykova, R., Gaioshko, D. (2020). Validation of the Procrastination at Work Scale: A seven-language study. *European Journal of Psychological Assessment*, 36(5), 767–776. <https://doi.org/10.1027/1015-5759/a000554>
- Metin, U.B., Taris, T.W., Peeters, M.C.W. (2016). Measuring procrastination at work and its associated workplace aspects. *Personality and Individual Differences*, (101), 254–263. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.06.006>
- Matthews, G., Clance, P.R. (1985). Treatment of the impostor phenomenon in psychotherapy clients. *Psychotherapy in Private Practice*, 3(1), 71–81. https://doi.org/10.1300/J294v03n01_09
- Meurer, A.M., Costa, F. (2020). Behold the best and worst of me: the impostor phenomenon and academic behavior in the business area. *Revista Contabilidade & Finanças*, (31), 348–363. <https://doi.org/10.1590/1808-057x201910370>
- Nemteanu, M.S., Dabija, D.C. (2021). The Influence of Internal Marketing and Job Satisfaction on Task Performance and Counterproductive Work Behavior in an Emerging Market during the COVID-19 Pandemic. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18(7), 3670. <https://doi.org/10.3390/ijerph18073670>
- Neureiter, M., Traut-Mattausch, E. (2016). An Inner Barrier to Career Development: Preconditions of the Impostor Phenomenon and Consequences for Career Development. *Frontiers in Psychology*, (7), 48. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.00048>
- Parkman, A. (2016). The impostor phenomenon in higher education: Incidence and impact. *Journal of Higher Education Theory and Practice*, 16(1), 51–60.
- Sambung, R. (2019). Job satisfaction on employee performance; Counterproductive work behavior and organizational citizenship behavior as mediations. *International Journal of Economic Behavior and Organization*, 7(3), 50–56. <https://doi.org/10.11648/j.ijebo.20190703.12>

- Schubert, N., Bowker, A. (2017). Examining the impostor phenomenon in relation to self-esteem level and self-esteem instability. *Current Psychology*, (38), 749–755. <https://doi.org/10.1007/s12144-017-9650-4>
- Sigırcıkoğlu, E.B., Güğercin, U. (2022). The role of perceived organizational justice and job satisfaction in municipality employees' cyber-slacking behaviors. In: B. Akkaya, K. Jermisittiparsert, A. Gunsell, (eds.). *Handbook of Research on Current Trends in Asian Economics, Business, and Administration*, (pp. 366–383). Hershey: IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-7998-8486-6.ch020>
- Thompson, T., Davis, H., Davidson, J. (1998). Attributional and affective responses of impostors to academic success and failure outcomes. *Personality and Individual Differences*, 25(2), 381–396. [https://doi.org/10.1016/S0191-8869\(98\)00065-8](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(98)00065-8)
- Thompson, T., Foreman, P., & Martin, F. (2000). Imposter fears and perfectionistic concern over mistakes. *Personality and Individual Differences*, 29(4), 629–647. [https://doi.org/10.1016/S0191-8869\(99\)00218-4](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(99)00218-4)
- Urien Angulo, B., Díez Valdés, V., Osca Segovia, A. (2018). Justice, satisfaction and counterproductive behaviour: A Job Demands-Resources (JD-R) theory study on social workers. *Cuadernos de Trabajo Social*, (32), 141–152. <https://doi.org/10.5209/cuts.56882>
- Vergauwe, J., Wille, B., Feys, M., De Fruyt, F., Anseel, F. (2015). Fear of being exposed: The trait-relatedness of the impostor phenomenon and its relevance in the work context. *Journal of Business and Psychology*, 30(3), 565–581. <https://doi.org/10.1007/s10869-014-9382-5>
- Villwock, J.A., Sobin, L.B., Koester, L.A., Harris, T.M. (2016). Impostor syndrome and burnout among American medical students: a pilot study. *International Journal of Medical Education*, (7), 364–369. <https://doi.org/10.5116/ijme.5801.eac4>
- Want, J., Kleitman, S. (2006). Imposter phenomenon and self-handicapping: Links with parenting styles and self-confidence. *Personality and Individual Differences*, 40(5), 961–971. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2005.10.005>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

**Наталья Александровна
Руднова**

Natalia A. Rudnova

Кандидат психологических наук, младший научный сотрудник лаборатории психологии детства и цифровой социализации Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация, rudnova.na@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2063-2892>

Cand. Sci. (Psychology), Junior Researcher, Federal Scientific Center for Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, rudnova.na@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2063-2892>

**Марина Сергеевна
Шевелева**

Marina S. Sheveleva

Кандидат психологических наук, доцент департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Пермь, Российская Федерация, msheveleva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8713-1323>

Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Perm, Russian Federation, msheveleva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8713-1323>

Поступила: 18.06.2024; получена после доработки:
02.09.2024; принята в печать: 16.12.2024.

Received: 18.06.2024; revised:
02.09.2024; accepted: 16.12.2024.